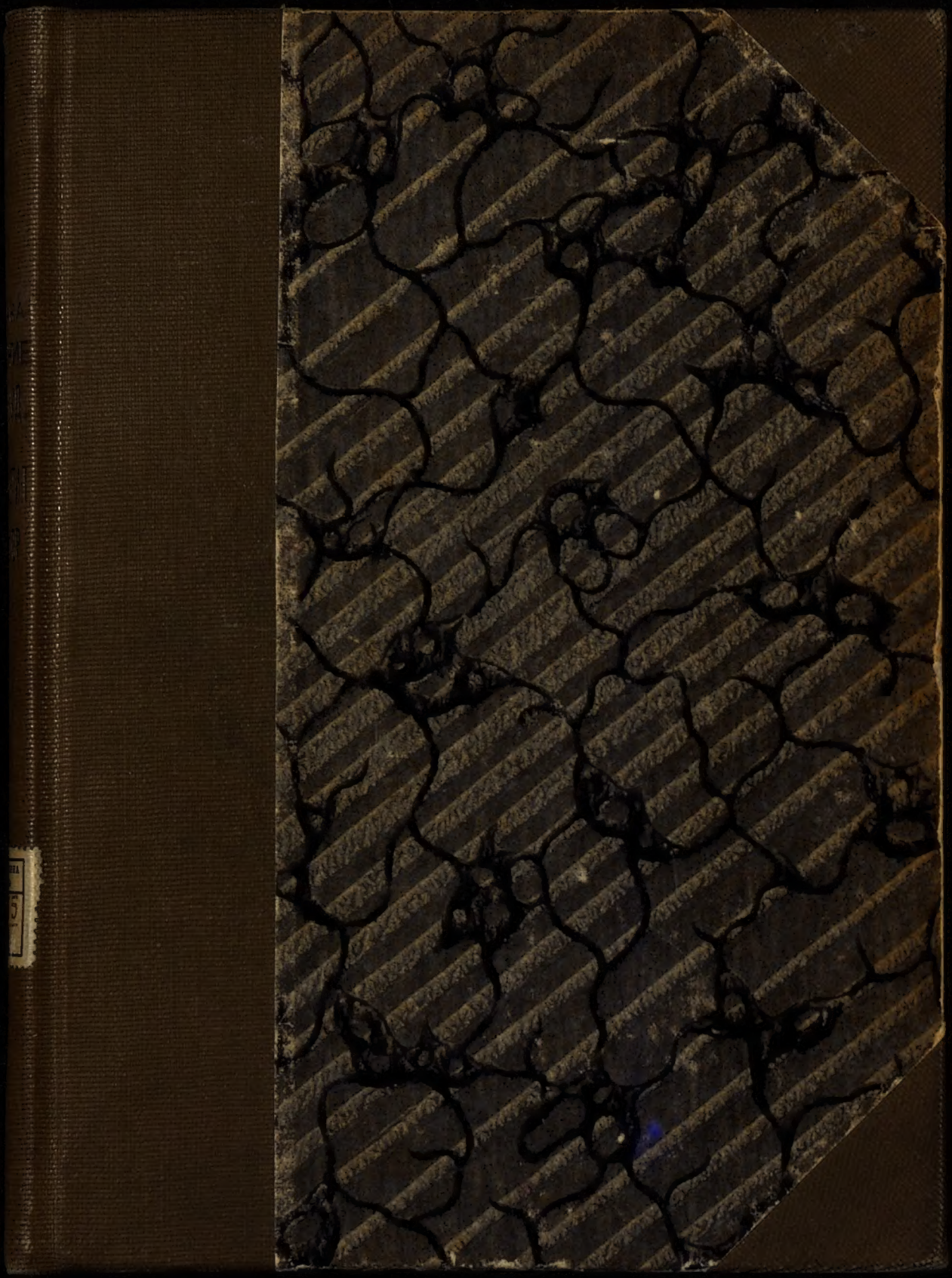

П. Стучка.

ГК205
С992₂

УЧЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ И КОНСТИТУЦИИ Р.С.Ф.С.Р.

ИЗДАНИЕ АГИТОТДЕЛА ГУБКОМА РКП.

КУРСК, 1922 г.

Курский Губернский Комитет РКП (больш.).

П. Стучка.

Учение о государстве и о конституции Р.С.Ф.С.Р.

Издание Агитотдела Губкома.

КУРСК.
Типография ГСНХ № 2, ул. Ленина, 22.
1922.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

1885

ГК205
С991 р

БИБЛИОТЕКА
Института Маркса-Ленинизма
при ЦК КПСС
106062

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б)
106062
Соф
30758

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я выпускаю вторую часть своей работы „Революционная роль права и государства“,*) но она появляется на свет самостоятельною работою, а не вторым томом. Когда я написал свое общее учение о праве, я даже предполагал ограничиться этою первою частью, ибо, как я тогда же писал, я считал, что вопрос о государстве принципиально уже верно поставлен. Но так как в это время я получил, независимо от прежнего, новое поручение написать „учение о государстве и Советской конституции с изложением функций местных властей“, то я решил соединить в этой работе две задачи: дать общее или теоретическое и практическое учение о государстве в одной книжке, а первое именно в дополнение моей работы о праве.

Я имел в виду построить свою работу по системе наглядного обучения, т.-е. пройти нашу конституцию по методу сравнительной популярно-научной работы. Рассматривая отдельные институты и учреждения, я хотел одновременно читателя знакомить и с теориями буржуазной науки. Это вносит больше ясности и заодно обогащает кругозор читателя. К сожалению, эту работу удалось провести лишь отчасти, так как книжка иначе вышла бы слишком громоздкою и превысила бы размеры практического руководства для партийных школ.

С другой стороны, я считал своею обязанностью ввести в свою работу и вопросы, которые выходят за пределы изложения конституции, но которые мне неоднократно задавались во время чтения лекций о конституции пред коммунистическою или, вообще, рабочею аудиториею как на русском, так и на немецком (1918 г.) и латышском языках. Таковы, напр., вопросы о пролетарской государственной власти при государственном капитализме, о плане революционной борьбы в зависимости от взгляда на сущность государства, о партийном правительстве, о бюрократизме, и т. д. Я не мог обойти молчанием и общих понятий из буржуазной науки о государстве, но я отказался от исторического обзора этих понятий и довел до минимума теоретическую часть

*) **П. Стучка**. «Революционная роль права и государства». I Общее учение о праве. Госиздат 1921 г.

работы, всюду, где только возможно, пользуясь подлинными словами Маркса и Энгельса на эти темы. Я считал себя вправе так облегчить себе задачу уже потому, что в своей работе о праве я показал бесплодность потуг буржуазных ученых создать науку о праве и о государстве, не став на классовую точку зрения.

По поводу государства эта картина вышла бы еще более яркою, но она не дала бы ничего принципиально нового. Вопрос о государстве верно поставлен тов. Лениным, и ответ на вопрос для нас уже свободен от всякого мистицизма. Для прочих же стран он все равно пока имеет в общем лишь характер веры или неверия, в убеждение масс его превратит только революция сама.

Я не буду извиняться относительно случайности цитированных мною буржуазных авторов; я нигде не имел в виду исчерпывающего обзора их мнений и учений. Я даже думаю, что авторы, которые будут писать у нас по вопросам науки о государстве, и впредь принесут больше пользы, если они, вместо бесконечного пересказа всех этих теорий, обратят больше внимание на прообраз буржуазного государства без примеси остатков старого режима, т. е.—на конституции и практику всяких торговых, акционерных и прочих видов обществ и товариществ. Оттуда мы извлечем больше реальной пользы для будущего развития наших учреждений, чем из старого хлама буржуазной науки, которая и в теории и на практике нередко еще переживает отжившие свой век мысли и слова древней Греции и старого Рима.

Только таким путем мы дойдем до новой системы a la Тэйлор для „конторской" работы государственных учреждений с искоренением всякого лишнего „движения", т.-е. лишних бумаг, копий, подписей и росписей и всякого лишнего, т.-е. общественно безполезного, а, стало быть, вредного работника. В этом отношении у нас, кроме обильного пустословия, сделано еще весьма мало на практике, а в теории ничего не сделано. Я когда-то высказал мысль, что об'единение в один профсоюз торговых и государственных служащих внесет новую струю в ряды и умы последних. Я боюсь, не случилось ли наоборот, и не заразили ли последние первых. Впрочем, поживем—увидим.

П. Стучка.

I. ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА.

Если ныне спросить более или менее сознательного коммуниста, что такое государство, то мы, вероятно, в большинстве случаев получим определенный и совершенно правильный ответ по Марксу и Энгельсу, что государство есть орудие в руках господствующего класса для того, чтобы держать в подчинении угнетенные классы. Соответственно этой задаче или цели государства, мы правильно определяем и роль государственной власти. На классовом понятии государства и на вопросе о государственной власти я подробнее остановился в своей работе „Общее учение о праве", и в задачу нынешней работы не входит повторение сказанного там. Здесь мы должны, однако, подробнее остановиться на *понятии государства,* не только с точки зрения его задач, т. е. его функций, государства, так сказать, в движении, но на понятии государства по его содержанию и по форме.

Опять я перелистываю уйму всяких буржуазных теоретических трудов о государстве, а разультат этих поисков „верного" научного определения понятия государства выражается в словах,—которые я, чтобы быть об'ективным, цитирую из первой попавшейся книги буржуазного профессора *): „Политическая литература дает *множество разно-*

*) См. Коркунова „Сравнит. очерк права иностранных государств." 1906 г. Другой ученый, немецкий проф. Гирк, пишет: „Из того факта, что в спорах о государстве имеются разногласия не только во взглядах на внутреннюю суть государства, на последнее его основание и конечную цель, но не достигнуто соглашение даже насчет внешней формулировки и постановки решающего основного понятия, открывается вся глубина существующего несогласия". А третий проф. Э. Леннинг (Loening), находит, что „основные и самые общие понятия науки о государстве представляют величайшие затруднения и, может быть, навсегда останутся вне области нашего полного познания".

образных определений государства и нет ни одного общепринятого". Повторяется то же самое, что с понятием права, общества, и т. д., и мы моглибы так же подробно показать, что и почему буржуазная наука и этого определения дать не могла, если или пока она не стала на классовую точку зрения. Но здесь она этого не могла делать или могла еще в меньшей мере, чем где бы то ни было, ибо последнее слово этой науки сводится именно к отрицанию, стушеванию всякой классовой точки зрения в понятии, так называемого, демократического правового, т.-е. парламентарного, государства *). „Истинное демократическое государство не может не быть парламентарным, ибо парламентаризм является венцом конституционного режима" **).

В своем стремлении к абстрактному обобщению буржуазная наука и здесь приходит или к чисто техническому перечислению разных признаков государства, или же к пустым формулам без всякого содержания. Так, напр., Леон Дюги, почему-то обративший на себя особое внимание русских марксистов, пишет: „В своем наиболее общем смысле слова государство обозначает *всякое человеческое общество*, в котором существует *политическая* дифференциация между правящами и управляемыми, одним словом,—*политическая власть*" ***). А так как любой словарь вам скажет, что слово „политический" обозначает ныне то же самое, что „относящиеся к государству" или просто „государственный", то определение Л. Дюги сводится к тому, что *государство* обозначает всякое человеческое общество, в котором имеется *государственная* власть, т.-е. что государство есть госу-

---

*) См., напр., Г. Мейера „Парламентское избирательное право" (по-немецки): „Государство должно быть *нейтральным* элементом. Критерием государственной деятельности должно быть не благо отдельного сословия или класса, *а общее благо народа*". „Тот факт, что депутат избирается различными общественными классами, является могущественною сдержкою узко эгоистичной классовой политики". Настоящая идиллия в духе Бентама!

**) См. В. Гессен. „Основы констит. права". У него же (стр. 66): „Отождествление понятия правового и конституционного государства является общим местом современной германской доктрины государственного права".

***) Наиболее об'ективные, т. е. наиболее ограниченные, доценты государственного права дают напр. следующее определение: „Государство — это политическая правовая организация самостоятельного народа". Значит, опять-таки государство есть государственная организация.

дарство. Было бы бесплодной потерей времени заниматься разбором подобных теорий.

С чисто технической стороны для понятия государства выставляется целый ряд признаков: 1) территория, 2) нация или жители, 3) единая „воля“ или государственная власть и 4) верховенство или суверенитет этой государственной власти. Чисто описательная наука публичного или государственного права ограничивается перечнем и разбором этих отдельных признаков и затем об'единением их в краткой формуле, так сказать, на паритетных началах, на началах равноправия каждого признака. Я выхватываю наугад такую готовую формулу: „Государством называется соединение людей, подчиненных одной верховной (или суверенной) власти в границах определенной территории“. В этом определении буржуазная наука едина. Но куда отнести это об'единение людей? К учению ли об обществе? Видеть ли в нем организм, механизм, и т. д.? Как только буржуазная наука начинает заниматься этими вопросами, она распадается на столько же фракций, сколько она имеет представителей.

Для того, чтобы вопрос сразу поставить правильно, а, как верно замечает проф. Котляревский, „в истории человеческой мысли так часто постановка вопроса гораздо важнее, чем ответ на него“*), мы должны взять исходною точкою своего определения *классовую точку зрения*. И с этой точки зрения государство есть, прежде всего, *организация* человеческого *общества* и при том *организация классовая* в отличие от всех прочих возможных видов организации общества, или, вернее, организация самого класса в этом обществе. Все остальные признаки, как бы они ни были важны и, повидимому, определенны, теряют не только значение, но часто и свою определенность пред этим основным признаком. Конечно, не было государства там, где не было еще классов, как и не будет государства после уничтожения классовых антагонизмов и самих классов. Мы тогда получаем последовательно, по ходу истории: первобытную коммунистическую организацию человеческого общества или первобытный род или общину, классовую организацию

*) См. Маркс, „Nachlass“ 1,401: „Формулировка вопроса есть его решение“.

человеческого общества или государство, и коммунистическую организацию человеческого общества будущего.

Нас здесь интересует только период классовой организации общества или государства. Нам нечего здесь останавливаться на понятиях общества и класса, которые даны в моей работе о понятии права. Но нам прежде всего, возразят: о какой организации общества здесь идет речь, когда история государства как раз представляет собою сплошную историю *дезорганизации* общества *)? Ведь, это развитие государства сломало систему коммунизма и полукоммунизма, распылило личность, разлагая все первоначальные виды взаимной связи и организации людей, и привело к „системе" *экономической анархии*, называемой капиталистическим или *буржуазным „порядком"* и обществом! Совершенно верно, но только слепой может пропустить мимо глаз громадную роль, какую в истории человечества именно играла идущая параллельно перегруппировка, переорганизация человеческого общества.

Если Аристотель, философ классической Греции, в своем определении государства непосредственно исходит от того общества, которое еще во многом сохранило следы первобытного человечества, и государство характеризует именно, как автаркию, т.-е. самодовлеющее целое, то потребовалось более двух тысяч лет, чтобы наука дошла до такой сравнительно убогой, какой была *органическая* теория государства, „открывшая" аналогию **), сходство между организмом человека и государством. И в самом деле, если искать этих признаков организма в феодальном государстве, то, кроме плохих анекдотов, конечно, немного получается существенного ***). От этой органической теории

---

*) См. Котляревский—„Власть и право", 1915г. „Но как ни разнообразны причины, ускоряющие образование государства... прежде, чем государство станет *силою правообразующею*, оно является по преимуществу силою *праворазрушающею*". Автор, конечно, слово „право" относит и к доклассовому периоду.

**) Эта аналогия доводится до курьезов буржуазною наукою, если, напр., для определения взаимоотношений государства и церкви Блюнчли (Allgemeine Staatslehre, 1875) „государство определяет, как мужской, а церьков—как женский организм.

***) Помещик, юнкер „научно" себя определяет *связующим звеном* между короною, т. е. королем, и крестьянином. Ему отвечают резонно: да, связующим звеном в том же смысле, как гончая собака является связующим звеном между охотником и зайцем.

до теории *советской* организации расстояние громадное, но для буржуазной мысли эта органическая или дополняющая ее психологическая школа является высшею научною точкою зрения. Все, что превзошло эту идею, сводится к чисто практической задаче научной перелицовки *финансового акционерного общества* диктатуры буржуазии в „чистую" политическую демократию.

Но если мы ознакомимся в последующем изложении с разными институтами и аттрибутами государства, как они понимались и определялись в буржуазной науке, то мы увидим, что и там сплошь и рядом прорывается мысль о форме организации той или иной области жизни государства, для которой они могли бы найти настоящее решение *только в системе советов*. Так например, в вопросе о местном самоуправлении мне приходилось в меньшевистской печати на разных языках читать прибауточки относительно „пресловутой власти на местах" большевиков. Это не что иное, как рассуждение политических недорослей, ибо только решение вопроса о *местной власти* дает возможность найти решение вопроса о самоуправлении вообще. А эту задачу целесообразной организации общества решает только организация *власти трудящихся масс* на местах и в центре, и последним словом такой организации именно является *Советская власть*, как мы это увидим дальше.

Итак, *государством мы называем классовую организацию человеческого общества* или, что в действительности одно и то же, *организацию господствующего класса*, имеющую основною своею задачею или целью господство этого класса.

Если мы к этому основному определению государства прибавим еще заимствованные из буржуазной науки признаки современного государства, то мы могли бы получить пояснение, что „государство является классовою организациею общества, охватывающею определенную территорию и относящееся к этой территории население в его совокупности и объединенную суверенною государственною властью". Мы общество здесь опять-таки понимаем, как совокупность общественных отношений, а не простое соединение людей, тем более, что и буржуазным ученым не чужда эта мысль, что „совокупность людей (Personengesammhei) образует государственный организм (Staatskörper) не как сумма равных

между собою атомов (единиц), но только .. в определенном государственно-правовом расчленении (Gliederung)" *).

В своем общем учении о праве я остановился на определении права, „как системы или порядка социальных отношений, соответствующих интересам господствующего класса и посему охраняемых организованною силою этого класса, т.-е. государством". Государство, как монополист законодательной власти, путем закона проводит желательную для господствующего класса систему (или порядок), т.-е. организацию социальных отношений, и своим аппаратом оказывает всяческую поддержку таковой организации этих отношений. Мы увидим в дальнейшем, какие широкие размеры приняли это воздействие и этот аппарат, благодаря чему государство принимает всеохватывающий характер. Поэтому и там, где колеблются и еще не получили устойчивости или ее уже потеряли—территория, нация и суверенность, государство все-таки имеется на лицо, если общество получило классовую организацию. В таком случае, государство можно будет назвать *„классовою организациею общества в границах регулируемой и контролируемой господствующим классом системы (или порядка) социальных отношений"*. Но, если мы будем понимать территорию и нацию, как конкретные пределы этой системы, а суверенность, как именно не только юридическую, но и фактическую власть регулирования и контроля, то мы можем удовлетвориться и первым определением, как более привычным и поэтому более пригодным для практических целей. Лишь без таковой оговорки мы впадаем в область иллюзии, так ярко характеризующую все буржуазное понимание государства.

Для лучшего выяснения вопроса мы вкратце остановимся на отдельных признаках понятия государства, за исключением лишь государственной власти, по поводу которой я уже отослал читателя к труду т. Ленина и к первой части моей работы, „Общему учению о праве". О государственной власти нам придется поговорить лишь по поводу понятия *суверенности*, т.-е. отношения данной государственной власти ко всем прочим властям, как госу-

*) Gierke „Die Grundbegriffe des Staatsrechts", 1915, стр. 116. Его последователь Пресс государство определяет, как собирательную личность (Gesammtpersönlichkeit).

дарственным, так и общественным и классовым. Мы, таким образом, здесь рассмотрим лишь вопросы: 1) о территории, 2) о нации и 3) о суверенной государственной власти.

а) Территория.

В настоящее время обязательным признаком государства является определенная территория. „Территорией называется та страна (Land), на которой возвышается (sich erhebt) государственный союз или, с правовой точки зрения, то пространство, на котором государственная власть может осуществлять свою специфическую деятельность, а именно — свое господство". „В отрицательном смысле это означает то, что на этой территории ни одна другая государственная власть такой же деятельности осуществлять не может, а в положительном смысле, что это государственное господство подчиняет себе всех находящихся на этой территории лиц" (Еллинек).

Этот признак, который ныне считается обязательным условием существования государства, не всегда считался таковым, но является лишь требованием нового времени. Можно прибавить, что он таковым снова, не является в полной мере и в империалистический период, когда *господство* великих держав простирается далеко за пределы их территорий по отношению к так называемым „сферам влияния". Понятие государства эпохи классической древности представляло государство, как совокупность граждан, которая не обязательно отождествлялась с об'единенным местом их жительства. Ни одна дифиниция (определение) древнего мира, а равно и периода с 16 до 19 столетия не приводит определенной территории в числе обязательных признаков государства. Впервые Еллинек это требование находил в 1817 году у Кербера, определяющего „государство, как гражданское общество в определенных земельных границах".

Этот факт имеет значение весьма существенное, ибо он тесно связан с историей возникновения государства, именно, как классового господства над „оседлым населением" *). Для всякого понятно, что определение границ госу-

*) См. Еллинек „Allgemeine Staatslehre", II Auflage, 1905, стр. 410: „Государство с точки зрения права это—организм (körperschaft) *оседлого* народа, снабженный элементарною властью господства".

дарства в эпоху, когда государство развивается из отчасти еще кочевого населения или является господством над громадною территориею зависимых общин и прочих организаций человечества, вплоть до мирового государства Рима, было просто физической невозможностью. Понятие территории стало существенным, когда та или иная часть мира, а ныне весь мир уже были *разделены*. Она снова теряет прежнее значение с того момента, как победоносный империализм превращает в свои колонии 2 трети всего мира, не взирая на границы существующих государств.

Но как раз в буржуазном государстве наукою и дипломатиею, в одинаковой мере отдающими дань буржуазному лицемерию, территория, границы государства выдвигаются, как самое безусловное условие всякого существования государства. Буржуазная наука достигает этого, конечно, лишь допуская юридическую *фикцию самостоятельных государств вместо реального факта их полной зависимости*.

б) Нация.

„Все относящиеся к даннону государству люди в совокупности составляют нацию (народ. Staatsvolk)". Нация понимается в двояком смысле: нация, как суб'ект, и нация, как об'ект власти (сумма подданных *). И это слово обозначает понятие новое. В древние времена, когда на территории государства находились свободные люди и рабы, и когда политическое участие в государстве принимали только свободные граждане—cives, то имелось и соответствующее название для их об'единения „civitas", буквально—гражданство. Рабы являлись не частью нации, а принадлежностью этих граждан. Подданные же вообще представляли собою лишь предмет обложения, как люди, находящиеся „под данью". Их так же, как в средние века крепостных, считали „по сказкам", в виде показателя богатства того или иного феодала и для определения размеров дани последнего его сюзерену, т. е. высшему феодалу.

Из этого вытекает естественный вывод, что понятие нации в нынешнем смысле могло появиться лишь там, где исчезло или исчезает деление людей на касты, на сословия,

*) См. Еллинек, там же.

и т. В этом обществе народ означает или население в противоложность господствующим касте, сословию, и т. п., или же об'единение только свободных граждан. В буржуазном государстве, разделенном на классы, понятие на нации получает особый смысл, как обозначение совокупности всех классов и даже как отрицание их. Это является одною из коренных *фикций* буржуазного строя. И в этом отношении много способствует то различное значение, которое придается нации, то как синониму государства, то как совокупности всех жителей государства—без различия классов, т. е. смешивая понятие политическое с этнографическим. Существенным, связывающим элементом для нации всегда является история, традиция (реальная или вымышленная). „Существенный элемент *национального* единства следует искать в общности традиций, потребностей, стремлений. Человечество, как говорят, создано больше из *мертвых*, чем из *живых*, *нация—так же*". (Леон Дюги).

О нации, впрочем, нам придется еще говорить в дальнейшем.

в) Суверенная власть.

Суверенная или верховная власть означает власть, которой, с одной стороны, подчинены, подвластны все лица, относящиеся к данной территории, но которая, с другой стороны, сама по праву, „de jure", не подчинена никакой другой власти. Словечко „de jure", которое здесь так часто означает одну фикцию права, противоставляется слову de facto, означающему фактическую, реальную власть. „В старину противоположности государственной власти другим властям не существовало; современное государство свое существование отвоевало только в тяжелой борьбе... Что означает суверенитет? Не ученые открыли его, нет,—мощные силы, борьба которых дала содержание целым столетиям, породили это понятие". „Суверенитет это понятие полемическое, сперва оборонительного, а затем и наступательного характера" (Еллинек).

Еллинек, который играет выдающуюся роль в буржуазной науке государственного права, здесь верно отмечает борьбу, но он не проникает в суть этой борьбы, как барьбы классов, а видит лишь борьбу государства современного типа противных сил прошлого: церкри Римской Империи и крупных вассалов и корпораций средних веков.

Борьба государства с церковью началось давно. Первоначальная светская власть была властью церковною. Лишь медленно идет эмансипация, (напр., в Риме) государства от церкви, „секуляризация" государственной власти, но с победой христианства эта власть снова делается церковною и лишь весьма медленно светская государственная власть освобождается из под власти церкви. Мы видим последовательно три ступени развития: 1) государственная власть подчинена церкви, 2) существует параллельно и 3) государство подчиняет себе церковь, как орудие порабощения. Больше для суверенности государственной власти ничего не требуется.

Вторая борьба шла за „самостоятельность" отдельных государств, в своем роде *самоопределение* против империалистического Рима. Одновременно же идет другая, противоположная борьба—за *уничтожение самоопределения* местных, волостных государств-феодалов.

В результате получается та суверенная, абсолютная государственная власть, какую мы видим накануне буржуазной революции. С этого момента суверенность начинает терять свое определенное значение, и мы начинаем говорить то о суверенной власти нации в государстве, то о суверенной государственной власти в международном праве. Как в одном, так и в другом случае это понятие принимает лицемерный, часто иллюзорный характер, когда мы говорим о суверенности нации в классовом государстве да еще при буржуазной диктатуре или когда мы говорим о суверенности мелких, целиком зависимых государств. Тут получается какая-то несуразность, если говорят о „de jure" независимости по отношению к государствам, „de facto" лишенным всякой самостоятельности, а в то же время „Лига наций" или отдельные государства признают „de facto" независимость, напр., Сов. Прав. России, отрицая за ними это признание „de jure". Опять тот же старый Щедринский вопрос: грабить ли просто или грабить по закону?

Первый период развития капиталистического или буржуазного общества обнаруживает стремление к единому государству, к централизации сначала национальной в узком смысле слова, а затем к централизации чисто империалистической. Это стремление создать новую Мировую Империю с единою суверенною властью является фактическим устранением суверенности каждого отдельного зависимого

государства. Это буржуазное об'единение, которое основывается исключительно на силе и на отрицании самостоятельности или самоопределения, является прямою противоположностью об'единения Советской Федерации, основанной на действительном праве самоопределения.

Вопрос о самостоятельности государств в буржуазном строе тесно связан с вопросом о суверенности. „Всюду где государственный организм (Gemeinwesen) свою организацию, говорит тот же Еллинек, получает от другой власти, так что она основывается на законах другой власти,—нет государства, а есть только член (Glied) государства". Если власть здесь истолковать лишь юридически, а не фактически, то по этому определению члены Герм. Союза являются „самостоятельными государствами". И, конечно, в буржуазном мире вполне достаточно *бумажного*, вместо *реального* суверенитета.

II. ЭКОНОМИЧЕСКИ-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА.

„Государство было оффициальным представителем всего общества, его сосредоточением в одной корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, *который для своей эпохи один представлял все общество*: в древности оно было государством рабовладельцев—граждан государства, в средние века—феодального дворянства, в наше время—буржуазии". (Энгельс, Анти Дюринг).

Изменение классового характера государства естественно влекло за собою каждый раз и изменение целей, задач, структоры государства, как говорится, всего государственного строя. В древнем обществе это государство город, „синойкия"—об'единение рабовладельческих хозяйственных ячеек. В феодальном строе—государство сословное, во главе которого—главный дворянин, сверхфеодал. В буржуазном обществе, наконец, это государство национальное, демократия, государство типа акционерного общества, во главе которого—коллективный капиталист (Gesammtkapitalist), в конце-концов,—финансовый капитал. Человек не только своего бога творит по своему же образу и подобию: господствующий класс свой образ переносит и на государственную власть. Будучи в корне орудием подавления человека, *владения и*

управления людьми, государство к этой своей задаче *присоединяет* задачи *владения и управления вещами*, принимает на себя не только политические, но и экономические функции.

А если самый общественный класс в своем существе определяется *его ролью в производстве* *), то, став у власти, класс в государстве или, вернее, в государственной власти, в первую голову, *создаст аппарат завоевания, упрочения, развития, сохранения этой своей роли в производстве.* Вот откуда вытекает истинный смысл слов Маркса, что всякая классовая борьба (т.-е. борьба из-за роли в производстве) есть борьба политическая (т.-е. борьба, имеющая в виду охрану этой роли организованною властью государства)

Для всякого ясна, при таких условиях, роль государства в так наз. политической, или, как немцы говорят, национальной экономии. Еще проф. Лоренц Штейн писал, что „теоретические системы политической экономии одновременно являются и системами экономического управления". Каждая смена у власти класса или классовой группы вносит и новые взгляды, как в теории, так и в практике, на роль государства в политической экономии. Мы начинаем с феодального периода.

а) У власти феодал-землевладелец.

У власти один из трех великих общественных классов: землевладелец феодал, т.-е. дворянин. Государство соответствует этому сословному, общественному строю. Это, собственно говоря, федерация феодальных волостных государств, и федерация вначале довольно слабая. Вся власть здесь на местах в руках помещика-дворянина. Его классовой интерес владеть землею и владеть экономическими единицами, прикрепленными к этой земле, т.-е. собирать с них дань, как со своих подданных. Суть всякого землевладения заключается в получении, в той или иной форме, поземельной ренты. Федеральное устройство государства заключается в сословной иерархии с подчинением (принудительным или, м. б., иногда даже добровольным) низшего феодала высшему,

---

*) См. определение революционного понятия класса и классовой борьбы в главе III моей работы о праве.

при чем эти высшие феодалы (сюзерены) свою дань получают с низшего феодала. *Это—организация взимания дани.*

У помещика, однако, было и свое мызное хозяйство, расширяющееся со времени окончательного введения крепостной зависимости. Соответственно тому и у высшего феодала имеется свое хозяйство, свой двор. Но тут прибавляется еще известный запас дани и известный хозяйственный аппарат, имеющее целью снабжение военных дружин оружием и прочими военными запасами. Это — первые зачатки государственного хозяйства, управление государством вещами.

Дворянское сословие, как класс, было заинтересовано в свободном владении (мы знаем, что владение означало — собирать дань) землею и крестьянами. Это должно было им гарантировать их *сословное* государство. Но в самом классе был большой антагонизм интересов низшего и высшего феодала. Последний проявлял большую тенденцию к расширению своего аппетита: грабить награбленное. Центральная власть, король, князь, государь—постепенно стремился превратиться в владельца монополиста на все государство, не говоря уже о том, что он со своим двором был сам одновременно и самым крупным помещиком.

б) Переходная стадия от власти землевладельца к власти капиталиста.

Рядом с этим развитием идет расцвет городов за счет деревни. Нарождается городской капитализм и закабаляет себе постепенно как крестьянина, так и помещика Своею экономическою организациею город становится грозною силою, а в своем новом производстве он кладет фундамент будущему капитализму, буржуазному обществу. Вследствие этого в государстве получается известное равновесие сил двух классов, что приводит к еще большему усилению центральной государственной власти, принимающей форму над-

---

*) Король, как сверхфеодал, во Франции 1789 г. был самым крупным помещиком: „Королевские домены вместе с общими землями составляли приблизительно 1/5 всей почвы Франции" Л.-де Лаверн). Королевские леса для охоты занимали 1 милл. моргов. Сюда следует прибавить землевладение принцев, около 1/7 всей Франции. 1/5 часть земель принадлежала церкви, и при том наиболее плодородная и обработанная часть.

БИБЛИОТЕКА
при ЦК КПСС

классового абсолютизма. „L'etat c'est moi" — государство это я, т. е. король.

Этот абсолютизм-самодержавие был своеобразным строем. Весь аппарат по прежнему состоял из той же дворянской сословной иерархии, но *не* как сословия, *избирающего короля*, а *как* служилого *сословия*, *набираемого королем*. С другой стороны, в экономической политике „все его мероприятия являются почти во всех деталях снимком с экономической политики средне-вековых городов" *). Значит, смесь старого с новым. Экономическою системою этого периода является меркантилизм, лозунг которого: создание замкнутого по отношению к внешнему миру государственного хозяйства. Характернейшею его стороною является чрезвычайно широкое вмешательство государства в экономическую сферу. Усилило это вмешательство еще то, что К. Маркс называет распродажею государства: путем государственного кредита, государственных долгов и массовых налогов.

Такова была новая система хозяйства, первый тип государственного капитализма. Власть вышедшая из лона феодального сословия, превращалась в носительницу новой системы хозяйства. Но она была чрезмерно расточительна и этим вызвала недовольство даже среди части дворянства. С другой стороны, она слишком опиралась на придворную дворянскую свору и тем вызвала недовольство не только среди буржуазии, но и среди обиженной, и обойденной части дворянства, попавшей в разряд разночинной интеллигенции. Все эти слои решились на меленькую революцию в целях ограничения короля, особенно в финансовом отношении. Чрезмерно угнетенные крестьяне и голодные рабочие, однако, на этом не остановились: они подняли восстание, превратившееся в великую революцию и ниспровергли как абсолютизм, так и феодализм. Но государственная власть попала в руки не их, а буржуазии.

в) У власти буржуазия, класс капиталистов.

Буржуазия, класс капиталистов, стремилась к уничтожению феодального сословия, дворянства. В этом стремлении заключается смысл ее борьбы против хлебных законов

*) См. Бюхер „Вопросы народного хозяйства", 1912, стр. 103, и Шмоллера, „Jahrbuch für Gesetzgebung" VIII.

в Англии и ее декретов о конфискации дворянской земли и об отмене феодальных привиллегий, барщины и крестьянской зависимости. Но она пошла на компромисс и оставила ренту в капиталистической форме в руках части феодалов вместо полной ее национализации, т.-е. превращения в собственность своего, буржуазного государства.

У власти новый класс: класс капиталистов, буржуазия.

„Буржуазный либерализм только продолжал дело, начатое абсолютизмом... С внешней стороны казалось, что либерализм только *разрушал*: он разрушил отжившие феодальное и городское хозяйство и не создавал нового, но он расчистил путь истинным народно-хозяйственным формам" (Бюхер., о. с.). Вернее всего этот режим характеризует „Декларация прав человека и гражданина" Великой французской революции, как обеспечение частной собственности, т.-е. свободу эксплоатации человека человеком—„по своему усмотрению". Эксплоатация человека человеком относится к области частного дела каждого (Privatsache, private). Это—*организация получения прибыли.*

Буржуазия впервые заговорила о *народном национальном* хозяйстве. „The wealth of nations" (1751) „Исследование народного богатства". Так назывался труд отца классической школы полит. экономии Адама Смита. Буржуазия впервые заговорила о национальном государстве, хотя оно было чисто классовым. „We, the people of America"—„Мы, народ Америки". Но какой смысл имело в данном случае „национальное хозяйство", если мы сейчас читали цитату из Бюхера о том, что новое государство как раз только разрушало государственное хозяйство прежнего строя, если политическая экономия нового строя своим лозунгом об'явила полное невмешательство в дела частные: „Laisser fair, laisser passer". Буржуазный строй первого периода - это своеобразный строй экономической анархии, в котором только свобода конкуренции вносит известную закономерность, близкую к естественным законам природы. Но рядом с этою безграничною свободою „по своему усмотрению использовать свое право собственности", говоря словами „Декларации прав" 1793 г., т.-е. эксплоатировать угнетенный класс, должна была существовать сильная государственная власть для охраны этой анархии, для обеспечения свободы эксплоатации. Другими сло-

вами, буржуазное государство обеспечило роль класса капиталистов в производстве, право собственности его на средства производства и эксплоатации посредством этого права — класса, лишенного этих средств производства.

А форма этого государства?

Уже Герберт Спенсер, исходящий из того взгляда, что „государство начинается вообще лишь с индустриального периода, т.-е. с момента об'явления договора универсальным отношением, под влиянием которого действия отдельных индивидов об'единяются для взаимной пользы, государство представляет себя лишь *под видом гигантского торгового предприятия или компании с качествами товарищеского союза* в целях—содействия благосостоянию его членов". (См. Dr Gronau „Der Staatsbegriff" 1919—стр. 84). Спенсер верно поставил вопрос, и мы уже видели, как впоследствии буржуазная демократия принимает даже вид безымянного акционерного общества и треста, этих новейших форм торговых, финансовых и промышленных предприятий. Мы знаем целый ряд случаев, где частное акционерное общество было непосредственно властью политическою как в Гол. Индии, так и в Англ. Индии, Канаде, и друг. колониях. И если экономисты говорят о приспособлении формы акционерного общества к развитию государственных форм, доказывая, как проникла республиканская форма правления и в акционерные общества, то обратное влияние форм экономического об'единения на форму буржуазного государства безусловно сильнее. Или если, напр., Гильфердинг в своем „Финансовом капитале" показал, как незначительный капитал, вложенный в банки, может управлять громадными „независимыми" рессурсами, то его слова, — „mutatis mutandis" (с известными изменениями), можно перенести почти дословно на политическую власть в буржуазной демократии.

Буржуазное государство называется национальным государством. Нацию в этом смысле формально создал его предшественник, государство-самодержавное, создавшее, как мы видели, государство как замкнутую, самодовлеющую единицу. Но только буржуазная демократия расширила это понятие, как об'единение всех классов, и упрочила его созданием народной литературы, культуры, и т. д. Замкнутость экономическую дополнило единство языка. Нация, таким образом, в начале—прогресивный, революционный фактор.

Но в дальнейшем развитии нация становится отрицательным элементом, искусственно стушевывающим классовые противоречия, притупляющим классовое сознание. И национальное государство, как мы еще увидим, под своими высокими целями прикрывает самые низменные стремления.

Но каково политически-экономическое значение этого государства нового типа? Оно безусловно громадное, ибо с расширением его аппарата растут его прямые задачи хозяйственного управления. Но еще большую роль играет косвенное направление всей экономической политики страны системою пошлин, налогов, и т. д. Тут решительнее всего, хотя иногда и мало заметным образом, проявляется классовой характер данного правительства. Тут вполне и впервые подходит определение Оппенгеймером государства по его содержанию, как организации „*для планомерной хозяйственной эксплоатации* (Bewirtschaffung) подчиненной группы (по нашему: класса) или для того, что Щедрин называет грабежом по закону „de Jure", тогда, как феодальное и самодержавное государство были системами грабежа „de facto" Система *организованного* грабежа!

Не будем останавливаться на характеристике империалистического периода капитализма. Война это—мобилизация всех сил классового государства, максимальная централизация им всех своих средств под единое командование, национализация (хотя бы временная) всех производительных сил, отсрочка (мораторий) всех гражданских забот своих подданных для одной ударной цели.

Вся длительная подготовка предательских сил, агентов буржуазии для завладения умами угнетенных масс, проявляется в невероятном крахе всей революционной идеологии: в один миг забываются все клятвенные обещания двух международных с'ездов, 25-летнее прошлое Второго Интернационала, об'является мораторий для всех революционных векселей в пользу одной лишь цели—братоубийства во славу прибыли буржуазии, во имя национального государства и буржуазного отечества. Буржуазная государственная власть в военном капитализме достигла своего апогея. „Достиг я высшей власти",

Все пророчества о крахе капитализма на второй день после начала мировой войны были забыты, прежде всего, самими пророками.

Мобилизация удалась блестяще. Лишь на демобилизации буржуазия споткнулась.

г) Переходная стадия от власти буржуазии к власти пролетариата.

Период гражданской войны.

Маркс писал в 1851 году про французскую революцию после 1848 года: „Революция основательна... Теперь... она доводит до совершенства исполнительную власть, сводит ее к самому чистому выражению, изолирует ее и противоставляет ее себе, как единственный об'ект (Yorwurf), чтобы все свои силы разрушения сконцентрировать *против нее*". („18 Брюмер"). Но этого урока империи недостаточно было. Необходимо было пройти стадию Мировой всйны, чтобы довести концентрацию „самого всестороннего господства" до не мыслимых прежде размеров и чтобы, соответственно тому, поставить революцию лицом к лицу против власти буржуазии в мировом масштабе.

Октябрьская революция в России сыграла в политической жизни Европы и всего мира роль этого химического реактива, разлагающего *национальную* сплоченность великих государственных об'единений (Тройственного союза, с одной, Антанты — с другой стороны). В Париже 1871 года стечение обстоятельств произвело такой раскол нации на ее классовой состав, противоставляя рабочее правительство Парижской Коммуны Версальскому буржуазному правительству всей Франции: диктатуру пролетариата столицы против диктатуры буржуазии всей страны. В России 1917 года победа пролетариата этот раскол провела в мировом масштабе: диктатуру Российского пролетариата противопоставила диктатуре мировой буржуазии заодно с российскою. Как в первом, так и во втором случае последствием была *гражданская война*, но в первом случае лишь в национальном, во втором же — сразу в интернациональном масштабе. Здесь нас интересует не самый факт гражданской войны, но ее влияние на роль и значение государства.

Что означает классовая борьба в интернациональном масштабе? Это — та же борьба за роль в производстве, за

монопольное право собственности на средства производства. Но национальное единство сразу разрушено лишь в России, в остальных странах это разложение протекает более или менее медленно и постепенно. А что означает разложение „священного национального единения „Burgfrieden", в смысле государственном? Это означает и разложение классового государства военного времени. Всюду проявляется тенденция к двоевластию, т. е. к образованию новой, революционной власти или временных коалиций разных сил. *И всюду, вследствие такого равновесия, организуется средний слой*, более или менее решающий этот спор, смотря по тому, на чью сторону он становится.

В России этот средний слой, в лице преобладающего здесь крестьянства,—стал на сторону пролетариата*). В остальном мире средние слои или примыкают еще к буржуазии, или колеблются,—то „правеют, то „левеют". Они боятся революции пролетариата, как они боятся и сами взять власть, но они склоняются все более и более в сторону своей власти: Это мы видим в Швеции, в Германии, и т. д., где мелкая буржуазия вместе с мелкобуржуазномыслящей частью рабочих образуют правительства. Правительства эти отнюдь не революционны, они скорее склонны к разным коалициям и усердно ведут политику буржуазную, но достаточно и этого факта, чтобы класс капиталистов категорически стал на сторону *денационализации* национального богатства, сломки (Abbau) всего государственного капитализма, не только военного, но и довоенного, как, напр,, требование германских капиталистов (Стиннеса) о передаче им государственных жел. дорог и т. д. Не интересно ли, в самом деле, что в момент, когда мощь организации рабочего класса растет, когда массы все более и более решительно требуют социализации, т.-е. попросту национализации или подчинения контролю, хотя бы части

*) Я здесь не буду останавливаться на вопросе, верно ли или неверно выражают те или иные выборы настроение этих масс. Один буржуазный ученый, возражая против классового представительства, говорит, что „еще не изобретен прибор для верного измерения социального веса данного класса" А Маркс пишет в переписке с Энгельсом: „Я об'ясняю коротко и ясно: свой мандат представителей пролетарской партии мы не приобрели ни от кого другого, кроме себя самих, но этот мандат утвержден неслыханною ненавистью посвященною нам всеми фракциями и партиями старого мира". Так определяется роль партии коммунистов, как вождей всех трудящихся, вполне об'ективно.

крупной промышленности, на противоположном полюсе, т.-е. среди класса капиталистов, растет как раз обратная тенденция к денационализации—сперва временно взятых в ведение государства учреждений военной промышленности, а затем и давно уже национализированных, как, напр., жел; дор.!

Что же это обозначает. Оно прежде всего показывает, какое значение придают промышленники праву собственности на всякую часть средств крупного производства и транспорта. Оно доказывает, что промышленный класс скорее согласен даже уступить участие в государственной власти мелкобуржуазным слоям, если не всю власть, лишь бы иметь решающее слово в экономической области. Если до сих пор верною оказалась мысль Энгельса, что „чем шире производительные силы, захваченные в свои руки государством, тем в большей степени оно (т. е. государство) превращается в умственного коллективного капиталиста", то достаточно усиления голоса мелкобуржуазных слоев и рабочих, хотя бы обманом вождей и направленных в буржуазную или мелкобуржуазную идеологию, чтобы класс капиталистов проявлял противоположную тенденцию *к денационализации.*

А в результате замечается своеобразный *единый фронт капиталистического мира* в международных размерах. Мы знаем, что ни в Версале, Париже, и т. д., ни в Вашингтоне не были допущены представители оффициальной Германии и Советской России. Но мы знаем, что одновременно в Лондоне ведут разговоры от *имени Германии*—Стиннесы, Ратенау, а в Америке от России сидят Милюковы и Рябушинские. И российское буржуазное правительство, которое уже 4 года, как низложено, и уже больше года не имеет ни одной пяди земли-территории, этот государственный призрак—имеет оффициальное представительство почти при всех великих державах. Так нарастают два единых фронта. С одной стороны классы миллиардеров Америки, промышленников Англии, финансовых тузов Франции, стоящих у власти и, далее, германских промышленных „буржуазных королей"—*еще* не у власти и русских Колупаевых—*уже* не у власти, и т. д. представляют *оффициально контр-революционный капитал,* тогда как Советская Россия и коммунистический пролетариат всего мира с другой стороны—представляют *революционный пролетариат.* Борьба пока идет за завоевание народ-

ных масс, находящихся в центре и обнимающих „аристократический", мелкобуржуазный и крестьянский слои трудящихся.

И эту борьбу буржуазия предвидела, почему она и позаботилась, чтобы во главе организаций, равнодушных к политике, малоразвитых политисески рабочих масс, в виде Амстердамского Союза проф. об'единений, были преданные или продавшиеся буржуазии вожди. Так идет борьба за разложение *национального* фронта по линии классовой *дифференциации* в мировом масштабе.

Такие грандиозные формы принимает классовая борьба, борьба за роль в производстве, за монопольное право на орудия труда, за государственную власть.

д) У власти пролетариат в одной из великих держав.

Роль пролетариата в классовом обществе—роль эксплоатируемого класса. Содержание его классовой борьбы—борьба за уничтожение класса эксплоататоров и классов вообще. Став у власти, он приступает к этому уничтожению. Для этой цели он, в первую очередь, об'являет национализацию земельной собственности, одним ударом уничтожая класс землевладельцев, помещиков. Он тем довершает великую буржуазную революцию. Но так как у власти пролетариат, как класс, то эта земельная собственность становится *не достоянием буржуазии, а трудящихся*, экслоатируемых.

На этом шагу пролетариат остановится не может, он идет по пути социализации. Здесь мы не можем остановиться на самом этом процессе, но берем положение настоящего момента, т.-е. момента после отступления: проведена национализация всей крупной промышленности в самом широком смысле, значит, всех капиталистических организованных средств производства, и всего капиталистически эксплоатированного транспорта, наконец, монополизирована вся внешняя торговля. Но производство в промышленоости не налажено и пролетариат одной России оказывается не в силах наладить свое хозяйство. Средства производства в значительной степени лежат не использованными. Несметные земельные и промышленные средства производства и пр. богатства, представляющие неисчислимые потенциальные

ценности, находятся в застывшем состоянии, т. е. временно без ценности.

Капитализм поднимает голову. Он начинает в новой обстановке свое первоначальное накопление. Появляется иностранный капитал и берет концессии; оживает кое-где и внутренний капитализм. Диктатура пролетариата остается, но об'является отступление *к государственному капитализму*.

„Политическая надстройка должна будет приспособляться к экономическим силам“ — таков вывод Мартовых, Каутских и прочих „друзей“ русского пролетариата. Значит: „назад к буржуазной демократии“, ибо только такая „надстройка“ соответствует капитализму, как экономической силе. Кто из этих „друзей пролетариата“ открыл даже новый класс буржуазии в лице т. н. „совбуров“. Верно ли такое чисто механическое понимание Марксова учения об экономическом материализме?

Я еще раз прочел „гражданскую войну“ К. Маркса и вижу, что Маркс не смотрел так механически на вопрос, иначе он должен был сразу обречь на гибель коммуну 1871 г., которая почти ничего не успела сделать в направлении уничтожения наемного рабства. Маркс отмечает с удовлетворением и то самое, что ею было сделано. Он пишет: „Рабочий класс не ждал чудес от коммуны. Ему в голову не приходило путем народного голосования провести в жизнь готовые законченные утопии. Он знает: чтобы достигнуть своего освобождения и тех высших форм жизни, которым на встречу ведет современное общество уже экономическое развитие само, рабочему классу придется пережить *длительную борьбу, проделать много исторических процессов*, которые *до основания преобразуют как людей, так и условия жизни*. Рабочему классу приходится не проводить в жизнь какие-нибудь предвзятые идеалы, он должен дать толлько свободный путь новым общественным элементам, которые уже развились в лоне умирающего буржуазного общества“... Ни слова, советующего коммуне отречение, неминуемый возврат к старой „надстройке“! Очевидно, Мартовы больше марксисты, чем сам Маркс.

Я беру новейший „Труд“ Каутского *). Он главу об

*) К. Каутский. От демократии (читай Керенского) к государственному рабству 1921 года.

угрожающем крахе начинает [с]запугивания: „Мы должны считаться с крахом коммунистической диктатуры в ближайшее время“ и т. д. Каутский милостив, он „к счастью видит и другой выход“. Он требует „не *падения* большевизма, но лишь его *отказа от единовластия*, его коалиции с прочими социалистическими партиями, меньшевиками и соц.-революционерами (!), предоставления свободы движения (?) рабочих и крестьян и вместе с тем демократии“, при чем Каутский лишь в случае непринятия этих условий угрожает большевикам *политическим и физическим уничтожением*... Он, по его-же словам, сам уверен, что его предложение — увы—не пройдет.

Что это означает? Означает ли оно то, что, по его мнению, эта „коалиционная“ демократия рабочих и крестьян (и только) будет вести буржуазную политику á la Брантинг в Швеции? Тогда и эта комбинация была бы тою же надстройкою в буржуазном духе, но, конечно, плохим „эрзацом“ (суррогатом) и только временным. Или это должно быть „*действительно социалистическим*“ правительством? Тогда отпадают все возражения насчет несоответствия надстройки и базы, и Каутский, стало быть, сам допускает возможность временного сосуществования социалистического правительства и государственного капитализма (с капиталистическими концессиями). Но в таком случае ему нечего беспокоиться, ибо Советская власть в России есть и при том „единственно возможная в России“—рабоче-крестьянская демократия.

Конечно, роль рабочего правительства не легка по отношению к своим же рабочим массам, и политика его должна быть гибка и твердо отстаивать интересы рабочего класса. Мартов напоминает „о прибавочной стоимости“. Но победа рабочего класса сама по себе еще не уничтожает прибавочной стоимости, и часть труда, сверх необходимого, всегда потребуется на общественные нужды (см. Маркс Капитал I). Часть этой прибавочной стоимости *придется уступить временно классу капиталистов*, но та часть, которая прежде *попадала* в карман помещика-землевладельца и фабриканта, как владельца заводов, попадает в кассу рабоче-крестьянского правительства в виде аренды. Не говоря уже о том, что условия труда определяются законами рабочего правительства и свободными профсоюзами. Значит, рабочий класс, *идя на уступки и одновременно продолжая классовую*

борьбу до ее революционной цели, имеет в своих руках несравненно больше средств борьбы, чем прежде, не говоря уже о том, что это только передышка—до восстания рабочих других стран. Должен-ли победивший рабочий добровольно сдать свою власть в руки своих палачей? Нет,— он ответит Каутскому на его лживые перспективы одним презрением.

Ведь, прежние буржуазные революции имели успех лишь постольку, поскольку в них принимали деятельное участие рабочие и крестьяне. А контр-революция опиралась на тех же рабочих и крестьян в ее государственном аппарате. Кто же в данном случае в России пойдет вместе с разоруженною буржуазиею против рабоче-крестьянского правительства? Меньшевики сейчас среди рабочих столь же мало популярны, как с.-р. среди крестьян, что последние (Чернов, Керенский) признают сами. Только в том случае, если бы буржуазии, самой ли или чрез своих агентов из с.-д. и с.-р., удалось отвлечь рабочих и крестьян от коммунистов,—были бы мыслимы успешные восстания против коммунистов.

Значит, только то крайне механическое понимание марксизма, которое пережевывают меньшевики, может привести к подобным выводам. Капитализм уживался в Германии до революции 1918 г. с юнкерским режимом, в Швеции он мирится с властью социал-предательского правительства Брантинга. Конечно, в том и другом случае велась и ведется политика буржуазии.

Но РСФСР ведет рабоче-крестьянскую политику и имеет за собою и рядом в правительстве крестьянство, которое в ней видит твердую опору против реставрации. Что против этого правительства может выставлять буржуазия? Единственно бойкот или саботаж Советской власти и государственную власть прочих держав. Из всех этих факторов наиболее опасною угрозою является последняя, и она была бы решающею, если бы не пролетариат этих стран, который стоит за РСФСР и который безуспешно всякие Каутские травят против советов. Саботаж „совбуров" спецов теряет свою остроту по мере нарастания собственных коммунистических и, вообще, рабочих спецов. А бойкот, т.-е. отказ от концессий в Советской России иностранным капиталистам невыгоден и даже невозможен вследствие кризиса у себя дома и под давлением их голодающих рабо-

чих. Сам Каутский это замечает и как последнюю угрозу выдвигает: „Россия крайне нуждается в *квалифицированных рабочих иностранцев*. Но она *не достанет их*, пока она *не вернется к формам демократической республики*". Каутский и тут ошибается, ибо не „отсутствие демократии", а невозможность сейчас их использовать задержала начавшуюся волну безработных иностранцев, квалифицированных рабочих в Россию.

Наши противники, в том числе и Каутский, пугают наших и заграничных рабочих еще тем, что уступка Советского правительства якобы отдает рабочих на произвол эксплотации капиталистов. Это гнусная клевета! Повидимому, поверив этой клевете, приехал в Россию английский капиталист Уркворт, но он уехал с руганью, ибо „в России профсоюзы не дают возможности свободно работать". Да, вожди русских профсоюзов не предательские вожди английских трэд'юнионистов. В общих условиях концессионного договора (Собр. 1920, № 91, ст. 481) п. 5 гласит: „Концессионеру будет представляться право найма рабочих и служащих для своих предприятий на территории РСФСР *с соблюдением Кодекса Законов о труде* или *специального договора*, гарантирующего соблюдение по отношению *к ним определенных условий труда*, ограждающих их жизнь и здоровье". Чего, значит, боятся Каутские? Того ли, что коммунисты из профсоюзов окажутся более преданными интересам капиталистов, чем рабочих?

Нет, капиталисты из заграницы придут лишь в том случае, если они найдут, что и *соблюдение законных* в РСФСР *условий труда* дает им возможность применять с выгодою для себя неизмеримые естественные богатства и потребности рынка России. И есть основание думать, что да. Нам скажут, что они привезут с собою своих безработных и будут чрезмерно их эксплоатировать на территории РСФСР на глазах Советской власти, но, во первых, иностранные рабочие в России по нашей конституции пользуются равноправием, даже политическими правами. Во вторых, ответим Каутскому цитатою из К. Маркса „Капитал" I (стр. 790): „Господин Пиль взял с собою из Англии на Лебяжий берег в Новой Голландии средств существования и средств производства в общей сумме на 50,000 ф. стерл. Господин Пиль был настолько предусмотрителен, что кроме того, захватил с собою 3000 человек из рабочего класса—мужчин,

женщин и детей. *Но по прибытии на место назначения у господина Пиля не осталось даже ни одного слуги*, который мог бы приготовить ему постель или зачерпнуть воды из реки. Несчастный г. Пиль! Он все предусмотрел но забыл только экспортировать английские производственные отношения на Лебяжий берег". Совершенно ясно, что при ухудшении условий труда в предприятиях концессионеров—и в Советской России привозные рабочие убегут от своих „соотечественников" и найдут „право убежища" и занятия у русского рабоче-крестьянского государства.

Я, может быть, слишком подробно остановился на этом вопросе, но это вопрос теоретически и практически крайне важный. Возвращаясь к значению рабочего правительства в России, мы должны отметить, что после крайне широкого вмешательства правительства, (во время т. н. военного коммунизма) во все экономические отношения страны, Советская власть в своей роли по отношению к государственному капитализму стала на точку зрения предоставления возможно широкой самодеятельности. Как владелец всех крупных средств производства и транспорта и монополист внешней торговли, финансов и банкового дела, Рабоче-Крестьянское правительство имеет небывалое влияние на все хозяйство страны. Это хозяйство при определенно *классовом* правительстве впервые принимает вид *всенародного* хозяйства для какового развитие производительных сил, которое в буржуазном обществе явилось одним средством для выжимания увеличенной нормы прибыли, при Рабоче-Крестьянском правительстве является *ближайшею целью* в интересах громадных масс трудящихся.

Какова при таких условиях роль государства в *экономической жизни страны?* В наказе 9-го августа 1921 года (Собр. уз. № 59, ст. 403) мы читаем между прочим: „Совет Труда и Обороны является *общим руководителем экономической политики*, устанавливающим чрез Государственную Общеплановую Комиссию *единый хозяйственный план* и *согласующий планы* Экономических Комиссариатов, а также *наблюдающий за выполнением* хозяйственного плана как в целом, так и во всех его частях". Значит,—впервые хозяйство целого государства по *единому плану* одновременно при монополии внешней торговли. Понятное дело, что таким образом и капиталистические предприятия включены в этот план.

Но Россия является лишь частью мирового хозяйства, и всем известны слова Ллойд Джорджа и К°, что это хозяйство без России возобновлено быть не может. А план участия России в этом деле? В чьих он будет руках? По декретам РСФСР—в руках рабоче-крестьянского правительства, по замыслам западных держав—в руках их. Недаром готовятся там планы превратить Россию в колонию: „восстановить Россию при условии не восстановления ею своей тяжелой и текстильной индустрии и при представлении жел. дорог в распоряжение держав". Значит, новый фронт и *новая борьба*; борьба в которой сразу понесла бы поражение любая иная власть, кроме революционной, за которую стоит революционный пролетариат всего мира. Снова та же борьба: кто будет диктовать план всему миру, *пролетарская ли революция* или *буржуазная контрреволюция*? Но всем ясно *громадное значение* пролетарской диктатуры рабоче-крестьянского государства даже в одной России для хозяйства всего мира, неотделимою частью которого является Россия.

Экономически-политические задачи рабочего класса тут ясны: в первую очередь—восстановление, расширение упрочение промышленности, а вместе с тем—и пролетариата. Ибо каждая, хотя бы капиталистическая, фабрика расширит базу для рабочего правительства. „Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а ее продолжение в новой форме и новым оружием". (см. тезисы III-го Съезда Ком. Интерн.).

„Откуда следует, что великая, победоносная, мировая революция может и должна применять только революционные приемы. Ни откуда этого не следует. И это прямо и безусловно неверно". „После победы они (т.-е. реформы), являются для страны, в которой победа одержана необходимой и законной передышкою". (Ленин „О значении золота теперь и после" и т. д.). Теперь получает право гражданства и понятие „врастания в общество будущего" и постепенного отмирания государства с усилением момента „управления вещами". Государство стало *организацией постепенного освобождения* рабочего класса.

е) „Рабоче-крестьянское правительство", или „рабочее или крестьянское правительство"?

В телеграммах от 7-го января 1922 г. о приглашении Советского правительства на конференцию в Генуе первое положение, выдвигаемое Каннскою конференциею Антанты, гласит: „Ни одно государство не может присвоить себе право диктовать другому государству принципы, на которых последнее должно регулировать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и управления. Каждая нация свободна в выборе системы, какую она сама предпочитает в этой области"... Все нации должны воздержаться от пропаганды, направленной к низвержению существующего порядка и к установлению в других странах иной политической системы". Значит: капитализм или социализм— это „личное дело" (Privatsache) каждой нации. Мы, конечно, не больше верим сладким словам своих капиталистических недругов, чем своих социалистических „друзей", но официальное провозглашение внешнего невмешательства на лицо.

Зато нам предсказывают внутреннее разложение. Вместо вопроса о существовании рабоче-крестьянского правительства—ставят вопрос: *рабочее или крестьянское правительство*"? Крестьянство само по себе не есть класс. „Поскольку миллионы семейств живут в экономических условиях существования, отделяющих их образ жизни, их интересы и умственный уровень от образа жизни, интересов и уровня жизни других классов и противоставляющих их последним, они образуют класс. Постольку, поскольку между мелкими крестьянами существует только местная связь, тождество, а не общность интересов, не возникает ни национальная связь, ни политическая организация, они класса не образуют". (К. Маркс, „18 Брюмера"). Насколько таковой интерес был в борьбе с помещиком, он разрешен коммунистами декретом о национализации земли.

Нет сомнения, что вопрос об отношениях рабочего класса и крестьянства для нас является корренным вопросом. Об этом твердит тов. Ленин чуть ли не в каждой своей речи: „Самый корренной, самый существенный вопрос—это отношение рабочего класса к крестьянству, это союз рабочего класса с крестьянством, это—умение передовых рабочих

прошедших долгую, тяжелую, но и благодарную школу крупной фабрики, умение поставить дело так, чтобы привлечь, на свою сторону массу крестьян, задавленных капитализмом, задавленных помещиками, задавленных своим нищенским, убогим хозяйством, чтобы доказать, что только в союзе с рабочими, какие бы трудности ни пришлось им на этом пути испытать, а трудностей много и закрывать глаза на них мы не можем,—лежит избавление крестьянина от векового гнета помещиков и капиталистов и т. д.". (Речь т. Ленина на IX-м С'езде Советов).

Эта наука не что иное, как то, что неоднократно говорил К. Маркс про отношения к крестьянству, но что проглядели марксисты вплоть до Октябрьской революции в России и до II-го С'езда Ком. Интерн. И сейчас интерес пролетариата России, т. е. восстановление промышленности, а вместе с тем и сильного пролетариата, составляет и экономический и политический интерес крестьянства.

Как мы провозглашали борьбу не из за государственной власти (в демократии), а *против этой власти*, так и наши противники шли под общим лозунгом—*против* Советской власти *во имя* Учредительного Собрания (демократии). Они *ныне переменили* фронт, они—и меньшевики, и эсеры, и кадеты—об'являют *борьбу из за власти* в советах. Они пошли обратною дорогою, чем мы. Они делают это с целью свергнуть коммунистов, чтобы косвенным путем восстановить буржуазное государство.

Но в действительности это признание „внутренним врагом" нашей власти весьма знаменательно. Крестьяне начинают чувствовать себя дома в своих советах, и наша задача повести политику так, чтобы тут не шла борьба из за власти, но дружное сотрудничество в единой Советской власти. Таков наш путь в великой классовой борьбе с классами помещиков и капиталистов. Этот путь целиком определяет и экономически-политические задачи Советского государства. Идя по этому верному пути, мы на деле опровергнем все лжетолкования экономического материализма.

III. ГОСУДАРСТВО и РЕВОЛЮЦИЯ.

Работа тов. Ленина „Государство и революция“ не только вызвала переворот в головах революционеров, но внесла смуту и в головы буржуазных ученых, и трудно найти книгу о государстве новейшего происхождения, в которой не опровергалась или, по крайней мере, не упоминалась бы эта работа. И я должен внести в свою работу особую главу о государстве и революции не для того, чтобы повторять изложенное в книге товарища Ленина: ее содержание я предполагаю общеизвестным. Но нам остается подробнее остановиться на вопросах, не затронутых там вовсе или затронутых лишь вскользь, ибо после 1917 года необходимо пересмотреть все понятия не только о государстве, но и о революции. Нечего скрывать, что мы все до нашей революции или, по крайней мере, до великой мировой войны мыслили по этим вопросам иначе, чем теперь—мы сказали бы ныне—в известной степени оппортунистически. Я наугад выхвачу лишь пару примеров. Старик Либкнехт, которого никто не станет обвинять в отсутствии революционности, говорил на „партейтаге“ в Галле (1896 год): „Кто может резко отграничить нынешнее государство от государства будущего? Сегодняшнее государство *врастает* в государство будущее точно так же, как государство будущее уже кроется в сегодняшнем. Невозможно так, как при падении закона против социалистов, просто постановить, что в 12 часов ночи прекращается старое и начинается новое государство“. Значит, Либкнехт верит в то же „врастание“ в „царство будущего“, над которым так зло издевается Энгельс.

Или мы берем „максимальную“ и „минимальную“ программу Германской соц.-дем. (а программы всех прочих соц.-дем. партий в общем являлись более или менее точными копиями с нее) и—чтобы нас не называли придирчивыми—выписываем случайную цитату из „Neue Zeit“. (XIX, II, 485, ст. К. Эйснера): „В то же время, как принципиальная часть программы требует резкого отрицания всего буржуазного общества и неподкупность нашей единой, создающей новый мир мысли, — наша программа настоящего времени или наша программа минимум предписывает пропитывание всех старых институтов социалистическими за-

дачами. Таков у нас *дуализм* между программою и тактикой".

Как мы понимаем слово *„революция"*? „Революция это— вообще завоевание политической (государственной) власти новым классом. Все революции до сих пор были не чем иным как передачею власти одного класса в руки другого класса" (Энгельс, введение к „Классовой борьбе" К. Маркса). Что же касается *пролетарской* или социалистической *революции* то ее (Энгельс, (см. „Neue Zeit", 1903/4, II, 584) определяет словами: „Наша конечная цель, социалистическая революция, заключается в завоевании пролетариатом политической власти, как средство реорганизации общества." Каутский (см. „Neue Zeit", XI, I, 653) это понятие разъясняет, „как завоевание политической власти трудящимися классами, с целью видоизменить производственные отношения соответственно их интересам и вместе с тем преобразовать все общество". Подробнее же эту мысль Каутский развивает в своей книге о „Социальной революции", где он называет революционером каждого, кто стремится к тому, чтобы класс, до тех пор угнетенный, завоевал государственную власть, ибо для Каутского тогда как-будто бы было ясно, что угнетенный класс, завоевавший власть, не может ограничиться одними политическими реформами *) но должен позаняться полным преобразованием производственных отношений. К спорам о том, является ли та или иная революция политическою или социальною, мы можем здес ограничиться словами Маркса: „Поскольку каждая революция разлагает старое общество, постольку она социальная. Поскольку каждая революция низвергает старую власть, постольку она политическая".

Но как понимается завоевание государственной власти? Из нашего определения государства, как орудия классового господства, и из цитированного нами определения революции вытекает и значение государства и государственной власти в эпохи революции. Для каждого класса, являющегося в той или иной роли участником данной революции,

*) Каутский еще на Дрезденском съезде партии (1903) говорил: „Решающее значение имеет завоевание государственной власти. Тосько после завладения государственною властью у нас будет верная почва под ногами для проведения социализма". А немного позже („N. Z.", 1903/4, 1,-590): „Раз пролетариат у политической власти, то из этого факта *социализм следует сам собою*".

в каждую эпоху развития человеческого общества это значение иное, в связи с преобладающим интересом того или иного класса, той или иной эпохи. Этот интерес, верно или неверно, вполне или не вполне понятый и сознанный данным классом, и определяет его роль и его поведение в данной революции.

Мы, напр., с удивлением смотрим на ту решительность, с какою буржуазия выступает против феодальных господ в буржуазных революциях Англии и Франции. В первом случае „буржуазия—как отмечает Маркс—ведет решительную борьбу, на жизнь и на смерть, против землевладельческого класса: ее стремление—сделат этот класс лишним, т.-е. провести национализацию земли, а борьба против хлебных законов была борьбою за национализацию земли". Но эта борьба кончается компромиссом—в виду выступления на арену борьбы нового класса, пролетариата. Та же решимость, еще в более острой форме, во Франции проявляется в конфискации имений и бесплатной отмене феодальных привиллегий. Но и здесь дело, в конце-концов, кончается компромиссом между „двумя фракциями буржуазии", землевладельцев и финансово-промышленных капиталистов, под напором пролетариата. Компромисс состоит в примирении их на счет земли и власти, но государство само остается, как категория *вечная*.

Иначе обстоит дело с революциею рабочего класса, задача которого отменить не только господство класса капиталистов, но и самое существование классов вообще. Тут государственный аппарат получает только временное значение *переходной* ступени к бесклассовому обществу.

Эти общие положения надо проверить на фактах. Подробное рассмотрение вопроса о развитии форм борьбы за обладание властью относится к истории революций и революционных движений,—здесь мы можем лишь отметить отдельные характерные штрихи, необходимые для полного освещения нашего предмета.

А. Буржуазная революция.

Если мы сравниваем решительные приемы классовой борьбы в моменты буржуазной революции с ее результатами, то нам бросается в глаза какое-то несоответствие между средствами и целью. Целые сражения гражданской

войны в Англии или Франции, сопровождаемые террором, казнью королей, и т. д., приводят к укреплению конституционной монархии в Англии или к очень похожей на монархию республике во Франции. Стоит взять такую скучную, хотя и богатую материальную книгу, как „Историю французской революции" проф. Олара, чтобы видеть, как медленно там развивается и побеждает хотя бы лозунг буржуазной республики. А из „18 Брюмера" К. Маркса мы видим, что сделалось после 1848 г. с этою республиканскою буржуазиею Великой французской революции. III республика 1871 года была снова результатом борьбы двух династий, между которыми делились фракции французской буржуазии, и по этому по всему ее укладу ее правильнее всего назвать империею с президентом во главе. Приблизительно ту же эволюцию проделали наши кадеты, которые во время февральской революции стояли за ограниченную монархию и лишь на своей VII партийной конференции (25—29 марта 1917 г.) включили в программу требование демократической, парламентской республики, и то лишь на словах и по явному принуждению, чтобы вскоре вновь отказаться от этой своей программы в об'ятиях монархических генералов. Известно, что Маркс первоначально ждал, что следующая после 1848 г. европейская революция уже непосредственно будет революцией пролетарскою, и среди социалистов в особенности господствовало мнение, что в европейских монархиях не будет более никакой переходной ступени в виде политической революции с лозунгом республики. Эти пророчества оказались не совсем правильными: революция 1918 г. во всех странах, где она случилась, оказалась политическою революциею, ибо закончилась созывом учредительного собрания и учреждением буржуазной, то есть парламентарной республики. Конечно известную роль тут сыграло и то обстоятельство, что все эти страны были страны побежденные, в которых внешнее поражение оказалось сдерживающим началом для следующего этапа. Но факт остается фактом, что всюду революция проходит через первую ступень—политическую революцию и буржуазную республику, как почву для более свободной игры классовых противоречий и демократических иллюзий, то есть иллюзий мирного, демократического способа пролетарской революции. Но только после 1848 г. во всех революциях сразу решающую роль играет рабочий класс,

и это обстоятельство всем этим революциям, если они и разыгрываются лишь в пределах буржуазного общественного строя, придает особый оттенок, отличающий их от всех предыдущих, чисто буржуазных революций.

Идеал буржуазных революционеров в корне не идет дальше конституционной монархии: ограничения королевской власти законом,—то есть правового государства. После того, как мы знаем, что право есть выражение господства класса, нам и понятно, что это ограничение должно предоставить фактическое господство именно революционному классу. Король должен царствовать, но управлять должно партийное правительство этого класса. Даже цель казни короля в первую очередь: добиться нового, лучшего, более податливого для буржуазии короля. „Le roi est mort, vive le roi",—„король убит, да здравствует король". И конечно, не русские революционеры изобрели понятие цареубийства. Я не особенно тверд в шведской истории, но я живо помню одно открытое письмо норвежца *Бьернсона* после отпадения Норвегии от Швеции в ответ на упреки непочтительного отношения норвежцев к королю своему. *Бьернсон* привел из шведской истории более 10 примеров „цареубийства", при чем способы убиения были весьма непочтительны и грубы, как, например, утопление в болоте и т. д. Такие примеры можно найти в истории (особенно в неписанной истории) прочих стран, начиная с Англии, Франции и кончая Россией. Но то не была революция, или уже название подобных революций, как „Palastrevolution" (дворцовый переворот), отмечает, что они не имеют ничего или имеют очень мало общего с революциями новейших времен. Там цареубийство было целью, здесь средством или только сопровождающим обстоятельством.

Значит, цель буржуазной революции — завладеть государственною властью для класса буржуазии. Эта цель была бы лучше всего достигнута, если бы не только управление, то есть министерство, было в руках буржуазии, но и сам король (Bürgerkönig) или его заместитель — президент был бы из среды буржуазии или, по крайней мере, выбран ею. Власть французского (а вслед за ним и германского) президента (на 7 лет с правом перевыборов) мало или совсем не уступает перед властью английского (кроме срока и наследственности) или норвежского короля. Но-

этому даже в России, где буржуазная революция затянулась дольше всего и где она вследствие того выработала наиболее последовательные формы борьбы, не только в 80-ых годах, но и поныне идеал буржуазии в сущности не идет дальше „ограниченного монарха“ или конституции. Поэтому письмо грозного Исполнительного Комитета *„Народной воли“* на имя Императора Александра III после казни его предшественника Александра II об'ясняется не только страшным поражением партии, но и тем, что эта фракция революционеров была согласна удовлетвориться „маленькою революцией“, то есть конституциею. Об'являя себя *личными врагами царя*, они в сущности боролись *не против царя вообще*. А после 27 февраля 1917 г. кадеты всеми силами отстаивали ту же монархию, на этот раз уже свергнутую. Сам Милюков в своей „Истории II русской революции“ пишет: „Милюков развил свое мнение, что сильная власть, необходимая для укрепления нового порядка, нуждается в опоре привычного для масс символа власти. Временное правительство без монарха является „утлою ладьей“, которая может потонуть в океане народных волнений: стране при этих условиях может грозить потеря всякого сознания государственности и полная анархия раньше, чем соберется учредительное собрание“. Я в другом месте доказываю, как только приказ № 1 да еще выборы ночью на 2 марта всем гарнизоном Петербурга своих делегатов в Петербургский Совет имели решающее влияние на мнение Исполкома: царь остался свергнутым, но судьба монархии пока была отложена до *учредительного собрания*.

Лозунг республики, сначала медленно и робко, потом более определенно, в России вообще был выдвинут течением, вылившимся впоследствии в революционную с.-демократию, но и то с колебаниями, так сказать, с приливами и отливами. Если не считать „первого русского республиканца“ *А. К. Радищева* (XVIII ст.), декабриста *Пестеля* и других отдельных лиц, то лишь с 1861 г. (например, прокламация Михайлова) дружнее и смелее поднимаются лозунги республики. „Нам нужен не царь, не император, не помазанник божий... мы *хотим иметь главою* простого смертного, человека земли, понимающего жизнь и народ, его избравший... нам нужен не император, помазанный маслом в Успенском соборе, а выбранный *старшина*.

получающий за свою службу жалованье". Таков был сперва несколько наивно формулированный лозунг республики.

И в самом деле, что при тогдашнем взгляде на государственную власть, как *на личную власть монарха*, можно было иного требовать от революционной борьбы? Тут были только два оттенка, два направления той же мысли: просить царя, чтобы он сам даровал конституцию, или достигнуть этого путем восстания, вплоть до цареубийства.

Там, где король сделался конституционным, покушения на личность короля исчезают из революционного арсенала буржуазии. В Германии, например, император и десятки его меньших коллег не только не были казнены, но *получили даже откуп* за свои „приобретенные" права, а в Венгрии даже после вторичного покушения на контрреволюционный переворот ограничиваются высылкою свергнутого короля Карла на какой-то не столь отдаленный остров. Зато учащаются покушения на жизнь ответственных министров: в близком прошлом почти одновременное убийство испанского, португальского и японского министров и подобные же покушения в Югославии, Румынии, Галиции, и т. д., в этом отношении, конечно, не простая случайность.

Цель буржуазной революции—захват власти из рук одного господствующего класса угнетателей в руки другого имущего же класса, в целях не отмены эксплоатации человека человеком, но в целях *переорганизации* этой эксплоатации. Цели соответствуют и средства.

Б. Мелкобуржуазная революция.

Андлер в своем „Введении и комментарии к Коммунистическому Манифесту" развивает взгляд Маркса на социальную революцию следующими словами: „Уже по одному этому социальная революция не будет представлять из себя одновременного „крушения". Но если революция должна последовательно обойти одну страну за другой, то и негде переворот не произойдет одним ударом. В каждой стране она выразится в двойном ряде длительных толчков: 1) первым социальным слоем, который поднимется на поверхность, будет мелкая буржуазия; новая общественная структура будет носить имя *демократической и со-*

циальной республики; 2) ряд быстро следующих друг за другом сотрясений, сбросив поверхностные слои, выдвинет на верх самый глубокий слой общества — пролетариат. Тогда наступит *коммунистическая республика*". Андлер стремится при этом доказать разногласия между Марксом и Энгельсом на счет понимания революции. По моему, эта попытка лишена основания, но на этом вопросе мы здесь останавливаться не можем.

Андлер цитированную формулу основывает, между прочим, на работе Ф. Энгельса о „Революции и контреволюции в Германии". Энгельс пишет там (отдел XX) про Коммунистическую партию (1849 г.): „Партия эта никогда и не думала, будто она в состоянии произвести революцию, которая должна осуществить ее идеи, когда и как ей будет это угодно. Она исследовала причины, вызвавшие революционное движение 1848 г., и причины, обусловившие неудачу его. Так как партия эта сводит всякую политическую борьбу к общественной противоположности между различными классами, то она занялась исследованием условий, при которых один класс общества может и должен быть призван представлять совокупность интересов всего народа и взять в свои руки политическое господство. История показала Ком. партии, как после крупнопоместного дворянства средних веков поднялось денежное могущество первых капиталистов и овладело государственною властью, как введение паровой машины вытеснило общественное влияние и политическое господство этого разряда капиталистов, вследствие возрастающего могущества промышленных капиталистов и как в настоящее время два следующих класса—мелкие мещане и рабочие—пред'являют свои права на государство. Практический революционный опыть 1848—49 г. подтвердил указания теории, приводившие к заключению, что мелко-буржуазная демократия должна получить господство раньше, чем коммунистический рабочий класс может рассчитывать стать *прочно* у власти и уничтожить систему наемного рабства, подчиняющую этот класс буржуазии. Таким образом, тайная организация коммунистов не могла иметь своей прямой целью низвержение в Германии правительств, а тех, которые за ними рано или поздно последуют, то есть для свержения революционных (инсургентских) правительств".

Не напоминает ли мысль, высказанная здесь, почти дословно ход всех революций после 1917, как в России, так в

Германии и прочих странах в 1918 г., а ныне стран социалистических или коалиционных правительств? Сюда относится и общее полевение средних слоев, то есть именно мелкой буржуазии разных стран, в результате которого появляются разные коалиции мелкобуржуазных социалистов и т. д. Но Энгельс не особенно высоко ценил мелкобуржуазную революционность. В этом можно удостовериться, например, по той же „Революции и контр-революции в Германии", где мы читаем: „Пролетарская партия проявляет всегда революционную смелость и деятельную силу, которых никогда не бывает у партии, состоящей, главным образом, из мелких мещан и ими же руководимой". Или: „лишь только последняя (т.-е. буржуазия) овладела властью, у мелких мещан начинаются сильные демократические пароксизмы, но сейчас же она впадает в жалкую трусость, как только ниже стоящий класс, пролетариат, осмеливается начать самостоятельное движение". Ту же характеристику, только по отношению к Франции, мы читаем у Маркса в его „18 Брюмера".

Такую шаткость, такое же непостоянство и такие же колебания мелкая буржуазия проявляет в своих политических взглядах. Как класс мелких товаропроизводителей, они не только в обмене товаров, но и в политических выступлениях отстаивают равноправие. Лозунг чисто политического равенства, „чистой демократии" — такова политическая программа мелкой буржуазии. В Великой французской революции они еще индивидуалисты, верят в декларацию прав о неприкосновенности *мелкой* собственности*). С ростом капитализма они становятся „социалистами", но свой социализм они понимают по своему и ожидают его от современного им общества. „*Капиталисты* обирают этот класс, главным образом, в качестве *кредиторов*, поэтому они требуют *кредитных учреждений*, капиталисты давят его своей конкуренцией, поэтому они требуют *ассоциаций*, поддерживаемых государством; они побеждают его *концен-*

---

*) Так Робеспьер формулирует смысл декларации прав словами: „Право частной собственности, как и всякое другое право, ограничивается правами других. Оно не должно быть во вред ни личной безопасности, ни свободе, жизни или *собственности* ближнего. Всякая собственность или торговля, нарушающие этот принцип по существу своему незаконны и направлены против добрых нравов". Ясно, что капиталистическая крупная собственность подпадает под последнюю категорию.

трацию, поэтому они требуют *прогрессивных налогов*, ограничений наследства, исполнения крупных работ государством и других мер, насильственно задерживающих рост капитала". (К. Маркс, „Классовая борьба во Франции"). Это погибающий класс, одновременно получающий наплыв новых элементов. Его социальный идеал это—утопия, мечта без действительности или вопреки ей. „Он мечтает о мирном осуществлении своего социализма—потребуется разве *лишь на несколько дней* новая февральская революция". (Маркс, там же).

Два основных направления, на которые делится мелкобуржуазная идеология *по вопросу о государстве и революции*, характеризуются вкратце тем, что разочарование в чисто политической революции одних приводит к полному и немедленному отрицанию государственной власти: это направление разного рода анархистов; других—к признанию завоевания государственной власти, как средства для социальных *реформ*.

Так *Луи Блан* и его единомышленники („социалисты 40-х г.г."), сыгравшие жалкую роль в июньские дни 1848 г. и в 1871, на словах громко кричали „о захвате власти, как необходимом предварительном условии всякой революции". Но их революция сводилась к сближению, к миру, к союзу с буржуазией. *Социальная реформа*—это их *цель*, *политическая реформа*—это их средство. Государство своим кредитом, по их мнению, сыграет роль банкира для бедняков, ибо только в мелком производстве спасение человечества. Таким путем государство освободит угнетенных и даст действительную свободу. И когда, после такого общего примирения, исчезнут классы, всякое правительство сделается ненужным и бесполезным. Достаточно напомнить, что во время июньской бойни 1848 года Луи Блан был членом правительства, а в 1871 г. против Коммуны—находился в Версале.

Видным представителем другого направления является Прудон. В то время, как, „для якобинцев социальная революция—цель, а политическая революция—средство", Прудон провозглашает: „политическая революция, уничтожение власти—это *цель*, а социальная революция—лишь *средство*". Политической конституции противоставляется социальная конституция. Последнюю характеризует гармония интересов, основанная на свободном договоре. Мы знаем, что и Прудон

верил в кредит государства, как в всеспасающее социальное средство.—„Весь мир зачисляет себя в рабочие... и аристократия, испугавшись своей малочисленности, ищет спасения в рядах мелкой буржуазии. Революция совершает свое триумфальное шествие, „воплощенная в средний класс". На деле прудонисты оказались не революционерами, а реакционерами мелкой буржуазии, или они забыли сами теории своего учителя и, как, напр, в Коммуне 1871 г., сами участвовали в государственной власти пролетариата

Но если государство—зло, то надо же его разрушить насильственно и скорее! И не задумываясь долго над тем, что сделается дальше, анархисты в лице Бакунина и многих других так и об'являют войну государственной власти, и не только государственной организации, но всякой революционной организации. „Государство—это абсолютное ограничение, это—отрицание свободы каждого во имя целого или общего блага. Там, где начинается государство, там кончается индивидуальная свобода, и наоборот". Поэтому государство это надо разрушить. Но господство является сложной системою учреждений. Церковь, суд, парламент, армия, полиция—все это органы власти, с помощью которых держится могущество государства, фундаментом которого является право частной собственности. Все эти институты Бакунин немедленно и бесследно отвергает. „Свободное соглашение, свободное об'единение, договоры—вот главное право, на основе которого должно быть построено человеческое общежитие". Бакунин—бунтарь, но бунтарь в международном масштабе. Он представляет себе социальную революцию, как всеобщее восстание, всеобщий бунт, который, народившись где-нибудь в одном месте, в одном углу Европы, перекинется по соседству и охватит в победном шествии полмира, а то и весь мир. Социальная революция будет успешна лишь тогда, когда превратится в революцию интернациональную, когда охватит все народы, разольется по всем странам. Но мы еще увидим, что сам Бакунин основал даже свою международную *организацию*.

Всю утопичность подобного учения о немедленном свержении государства показали еще Маркс и Энгельс (см. книгу Ленина, „Рев. и Госуд.", глава IV, 2), доказывая необходимость переходной формы государства для проведения этой революции, то есть необходимость диктатуры пролетариата

Переходом от мещанской пролетарской концепции революции можно считать Бланки, с одной, и анархо-синдикалистов, с другой стороны; Бланки не социалист, он симпатизирует страданиям народа, но программы спасения его он не знает и не признает. Он верит в всемогущество насильственного переворота, завоевания центральной власти. Это завоевание власти должно совершить *дисциплинированное меньшинство*, сильное своею организованностью, увлекая за собой неорганизованную массу. Это революция *меньшинства, но в интересах громадного большинства*. Достаточно захватить центральную власть, чтобы при ее помощи *упорядочить всю национальную жизнь* страны. Мы видим здесь рядом с верою во всемогущество революции — веру во всемогущество новой центральной власти. Это, так сказать, искренно революционное издание того же наивного мелкобуржуазного „социализма", который мы в предательски-соглашательском издании „социальных реформистов" видели выше.

Рядом с бланкистами надо еще вспомнить о так называемых анархо-синдикалистах. Изверившись в политику разных соглашателей и предателей, но не проникши в классовую теорию коммунистов, рабочие создают якобы новую революционную теорию о свержении государственной власти, заменяя ее непосредственно синдикальной организацией производства. Они признают диктатуру пролетариата и действие масс, но они неверно понимают ход революции и лишь очень медленно принимают необходимые поправки в своей программе и в своих традициях. По существу их заблуждения надо искать в мелкобуржуазном прошлом.

В. Пролетарская революция.

В главе III-й своей работы о праве я, рассматривая вопрос о классовом интересе, пытался установить действительную суть революционной теории Маркса о борьбе классов. Мы там видели, что эта борьба Марксом понимается, как беспощадная борьба пролетариата с классом эксплоататоров, которая неминуемо ведет к диктатуре пролетариата и что эта диктатура сама является только переходом к отмене всех классов *). Мы там же видели, что в

*) См. письмо К. Маркса к Вейдемейеру «Neue Zeit» XXV, 2, стр. 164.

этом положении надо искать ключ к тому непонятному явлению, что эксплоатирующий класс, несмотря на то, что борьба идет на жизнь и на смерть, *не может желать* полного уничтожения класса эксплоатируемого *), идет пред ним на уступки, а что последний, наоборот, *не может не желать* полного уничтожения класса своих угнетателей. (Здесь уничтожение, конечно, понимается не всегда буквально, ибо речь идет об уничтожении класса, как такового, в данном случае—об отмене собственности на средства производства)

Этот взгляд мы должны всегда иметь перед собою, когда мы обсуждаем вопрос о пролетарской революции. Сначала эта революция имеет лишь стихийный характер. Так и в „славной („Glorious") английской" и „Великой французской" революциях пролетариат играл решающую роль, но он еще не сознавал этого сам, не признавали того и другие. Хотя эти события и недостаточно исследованы и еще ждут своего маркситского историка, можно сказать, что пролетариат впервые самостоятельно поднял голову лишь к концу восходящей линии франц. революции, выдвигая, прежде всего, решительный лозунг республики и низложения, а затем и казни короля. Он верил еще в политическое равенство. Процесс дифференциации, выделения рабочего класса из всей нации, как самостоятельного революционного класса, проходит постепенно. В 1848 году он выступает вместе с мелкой буржуазией уже сразу с лозунгом республики и даже социальной республики, но он власть передает спокойно буржуазии и своим мелкобуржуазным вождям-соглашателям. Но если пролетариат в 1793 году от буржуазной республики ждал своей эмансипации и такого же освобождения в 1848 году от „социальной республики", то разочарование в одном, как и в другом случае, было полное. Завоеванная им власть потопила его же в собственной крови. Лишь в 1871 году в Париже особые условия сразу разделили всю нацию на два враждебных „класса у власти" на противоположных полюсах: диктатуру буржуазии и диктатуру пролетариата, впервые *встре-*

*) В своей речи о свободной торговле Маркс, впрочем, указывает на широкие пределы уничтожения рабочего класса: „Рабочие могут умереть спокойно, их класс не исчезнет. Он всегда достаточно многочисленен, чтобы капитал мог производить в его рядах опустошение, не боясь его полного уничтожения",

тившиеся открыто и откровенно лицом к лицу на поле брани. И как луч молнии этот факт осветил весь предыдущий ход революции. Так только следующие один за другим этапы революции дают нам правильное понятие о предыдущих.

Взгляд на государство в каждый момент определяет и взгляд на пролетарскую революцию и тактику. А, как мы уже видели, колебания взглядов на государство весьма обширны: от всемогущества государства до полного отрицания его вообще. Соответственно тому и революционная борьба пролетариата принимает то характер чисто политической борьбы—рука об руку или под предводительством буржуазии, то характер чисто экономической или синдикалистки-политической борьбы, отрицающей всякое участие в общей политике, то, наконец, комбинации обоих этих видов борьбы.

Сознание рабочим классом своего особого классового интереса распространяется и углубляется лишь постепенно, в чем и отражается процесс его дифференциации, как сознательно самостоятельного класса. Еще Лассаль с полным правом говорил германскому рабочему классу: „Вам еще надо доказать, что вы рабочие".

В первых революциях рабочий класс выступает под знаменем сначала буржуазной, а затем мелкобуржуазной идеологии. Мы видим последовательно его в рядах борцов только за политическую свободу, буржуазную революцию, (Великая франц. револ. или револ. 1830 г.), то около знамени мелкобуржуазной, социальной республики 1848 года. Уклонения анархистские—против государства вообще, или бланкистские, признающе завоевание власти в целях преобразования общества, но считающие возможным это завоевание достигнуть решительным меньшинством. Это—все, так сказать, *„детские болезни"* рабочего движения, но болезни, объясняемые в своей основе именно ростом молодого организма. Но для того, чтобы дойти до сознания пролетарской демократии, т.-е. до сознания рабочего класса, как организованного громадного большинства нации, еще не было объективных данных. Лишь учение Маркса и Энгельса внесло это дополнение и надо, прежде, всего, усвоить себе эту точку зрения, чтобы правильно понять слова Маркса и Энгельса о демократии, диктатуре, и т. д.

Мы, с известною натяжкою, получаем *три ступени*

развития. 1-я ступень—эпоха первого Интернационала, характеризуемая верными лозунгами, но отсутствием об'ективных и суб'ективных данных для их проведения;

2. —эпоха II Интернационала—рост об'ективных и суб'ективных данных, но непонимание или притупление лозунгов I периода;

3. — эпоха мировой войны и III Интернационала—синтез об'ективных и суб'ективных данных с восстановлением лозунгов I эпохи.

а) К. Маркс и I Интернационал.

Мы знаем, что Маркс и Энгельс определяют государство имущих классов, как „организацию эксплоататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплоатируемого класса в определяемых данных способом производства условиях подавления" (Энгельс, Антидюринг). На государство пролетариата они смотрят, *как на переходное явление* и представляют его себе, как „пролетариат, организованный в господствующий класс" (Ком. Манифест). Из этого вытекает вывод, что и революционная борьба пролетариата должна иметь совершенно иной характер, чем все прежние революции. Впервые это Маркс указал еще в своем „XVIII Брюмера" вслед за переворотом 1851 г. в словах: *„Все перевороты усовершенствовали* эту машину (исполнительную власть государства) *вместо того, чтобы сломать ее"*

Но эти слова прошли незамеченными В глубокий смысл этих слов не вникали и, повидимому, не могли еще вникнуть. Должна была с грохотом пройти Парижская революция 1871 г. со своим наглядным обучением, чтобы подтвердить на деле эти пророческие слова К. Маркса. Недостаточно было даже этого опыта, как и прямого указания со стороны К. Маркса и Энгельса на значение Парижской Коммуны, как диктатуры пролетариата.

„В особенности Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственною машиною и пустить ее в ход для своих собственных целей". (См. их предисловие к Ком. Маниф. от 24 июня 1872 г., а равно К. Маркса: „Гражд. война во Франции"). Всего этого все еще не было достаточно, чтобы открыть глаза

даже последователям Маркса и Энгельса на значение этого опыта, а незамеченными прошло даже напечатанное в 1901/2 г. в „Neue Zeit" письмо Маркса к Кугельману, писанное 12 апреля 1871 г., т. е. как раз во время Коммуны, в котором Маркс говорит: Если ты заглянешь в последнюю главу моего „18 Брюмера", ты увидишь, что следующей попыткою французской революции я об'являю: не перенять из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно *таково предварительное условие всякой действительно народной революции* (курсив здесь мой) на континенте. Как раз в том и состоит попытка наших геройских парижских товарищей". (см. „Neue Zeit, XX,I).

Последователи Маркса и Энгельса оставались глухи и слепы, и все рассуждения марксистов, всех без исключения, пошли в совсем ином направлении. „Государство будущего", отвергнутое Марксом и Энгельсом, которые решительно придерживаются точки зрения умирания государства,—выплывает снова, и вся концепция с.-демократии как в Германии, так и в других странах сводится к *завоеванию государственной* власти в реформистском, демократическом смысле того же *завоевания большинства голосов* в парламенте.

Как известно, Маркс был отцом и вождем I Интернационала, но этим не сказано, чтобы большинство I Интернационала было действительно проникнуто взглядами Маркса. I Интернационал является прекрасною программою, но об'единяющею весьма различный элемент, начиная от рабочего —тред'юниониста Англии и кончая рабочим романских стран с его мелкобуржуазными условиями жизни, не говоря уже о случаях наплыва увлекающейся буржуазной интеллигенции.

Когда Маркс формулировал програмный манифест (Inauguraladresse) и устав I Интернационала, ему пришлось считаться, как он сам говорит в своей переписке с Энгельсом, с этим разношерстным составом и с тогдашним уровнем рабочих и их вождей. Недаром он согласился на внесение в адресе даже слов „правда, справедливость, нравственность", помещая их в таком контексте, чтобы они не могли принести вреда. „Для того, чтобы спасти массы трудящихся, кооперативная система *должна быть организована в национальном масштабе и пользоваться поддержкою государства*".

„А господа владельцы земли и капитала всегда будут пользоваться своими политическими привиллегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий". Поэтому ныне *„великий долг рабочих классов заключается в завоевании политической власти"*. Одним из условий успеха рабочий класс располагает, а именно—*массою*, но масса лишь тогда имеет достаточный вес, когда она об'единена общим стремлением и единой целью и обладает надлежащей сознательностью". А в уставе мы читаем, что „в этих видах экономическое освобождение рабочих *есть великая цель*, которой всякое политическое *движение должно быть подчинено как средство*". Манифест I Интернационала является лишь продолжением или новым изложением мыслей Ком. Манифеста и намечает целью широко поставленную классовую борьбу. Он, конечно, не мог расчитывать на то, что английские тред'юнионы под завоеванием власти сразу поймут нечто другое, чем участие в выборах. Сам Маркс тогда для Англии допустил этот способ завоевания власти. На материке же капитализм пока был в первых стадиях развития, и там естественно было больше почвы для *бакунизма*, расчитывающего добиться освобождения трудящихся систематическими мелкими вспышками, бунтами, в ожидании всеобщего восстания, чтобы одним ударом привести к социальной революции, или же для *прудонизма*, рекомендовавшего рабочим бороться за свое экономическое освобождение не политическими, а мелкими экономическими средствами.

В дальнейшем в Интернационале крепла мысль Маркса, что, с одной стороны, цель политического движения рабочего класса это—захват власти для преобразования общества, но что, с другой стороны, борьбою за частные реформы рабочий класс должен укреплять свои силы для полит. борьбы. Это течение сравнительно легко победило прудонизм, но анархизм в лице Бакунина, с одной стороны, как протест против умеренных тенденций тред'юнионизма, с другой —как следствие низкого уровня развития рабочего класса, фактически одержал верх над направлением Маркса. В результате I Интернационал раскололся. Гибель Парижской Коммуны, хотя и не находившейся под прямым влиянием I Интернационала, все-таки, благодаря ее близкой связи с ним, означала гибель I Интернационала. Начавшиеся преследования против рабочего класса служили, если

не главною, то одной из причин смерти I Интернационала.

Отколовшаяся анархическая часть образовала свой анархический Интернационал, считающий себя прямым преемником I-го. На своем конгрессе в Сент-Ивье (1872 г.) анархистский Интернационал, между прочим, постановил: „Принимая во внимание, что попытка навязать пролетариату единообразную политическую тактику или программу, равно как и единый путь, способный привести его к полному социальному освобождению, представляет собою столь же абсурдное, как и реакционное притязание..., что всякая политическая организация может быть только организацией господства в пользу одного класса и к невыгоде масс и что пролетариат, если бы он вздумал захватить власть, сам сделался бы господствующим и эксплоатирующим классом, конгресс постановляет, что 1) разрушение всякой политической власти составляет первую обязанность пролетариата и 2) что всякое образование якобы временной политической власти для осуществления этого разрушения не может быть ничем иным, как лишним обманом, и окажется столь же опасным для пролетариата, как и все наши существующие правительства".

Анархический Интернационал, таким образом, стал на совершенно противоположную Марксу политическую точку зрения, и он вначале имел успех. Лишь с возникновением и ростом национальных политических рабочих партий и этот Интернационал в своей рабочей части постепенно освобождается от влияния мелкобуржуазного анархизма. Уже на Брюссельском С'езде 1874 г. проходит компромиссная резолюция: по вопросу о том, насколько политическая деятельность рабочего класса может быть необходима или полезна для приближения социальной революции, этот конгресс заявляет, что каждой отдельной федерации и с.-д. партии каждой страны предоставляется самой определить политическую тактику, которой она намерена держаться. Несмотря на этот компромисс, и этот Интернационал распадается. „Все его попытки привлечь пролетарские *массы* кончились неудачно и осталось лишь вербовать *отдельных лиц*" (письмо Гильома к Жуковскому 10 сентября в 1875 г.) Анархический Интернационал распался; его последний с'езд был в 1877 г. в Вервье. Но сам „Интернационал" считал себя существующим до с'езда анархистов в Лондоне в 1881 г. Это

был год разгрома революции в России после цареубийства 1881 г., но российские революционеры фактически в этот Интернационал не входили.

Итак, в I Интернационале первый раз рабочее движение в международном масштабе стало сознательно смотреть на *государство, как на орудие в руках господствующего класса в целях угнетения* пролетариата, и выставлять своею задачею *завоевание этого орудия в целях преобразования общества.* Но только Коммуна на практике впервые провела борьбу *рабочего класса против самого государства*, как организованной власти капиталистов.

„*Борьба рабочего класса с классом капиталистов и их государством*, благодаря Парижской борьбе, вступила в новую фазу. Чем бы непосредственно дело ни кончилось, на этот раз *новый исходный пункт* всемирно-исторического значения все-таки завоеван". (Маркс, письма к Кугельману, стр. 90).

б) II Интернационал и К. Каутский.

Если I Интернационал своею базою имел английский рабочий класс, а своим идеологом—К. Маркса, то во II Интернационале руководящая роль принадлежала германской с.-д. партии и типичным его истолкователем являлся К. Каутский. I Интернационал имел истинно-революционную программу, но он не имел масс, еще не было сильных, стройно организованных рабочих партий. Еще в 1877 г. в Генте состоялся всемирный „соц. конгресс", а в 1881 г. такой же в городке Куре (Chur), но ни там ни здесь еще не было масс для организации нового Интернационала. Лишь в 1889 г. собрался тот международный с'езд который положил основу новому „Международному обществу рабочих", т. е. II Интернационалу.

И этому Интернационалу пришлось начать с борьбы против анархистов. В отмежевании налево прошли первые годы его организационной работы, каковая работа продолжалась вплоть до Брюссельского с'езда (1901 г.). Безусловным требованием для участия в с'ездах и в самом Интернационале было признано *участие в политике.* Но в вопросе о том, кок понимать это участие в политике, образовалась новая, *правая* опасность, которая, несмотря на

кажущиеся поражения, победила и позорнейшим образом погубила II Интернационал.

Германская с.-д. партия, являясь самою сильною и лучше организованною рабочею партию, как я уже сказал, состовляла ядро нового Интернационалу. Она и придавала основной тон новому Интернационалу. Поэтому развитие „рабочей мысли“ в Германии лучше всего характеризует ход развития этого Интернационала в целом. Программа с.-д. рабочей партии, принятая в 1869 г. в Эйзенахе по интересующему нас вопросу гласит, что „партия стремится к установлению свободного народного государства“. (Не напоминают ли эти слова требования „социальной республики“ в 1848 г. в Париже?). В Готской программе об'единенной партии (1875 г.) мы читаем: с.-д. рабочая партия Германии борется всеми *легальными* средствами за собственное государство и социалистическое общество“. На нелегальном с'езде 1880 г. *) (в Видене, во время действия исключительного закона против социалистов) слова „легальными средствами“ были демонстративно вычеркнуты. Почти накануне отмены этого исключительного закона состоялся Парижский с'езд 1889 г., когда германская с.-д. была действительно сильною и революционною рабочею партиею.

Но как понималось основное требование принадлежности к Интернационалу, т.-е, требование политической борьбы? Эрфуртская программа 1891 г. свою политическую программу выражает словама „о борьбе за отмену классового господства и самых классов“.

Брюссельская предварительная конференция участие в политике понимает, как „стремление по силе возможности использовать или завоевать политические права и законодательный аппарат в целях содействия интересам пролетариата и завоевание политической власти“. В Лондоне в 1896 г. внесена небольшая поправка „о борьбе за социализм и об участии в законодательстве и в парламентской деятельности, как средство борьбы за достижение этой цели“. Брюссельская же конференция 1900 г. постановила, что участовать во II Иинтернационале могут все организации, примыкающие к основным пунктам социализма...

*) Единосласно была принята резолюция, что „для партии пригодно всякое средство, чтобы сделать закон иллюзорным и приблизить осуществление ее цели“.

и „ставящие целью социалистическое *завоевание* государственной власти со *стороны пролетариата, организованного в классовую партию*".

Мы видим, что в постановлениях ни германской партии, ни Интернационала особой ясности *в вопросе о государстве* и *о завоевании государственной власти* не было; ограничивались общими местами. А в то же время открыто поднимал голову ревизионизм: во Франции возник министериализм (участие соглашателей в буржуазном правительстве), такие же тенденции появились и в Германии. Германская партия имела большие успехи на выборах в рейхстаг 1903 г., и Каутский после этих выборов в статье „Что дальше?" писал: „До 20 февраля 1890 г. партия боролась за то, чтобы ее *терпели*. С тех пор *она борется за власть*. 16 июня 1903 г. (день выборов) открыл борьбу за власть. Эта самая великая и трудная часть нашей борьбы, которая подошла так близко. И она не так скоро окончится"... По поводу этой статьи писал тогда же Бебель: „Статья Каутского содержит блестящие места, но *по прочтение ее я все-таки лишь немногим стал умнее, чем был раньше*". В связи с этими победами на Дрезденском с'езде партии и затем на с'езде II Интернационала 1904 г. в Амстердаме надо было сказать решающее слово. Мы увидим дальше, что в действительности в Германии образовались два направления умеренных: одно умеренное на словах и на деле; другое радикальное на словах, но на деле откладывающее решающие моменты. В Дрездене победило второе направление, во главе с Каутским. В своей дипломатической редакции Дрезденская резолюция гласит: „Партийный с'езд осуждает самым решительным образом стремления ревизионистов, намеренных изменить оправдывающуюся и увенчанную успехом тактику в том смысле, чтобы на место завоевания политической власти путем победы над нашими противниками вступила политика, идущая навстречу существующей власти". Резолюция читается не особенно легко и в проекте имелись слова более ясные и определенные, как например: отказать в средствах, имеющих целью поддержку власти, господствующего класса; *запретить участие в правительстве и т. д.* Резолюция была принята 273 против 11 голосов; за нее голосовали такие от'явленные оппортунисты, как Ауэр, Зюдекум и др.! А Молкенбург мог снова произнести повторяющуюся чуть

ли не на каждом с'езде излюбленную фразу о том, что „именно теперь партия более едина, чем когда бы то ни было". Но это была ложь.

На самом с'езде Каутский говорил довольно решительные слова: „Так вот куда приводит нас стремление завоевать политическую власть кусочками, выдалбливая правительственную власть, вместо того, чтобы ее, как крепость, *взять штурмом* (возглас из зала: штурмом?. Да, да— штурмом! Конечно, необходима осада, но штурм всегда составляет заключение осады". Ближе своего плана Каутский не поясняет. Напротив, он произносит довольно неясные слова: „Владение (Besitz) государственною властью тут имеет решающее значение. Только после достижения государственной власти мы имеем под ногами твердую почтву для проведения социализма". И безусловно получается впечатление смягчения этих слов, если Каутский после с'езда свою статью по поводу Дрезденской резолюции начинает („Neue Zeit", 1903, I, 1) словами: „Мы не должны забывать, что мы являемся, в первую голову, партиею пропаганды. Важнейшим практическим вопросом для нас пока является в значительной меньшей степени завоевание власти, чем *завоевание народных масс*". Значит, дома опасность ревизионизма не угрожает, но она угрожает лишь на международном фронте!

Амстердамский международный конгресс был триумфом для германской партии. Каутский свою статью после с'езда начинает восторженными словами: „Чудесный с'езд!... Принята была значительным большинством Дрезденская резолюция, „почти без всяких изменений".

Конечно, не случайность, что через год после Амстердама вспыхнула революция в России, а вместе с тем на арену выступила новая партия, Р. С. Д. Р. П. — большевиков, которой было суждено сыграть такую громадную роль в истории революции. Я здесь не буду заниматься хотя бы краткою историей нашей парти, но нельзя совсем обойти молчанием ее отношение к государству и революции.

Как всюду в мире, так и в России первое массовое рабочее движение вскоре попало в русло экономизма и здесь, конечно, в виде противоположности предыдущему чисто-политическому революционному движению. Достигнуть слияния этих двух течений в единую революционную ра-

бочую партию являлось задачею, которую ставила себе „Искра", 1901/2, глубокий смысл каковой задачи изложен т. Лениным в его „Что делать". Это синтез лучших тенденций землевольчества с массовым рабочим движением. По нашему вопросу мы там пока находим немного. Для всех ясно, что для России идет вопрос пока о буржуазной революции, хотя и в новых, небывалых до сих пор условиях—под гегемониею рабочего класса и рабочей партии. Лозунги: вооруженное восстание и Временное Революционное правительство *для проведения учредительного собрания* и демократической республики и *и окончательного искоренения монархически-сословного строя.*

„Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьяства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить *социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения*, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии".

Революция 1905 г. окончилась манифестом 17-го октября 1905 г., изменою буржуазии, поражением вооруженного восстания города, запоздалым восстанием крестьянства и его подавлением. Но революция свои волны бросила далеко за пределы России. Этой волне поддался и оффициальный теоретик германской с.-д. Каутский, который в своих „Путь к власти" и „Социальная революция" достиг кульминационного пункта своей революционной карьеры.

Штуттгарский конгресс означает известный поворот в жизни II Интернационала. Каутский в своем отзыве об этом с'езде, менее восторженном, чем он писал 4 года тому назад по поводу Амстердама, подчеркивает это словами: „Мы вступили в новую эпоху Интернационала. Если первым Интернационалом руководияи из Англии и второй до сих пор имел свой действительный центр тяжести в Германии... Штуттгарский с'езд—первый после 1889 г., на котором этот перевес не замечается". Но об'ясняя этот факт ростом движения в других странах, как, например, в России он не отмечает той руководящей роли, какая принадлежала на этом с'езде Российской Партии большевиков или правильнее, большевизму. Особенно в резолюции о тактике решающую роль играла точка зрения Ленина, которую

отстаивала Р. Люксембург. Резолюцию вотировали в пленуме единогласно, но это единогласие было пагубною привычкою II Интернационала и, как видели в 1914 году, никого ни к чему не обязывало. Не только то, что „руководящая роль, которую до сих пор германская с.-д-тия играла во втором Интернационале, стала незаметна", в германской с.-д-тии уже брало верх ревизионитское крыло. Началось то расслоение социалистов на большевистское или революционное крыло и на оппортунистов, которое ныне весь мир разделяет на два лагеря. Штуттгартская резолюция о тактике гласит: „В случае, если война все-таки разразится, социалисты обязаны вмешаться для скорейшего ее прекращения и всемерно использовать вызванный войною *экономический* и *политический кризис*, чтобы *поднять народ* и тем самым ускорить *падение капиталистического господства*".

Но не было ни одного столь торжественно обставленного с'езда II Интернационала, как в Базеле в 1912 г. Для заседания с'езда был предоставлен Базельский собор (Münster) Правда, с характерною оговоркою: „в том предположении, что достоинство (Würde) места будет соблюдаться как ораторами, так и собранием". И при такой предпосылке церковного ведомства была подтверждена *самая революционная резолюция* всего II Интернационала Штуттгартская, против империалистской войны и *в пользу пролетарской революции!* „Мирная конференция" II Интернационала была встречена церковным колокольным звоном всех базельских церквей. Это был погребальный звон II Интернационалу. Говорили, что Базель *предупредил мировую войну* по поводу Марокко. Газеты разоблачали, что Базельский конгресс собрался под влиянием империалистских дипломатов. Мировая война еще не созрела, или не созрел процесс гниения II Интернационала? Но еще до 1912 г. началась открытая борьба между революционизмом и оппортунизмом в Германии. Сначала шла полемика между Каутским и целым рядом ревизионистов (Бернштейном, Мауренбрехером и др.) в 1907/9 г.г., потом между Розою Люксембург и К. Каутским, стоящим на этот раз уже по ту сторону баррикад (1910 г.) и, наконец, еще в более определенной форме между Паннекуком и тем же Каутским (1912—13 г.г.).

В своей „Социальной революции" и „Пути к власти"

Каутский как будто бы отстаивал еще революционную точку зрения, хотя и там он уже сдает в известной мере свои революционные позиции. Он был десятки лет оффициальным истолкователем оффициальной политики, т.-е. политики большинства с.-д. партии, и он не мог не отражать поворота всей партии, вернее, ее вождей в сторону оппортунизма. В партии образовалось левое революционное и правое ревизионистское течение, а Каутский занимает позицию центриста, все более и более благосклонно относящегося к правому ревизионистскому крылу.

Полемика между Каутским и ревизионистами в период 1908—9 г.г. характерна в том отношении, что ревизионисты в роде Зюдекума, впоследствии прославившегося дипломатического агента германского империализма, довольно открыто намекают на силы, за ними стоящие. Но Каутский тут еще революционен. Он продолжает еще пользоваться примером осады крепости буржуазного правительства, когда он доказывает невозможность для с.-д. голосовать за бюджет буржуазного правительства и с восторгом вспоминает российскую революцию 1905 г. Но руководящие элементы партии правеют, с другой стороны, заметно левение масс. И когда в 1910 г. Роза Люксембург и ее группа открывают кампанию за массовое выступление и подготовку генеральной стачки, Каутский определенно отворачивается от этого левого течения. Он начинает с формального отвода, что вопрос о генеральной стачке не подлежит, мол, публичной дискуссии по соображениям, так сказать, конспиративного характера. Но провалившись с этим формальным отводом, он выступает со своею знаменитою теориею оборонительной тактики с целью утомления противника, ставя свою карту на следующие выборы рейхстага, а рассуждения Розы Люксембург о „генеральной стачке“ обвиняет в архаизме. По нашему вопросу в этой полемике интересен выдвинутый Розою Люксембург лозунг: республика! То, что Энгельс не мог провести в Эрфуртскую программу, как лозунг преждевременный, по условиям законности, Розе Люксембург удалось легализовать в печати: требование республики. *).

*) События после 1918 года показывают, насколько необходимое раньше пройти стадию буржуазной или мелкобуржуазной республики, чем перейти к последнему действию: диктатуре пролетариата.

Еще шаг вперед сделала полемика между Паннекуком и Каутским. Паннекука когда-то прочили в наследники Каутского по редакции „Neue Zet", и надо ему отдать справедливость, что он в этой полемеке обнаружил большую политическую дальновидность. Выборы в рейхстаг 1911 года, хотя и дали с. д-ам 35% всех голосов, не привели к той революционной развязке, какую предсказывал Каутский в полемеке 1909|10 г.г. *). В своей полемике с Каутским Паннекук сразу зашел дальше, чем Люксембург. Мы видели, что Люксембург массовое движение, в частности массовую стачку, выдвинула под лозунгами политических прав и республики. Паннекук ставил лозунги: *не борьбу из-за власти, а борбу против государственной власти с целью разбить буржуазную государственную власть.* Каутский и его упрекает в анархизме, и на первый взгляд его формулировка, при ее недоговоренности, как будто бы имеет кое-что общее с анархическим утопизмом. Но его слова в действительности означают переход к *революционной точки зрения 1917 года.* Паннекук **), рассматривая вопрос о порламенских победах пролетариата, говорит: Это не случайность: отсутствие конституционных основ для народовластия в стране с высокоразвитым рабочим движением является необходимою формою господства капитала. Оно выражает то, что *фактическая власть* находится в руках имущего класса.. Его (этот класс) надо разбить, *его власть надо сломать*... Это в действительности столкновение всей мощи обоих классов, борьба самых сильных орудий их власти, которые стремятся друг друга ослабить и в конце-концой уничтожить".. „Если пролетариат хочет завоевать господство, он должен победить государственную власть, эту крепость, в которой укрепился владельческий класс. Борьба пролетариата не просто борьба против буржуазии *из-за власти*, как об'екта, это борьба

---

*) Каутский писал в 1910 г. (N. Z., №29, стр. 77) „Если бы ей (с. д-ии) удалось на выборах 1911 г. делать такой же прыжок, как в 1890 г.—а ситуация многообещающая, т. е. удвоить число голосов, то мы могли бы достигнуть абсолютного большинства всех поданных голосов" „Какое бы направление ни принимало развитие, выборы (1911 г.) должны дать ситуацию, создающую новую и более прочную базу для нашей борьбы"... „Не к массовой стачке мы должны приспособить нашу агитацию, а уже теперь к следующим выборам рейхстага". Мне кажется, что следующая битва разыграется на выборах в рейхстаг"...

**) См „Neue Zeit", 1912 г., стр. 546 и сл. 732, 1913 г., 368.

против государственной власти. Проблема социальной революции вкратце гласит: повышение власти пролетариата до таких пределов, что она превосходит власть государства, а содержание революции это—достижение и разрушение (Auflösung) орудий власти государства посредством орудий власти пролетариата"...

В дальнейшей полемике Паннекук об'ясняет, что „завоевание господства путем сильных форм действия Actions-formen) состоит в конце-концов в разрушении Auflösung) орудий власти противника и в *воздвижении собственной власти*".

Мы видим, что автор на верном пути. И в чем заключается ответ Каутского в этом пункте? „Цель нашей политической борьбы остается прежняя: завоевание государственной власти путем завоевания большинства в парламенте и возведения парламента в роль господина над правительством. А не *разрушение государственной власти*". А его тактика? „Усовершенствование организации, захват всех позиций власти, которые мы в сотоянии собственною властью удерживать, изучение (Studium!) государства и общества и просвещение масс: *других задач мы и сегодня еще* не можем сознательно и планомерно ставить ни себе ни нашей организации." (N. Z. XXX, 2,73).

А чем отвечает Каутский на слова Паннекука о разрушении старой власти? Новым обвинением в анархизме и анархо-синдикализме и ссылкою на „Ком. Манифест", из которого он против Паннекука цитируют слова: „Первым шагом пролетарской революци будет *возведение пролетариата в господствующий класс*, взятие боем (Erkämfung) демократии. Пролетариат свое политическое господство использует для того, чтобы постепенно отнят у буржуазии капитал, централизовать все орудия производства в руках *государства*, т. е. *пролетариата, организованного в господствующий класс* и т. д.". Каутский дальше цитирует целый ряд мероприятий, предложенных манифестом, как-то экспроприацию земельной собственности и т. д. и спрашивает: „Как Паннекук представляет себе проведение этой программы посредством разрушенной и распавшейся государственной власти?" (N. Z. 1913, I, 443).

Паннекук мог сослаться на свои слова о вновь *„воздвинутой собственной власти* пролетариата". Но он дал бы верный и полный ответ лишь в том случае, если бы

он процитировал против Каутского приведенные выше Каутским же против него слова Коммунистического Манифеста об *„организованном в господствующий класс (т. е. государство) пролетариате“*. Повидимому и для Паннекука эта сторона вопроса, который он поставил верно, была еще не совсем ясна.

Эту полемику достойно заключили партийные с'езды германской с. д. в Хемнице (1912) и Иене (1913). Здесь Каутский около своего центра сгруппировал весь ревизионизм, и его поведение в Иене, за одно с Шейдеманом, было достойным предисловием к краху 1914 года. Характерны первые слова передовицы Каутского после Иены: „С'езд в Иене разочаровал всех тех, кто от него ждал... более глубокого сотрясения (Zerkluftung) партии и т. д.“ Словами о „священном единстве“ всегда покрывали во II Интернационале глубокие пропасти разногласий.

в) Российская Революция и III Интернационал.

Итак, недостаточно было высокого авторитета Маркса и Энгельса, не хватало даже наглядного урока Парижской Коммуны для того, чтобы вдолбить социалистам марксистского толка Марксово понимание государства и пролетарской революции. Потребовались книга т. Ленина „Государство и Революция“ и Октябрьская революция 1917 г., чтобы открыть глаза марксистам. Немного странным могло бы показаться „постороннему“ для революции лицу это сопоставление т. Ленина и Октябрьской революции, но эти факты появились так одновременно и, если хотите, независимо друг от друга, что могут быть об'ясняемы только общею причиною. Конечно, о независимости Октябрьской революции от идейного руководства т. Ленина и говорить не приходится. Я в следующей главе своей работы прямо указываю на то, что выступление т. Ленина с тезисами 4 апреля 1917 г. я считаю началом Отябрьской революции. Но книга т. Ленина была написана целиком до этой революции, а появилась лишь в печати после нее и едва ли кто решится назвать такое неслыханно грандиозное массовое движение явлением, совершившимся по предначертаниям того или иного отдельного человека.

Основная заслуга т. Ленина заключалась в том, что он *единственный из всех марксистов* оказался политически

грамотным и умел прочесть то, что было черным по белому написано у Маркса и Энгельса. А Октябрьская революция в величественных размерах повторяла то, что сделал Париж в 1871 г. и, таким образом, не только делала громадный шаг дальше Парижской Коммуны, но и бросила новый свет на самое панимание великого дела Парижской Коммуны.

Основная заслуга т. Ленина именно заключалась в том, что он сумел сразу, *на самом ходу развития, открыть* преемственность российской революции по отношению к Парижской Коммуне, тогда как все остальные эту преемственность искали лишь по отношению к Франции 1789—в крайнем случае 1793 г., а нередко даже Германии 1848 г. Когда 4 апреля Ленин сказал (не дословно, конечно) русскому пролетариату: „Взгляните на Парижскую Коммуну, то была Советская республика", он оказался единственным зрячим человеком средь целого с'езда революционеров.

Т. Ленин, как я уже сказал, является *только* верным истолкователем слов Маркса и Энгельса, но одновременно он восстановил это *забытое* и, казалось, отвергнутое окончательно учение. Я не буду повторять его изложения, ибо я должен предполагать полное знакомство читателя с этою работою. Ее заслуга заключается в определенной постановке вопроса современными словами: „буржуазную демократию, т. е. парламентаризм, или диктатуру пролетариата, т. е. Советскую Республику". Вопрос был поставлен теоретически еще до Октябрьской революции; практически он был выдвинут в самом начале рабоче-крестьянским правительством в форме вопроса о *разгоне Советами Учредительного Собрания*. Как известно, один момент существовали надежды на миролюбивую ликвидацию этого вопроса. Сначала расчитывали на большинство революционеров в Учредительном Собрании, но эту надежду расстроили левые эсеры своею нерешительностью, отказавшись от предложенного им формального раскола с правыми эсерами путем отложения выборов на месяц и выставления своих самостоятельных списков кандидатов. Затем Учредительному Собранию было предложено покончить с собою, в некотором роде, самоубийством: признанием Рабоче-Крестьянской власти Советов.

Но демократическое Учредительное Собрание в то

время вообще еще было окружено известным историческим ореолом революционности, ибо недаром оно десятки лет служило революционным лозунгом. Разгон 5 января 1918 года Всероссийского Учредительного Собрания, избранного в революционной обстановке и действительно бывшего показателем революционного настроения России в день выборов, который, однако, уже определил быстрый ход революции, был первым случаем фактического разгона Учредительного Собрания—революциею. В декрет ВЦИК от 6 января 1918 г. мы читаем между прочим: „Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не обще-национальные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества. Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеваний Народом Советской Революции в пользу буржуазного парламентаризма—и Учредительное Собрание было бы теперь шагом назад и крахом всей Октябрьской революции... Поэтому... Учредительное Собрание распускается". (Собр. уз. № 15 ст. 216 1918 г.). После того „Учредительные Собрания" вырастают как грибы, но отмирают также быстро. Ореол Учредительных Собраний даже для буржуазного мира утерян безвозвратно.

Как я уже сказал, заслуга Ленина заключалась в том, что он теоретически высказал ту же самую критику, которую на практике проделала революция. Но он сделал это раньше или одновременно с нею и не зависимо от нее. Здесь же интересно отметить, что вся критика как буржуазной науки, так и социал-предательской теории, направленная против Октябрьской революции и Ленина, больше остановилась на последнем, чем на первой. И если мы в I ч. моей работы видели, как весь так называемый юридический социализм был социалистами заимствован у буржуазии, в особенности у проф. Антона Менгера, то на этот раз вся буржуазная и социалистическая критика переживает*) исключительно мыс-

*) Сначала „Диктатура пролетариата"—на которую ответил т. Ленин книгой „Пролетарская революция и ренегат Каутский", затем „Демократия и диктатура" и т. п., все повторяющиеся те же общие места.

ли Каутского. Но эти мысли Каутского чрезвычайно жидки и шаблонны, чтобы не сказать больше.

Тот самый Каутский который, в реестре к „Neue Zeit" за 25 лет, вместе с *Энельсом* показан автором статьи против юридического социализма Менгера в 1887 г., теперь повторяет тот же юридический социализм в самой плоской форме, только в применении к государству: „Я ожидаю, что социальная революция пролетариата примет совсем иные формы, чем буржуазная, что *пролетарская революция*, в противоположность буржуазной, будет доведена до конца (Ausgefuchten) „*мирными*" средствами экономического законодательного и морального характера, а не средствами физической силы и т. д. Так писал Каутский в 1909 году, но если он теперь после мировой бойни 1914 года, после режима Носке в Германии и т. д. (книга „Демократия и диктатура" вышла в 1919 г.) повторяет эти же слова, то серьезно возникает вопрос о его политической вменяемости. „Демократически-пролетарские методы борьбы, может быть, покажутся более скучными (!!!) чем во времена буржуазных революции, они менее драматичны (?) и эффектны (!), но они *требуют и меньше жертв* (??)". Вот тут-то зарыта собака! Каутские боятся жертв борьбы и в этом сопоставлении приобретают особое значение слова его (стр. 7): „Если бы нам доказали, что *мы ошибаемся*, и что *освобождение* пролетариата (т. е. отмена рабства *наемного* труда!) и человечества вообще достижимо только или целесообразнее всего *на почве частной собственности* на средства производства... то нам осталось бы только *выбросить за борт социализм*, не отказываясь от нашей конечной цели, да мы должны были бы это сделать именно в интересах этой конечной цели". Серьезны ли эти сомнения нашего „учителя" или это просто какая-то галиматья?

Вся буржуазная критика, относящаяся к нашему предмету, сводится к восхвалению буржуазной демократии, которой наша революция противопоставила Советскую демократию, как диктатуру пролетариата. О демократии и диктатуре мы будем говорить особо. Здесь только несколько слов о том, как Ленин Р. К. П., а затем и III Интернационал ставят вопрос о революционной борьбе пролетариата за власть. Действительно ли это тот же бакунизм, как находят ныне Каутские, или бланкизм, как доказывали они прежде. Нет это последовательное доведение до конца

революционной мысли, которое не по силам было прежним революциям. Исходя от понятия буржуазного государства, орудия господства класса капиталистов, как ничтожного меньшинства. III Интернационал ставит целью *уничтожение* этой *организации господства меньшинства не только в пользу большинства, но и опираясь сознательно на это большинство* *). Так этот ответ и формулирован в резолюции III С'езда Коммунистического Интернационала. Такова логика как истории, так и практики пролетарской революции.

IV. ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА И ФОРМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

I. Классовая организация имущих.

При нашем взгляде на государство, как на классовую организацию господства, вопрос о *форме* государства и о форме правления теряет свое прежнее значение. Ибо, какова бы ни была форма,—содержание ее—*господство класса*. Поэтому выдвигая новое определение государства мы должны пересмотреть и прежние классификации форм государства. Надо сказать, что в области классификации наука государственного права лишь немногим ушла дальше древнего мира, хотя содержание этих форм, как мы уже видели, коренным образом изменилось. Еще Аристотель делил государства на: монархии или тирании; на аристократии или олигархии и на политии или демократии. При этом делении он руководствовался или целью, определяющею деятельность власти, или различным составом аппарата правительства. Деление Аристотеля развил дальше

---

*) Сейчас мировая революция выдвигает в массах инстинктивное стремление к единому фронту рабочего класса и „Коммунистический Интернационал верно подхватил этот лозунг. Невольно вспоминаются слова Коммунистического Манифеста „*о сплочении* пролетариата в класс", как предварительной стадии „организованного в господствующий класс, т. е. государство, пролетариата". Не означает ли это несознательную работу революции в умах и рядах пролетариата? Основательно работает этот „старый крот", революция.

Полибий, внеся в развитие этих форм известного рода закономерность движения. По его теории, на ходу развития всякая монархия превращается в тиранию; тирания падает, и ее заменяет аристократия, которая, перейдя в олигархию, вызывает общее недовольство, снова ниспровергается и заменяется демократией. А так как, по мнению Полибия, всякая демократия превращается в охлократию, правительство, черни, толпы, то и это правительство ниспровергается и заменяется вновь монархиею и т. д. В роде сказки про белого бычка! Поэтому Полибий рекомендует смешанный вид государства, как он это видит в Риме, где консул представляет монархическое начало (ср. ныне президента республики), сенат—аристократию, а народное собрание—демократию. Этою бедною по содержанию классификацией наука обходилась вплоть до настоящего времени, заимствуя лишь из Рима новое название «*республика*", как противопоставление монархии, т. е. как бы „*немонархия*". В Риме слово республика первоначально обозначало государство вообще, но в противопоставление возникшей позже ее Империи—она получила свое нынешнее значение—немонархии.

Буржуазная наука признает, что это деление случайно и что его содержание меняется по времени: на классификацию древнего мира, средневековую, нового и новейшего времени, но в действительности тут речь идет о взаимоотношениях государства и личности и только. Еще Кант начал различать форму властвования (Form der Beherrschung) и форму правления (Form der Regierung) и совершенно правильно отметил, что республика вовсе не то же самое, что демократия. Но лишь у Л. Ф. Штейна (т.-е. с 1840-ых годов) мы встречаем новый момент при определении, а вслед за тем и классификации государств. Штейн правильно указывает на то, что в республике народ, которому там присвоивается верховенство власти, не представляет собою простой совокупности равных и свободных людей. Республика представляет собою в абстракции идеальную форму государства, но в практическом осуществлении она приводит к порабощению личности капиталом. Ибо, так как народ делится на богатых и бедных, зависящих от богатых, то народное верховенство превращается на деле во власть имущих над неимущими.

Л. Ф. Штейн из всего этого делает вывод соглаша-

тельский, предлагая примирение классов *) и особенно указывая на средний класс, мелкую буржуазию, как примирительный элемент. Мы, напротив, должны притти к тому заключению, что политическое равенство людей остается пустым звуком, пока не обеспечено экономическое равенство, т.-е. пока не уничтожены классовые противоречия, и что поэтому государства вообще, а в особенности и республики надо делить на республики буржуазные и республики рабочие, трудовые или рабоче-крестьянские.

Таким образом, можно сказать, что деление государств на аристократии или олигархии и демократии устарело. Такое деление мы ныне встречаем серьезно лишь в нотах Керзона, когда он Советскую Республику России называет олигархиею, при чем он получает от т. Чечерина заслуженное и обоснованное ироническое пояснение, что как раз в Англии властвует финансовая олигархия. Им пользуются в ученических сочинениях в роде статьи Каутского о том, что рабочее правительство России является будто бы *аристократиею рабочего меньшинства* **). От этого никому ни тепло ни холодно. Такие „работы“ не имеют никакой ценности, ни теоретической, ни практической. Мы говорим серьезно еще о демократии, и то с оговорками—„буржуазная“ или „чистая“ демократия, рабочая или советская демократия, но это уже не относится к классификации форм государства или правления.

Мы имеем, значить, по классовому характеру: государство первобытное, государство феодальное, государство буржуазное, или смешанное феодально-буржуазное и, наконец, советское или рабочее. И во всех этих государствах, *за исключением последнего*, форма может быть или монархическая или республиканская.

Монархия от республики отличается тем, что во главе ее находится монарх, по общему правилу, наследственный

---

*) „С средины нашего столетия... выступает сознание противоположности классов и становится ясным, что конечный пункт всякого внутреннего управления должен заключаться в вопросе: что же должно и что может сделать по отношению к этому движению „классовое государство“?

**) При этом ответе Каутского невольно вспоминается Чехов, см. его „Почтового чиновника“, который при экзамене на классный чин на вопрос: „каково вероисповедание французов“?, наивно отвечает:—„республиканское“.

или, по крайней мере, пожизненный, обязательно *юридически* безответственный. „Оглавление" это может быть как фактическое, так и просто иллюзорное, но оно придает всему строю известный характер даже в том случае, когда монархия называется ограниченною или конституционною. Она в свое время являлась единственною формою того чистого абсолютизма, когда государство становилось выше классов, вследствие равновесия власти двух борющихся между собою классов. Но буржуазная республика по существу так близко подходит к монархии, особенно если, как в Норвегии, король—выборный, что Кант был прав, когда он ввел, хотя и в другом смысле, новое понятие: *республиканской монархии и деспотической демократии.*

В республике *) в правительственных учреждениях исчезает всякое наследственное или пожизненное начало, и она представляется чистым типом государства буржуазного. В высшей степени интересен в „18 Брюмера" Маркса разбор парламентарной республики, как единственной формы государства, в котором враждебные фракции буржуазии могут об'единиться для господства всего класса, так сказать единного буржуазного фронта. Но Маркс там же показывает, как буржуазия в своей классовой борьбе против пролетариата сама стремится освободиться от своего политического господства и его забот и опасностей, предоставляя таковое любому авантюристу.

На Амстердамском международном с'езде возникла полемика между Бебелем и Гэдом, с одной стороны, несколько пренебрежительно высказавшимися на счот преимуществ

---

*) Мы берем для примера составленную проф. Коркуновым по теориям разных ученых формулу различия монархии и республики: „Монархию можно определить, как государственное устройство, при котором функции *представлять государство*, как целое, осуществляется, как *собственное право*, безответственным лицом; республику—тем что функция эта осуществляется по *поручению* народа".

Энгельс был иного мнения о роли монарха, когда он писал: „Власть короля в Англии сводится к нулю... Но чем незначительнее сделался монархический элемент в действительности, тем более значения он приобрел для англичанина. Нигде, как известно, неуправляющая личность более обожаема, чем в Англии... Но этот противный культ короля, как такового, обоготворение лишенного всякого содержания понятия—даже не понятия, но пустого слова „король"—является завершением монархии". (Энгельс „Положение Англии", 1844 г., стр. 283).

республики перед монархиею, и Жоресом, отстаивавшим преимущество французской республики. Бебель при этом подчеркнул, что он, как и вся германская с.-д., стоит за республику, но находит, что отношение французской, американской и швейцарской республик к рабочим часто даже хуже, чем отношение хотя бы германской монархии. Возникла полемика, в которой часть ревизионистов (Эйснер) упрекала Бебеля и защищавшего его Каутского за вызывающее недоразумения равнодушие к республике, другая же фракция ревизионистов делала вывод о несправедливо суровом отношении с.-д. к монархии. Каутский по этому поводу напечатал серию статей, многословных, как обыкновенно, в которых между прочим отстаивает положение, что демократическая республика является *единственною соответствующую социализму политической формою*... как государство будущего, социальная республика". И что „монархия может существовать лишь на основе классовых различий и классовых противоречий; отмена классов обусловливает и отмену монархии".

Мы, коммунисты, с полною определенностью вернулись к взляду Маркса и Энгельса, что вместе с отменою классов и классовых противоречий отменяется всякая *форма государства*, как монархия, так и республика. Значит, этот довод Каутского слаб. Но мы переживали целый ряд революций и на деле убедились, *почему* переход от монархии прямо к рабочей республике, по видимому, невозможен или непрочен. Каутский писал: *) „Буржуазная республика является тою формою государства, в которой решительная борьба между пролетариатом и буржуазиею проходит быстрее и лучше всего, так как здесь классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазиею проявляется острее и яснее всего". Теперь мы знаем, что переход от монархии к республике в Германии, Австрии и т. д. был, а в Итали Англии, повидимому, будет необходим как переходная стадия, чтобы дать возможность рабочему классу и прочему трудовому народу изжить свои республиканские и демократические иллюзии. Где этого не было, как в Венгрии, Баварии и т. д., там советский режим не был достаточно прочен, даже среди самих рабочих. Ибо, хотя Каутский когда-то и писал, что „мы т. е. германские с.-д.,

*) См. „Neue Zeit" – XXII, стр. 676.

отличаемся от буржуазной демократии, приписывающей республике таинственную силу ослабления классовых противоречий", теперь он сам не мало способствовал как раз этим „демократически-республиканским иллюзиям" германского рабочего.

Типы буржуазного государства в действительности чрезвычайно друг к другу приближаются. Американская республика, еще Марксом выдвинутая рядом с Английскими колониями, как тип действительно демократического государства в отличие от бюрократической Европы, превратилась в самое откровенное орудие капиталистического, а ныне империалистического насилия. Она стала государством не просто кулачного, но если можно так выразиться, „пулеметного" права, где для подавления рабочего класса не только выставляются особые пулеметные отряды добровольцев и оффициальной армии, но строятся в промышленных центрах целые форты, готовятся газовые аттаки, воздушные нападения и т. д. против рабочих. А „республиканская или демократическая монархия" в Англии мало отстает от Америки, не говоря уже о „самой демократической республике"—Германии, с рабочим президентом во главе, где уже всяких Носке, Зеверингов и тому подобных соц.-демократических светил выдерживают сравнение с Галифэ или Кавеньяками фрунцузской „монархической" республики.

Для современного конституционного или представительного государства, или так называемой буржуазной демократии выставляют, как основной признак — участие в правительстве народного элемента. Для нас стоящих на точке зрения классового характера государства и ее власти, этого признака недостаточно и он даже не приемлем, как неправильный. Если мы сравниваем абсолютизм или до него феодально-вассальное государство с современною демократиею, то мы говорим, что все эти формы государства были формами классового господства. Но в то время, как в первом случае участие класса в господстве было лишь *фактическим или неорганизованным, оно ныне является правовым-т.-е. организованным.*

Таким образом, основным признаком для деления государств должна служить *организованность* или *неорганизованность* участия класса в господстве и *степень этой организованности.* В абсолютизме там, где он не нахо-

дится в независимой роли вследствие равновесия классов, или когда он балансирует между ними, как например, в России, досударство было тем же орудием классового господства, но господствующие классы участвовали в нем лишь фактически. Парламент это—организованное участие класса, а республика—чистый вид организации классового господства без примеси монархической традиции.

Великая Российская революция выдвинула новый тип государства—Советское государство, как форму диктатуры пролетариата. *Это новый тип республики, организованного господства класса*, государство переходного времени. На нем мы должны остановиться подробнее, почему тот очерк, который я поместил, как последнюю главу своего общего учения о праве и который дает в кратких словах историю, предшествовавшую этому типу государства, я здесь в несколько сокращенном виде перепечатываю.

2. Классовая организация неимущих или советская форма государственной власти.

В настоящее время нет в мире слов, более популярных, с одной, и более ненавистных, с другой стороны, чем слова „советы", „советский строй", „советская организация". Для рабочего класса всего мира в этих словах целая бездна чаяний и надежд; для буржуазии это грядущий кошмар—коммунизм. После неожиданной для Европы победы пролетариата в России, мысль о советской форме революции приняла в головах западно-европейского пролетариата несколько искаженную форму. Пролетарскую революцию стали понимать в несколько утопическом виде. Когда, например, в Германии, в Австрии и т. д. вспыхнула революция 1918 г., то она здесь и там прошла в советской форме, но никакого социализма эти советы не принесли. Советы умерли естественною смертью, как в Германии, или как в Австрии поныне служат лучшею опорою для буржуазии, ибо вожди рабочего класса в этих советах в первую голову были озабочены скорейшим отказом от завоеванной ими власти, отречением от достигнутого советского строя, с тем, чтобы вернуться к старой же, казалось бы, даже и для буржуазии уже исжитой форме государства—парламентаризму. Нашлись даже люди, серьезно замечтавшиеся или, чаще всего с предательскою целью

заговорившие о своеобразном примирении советов („Verankern“) с парламентаризмом. Необходимо глубже вникнуть в суть Советской власти, рассматривая вопрос в историческом его развитии, и в исторически-революционной перспективе сопоставить ее состроем буржуазной демократии.

Мы исходим как от исторического факта,—от *человека живущего в обществе других людей*. Было ли это общество — род (gens), клан (об'единение родов), семья или деревня, село, город и т. д., одна особенность всех этих первобытных об'единений людей заключалась в том, что они являются более или менее самодовлеющими единицами или ячейками, внутри которых члены их были взаимно связаны узами экономических и, в первую голову, производственных отношений, и в которых люди с однородными единицами, т. е. опять-таки со всякого рода об'единениями людей, вступают в связь *не как отдельные члены этой ячейки*, не как индивиды, а только чрез эту свою ячейку как целое *). Маркс в I т. своего „Капитала“ подробно описывает вековой строй индийской общины, как самодовлеющей экономической единицы. О германском селе (Dorf) мы читаем, например, у Шмоллера: „Село является экономическою и торговою системою по себе“. Относительно же города мы читаем у того же Шмоллера: „Каждый, особенно более значительный город стремится к тому замкнуть себя в единое хозяйственное целое, расширая свое хозяйство и сферу своего влияния возможно шире“.

Если мы обращаемся к древне-греческой организации общества, то мы там находим то же село, состоящее из целого ряда дворов, но в более усовершенствованном виде, под названием „синойкия“, об'единения отдельных ойкос (ойкос—дом, двор, оттуда и дом Романовых и их „двор“)—в город. Эта синойкия обнимала, правда, только свободных граждан, но и в древнем роде—рабы считались сначала общим достоянием. В этой экономически-политической организаци историки усматривают один из главных залогов успеха культуры классической Греции. А этот строй мы в общих чертах находим и у многих других на-

*) См. „Henry Sumner Maine“: „Право первобытного общества имеет характер международного права, ибо оно вовсе не относится к отдельным людям, но, как и современное международное право, исключительно к взаимноотношениям целых групп людей“.

родов в близкие к их первобытному состоянию периоды. Рим не только сам был об'единением таких „gentes", но, в свою очередь, представлял составную часть и метрополию своеобразного об'единения целого рода городов в единое государственное целое, и как раз ко времени существования этой системы относится период могущества древнего Рима.

Конечно, не самовольное желание, „свободная воля" людей разрушили эту первобытную замкнутую общину, как сплоченное сообщество. Мы уже знаем, что вырвало человека из этого об'едвнения и как бы в наказание за этот уход из первобытного об'единения лишило его прежних свобод и прикрепило к земле свободного производителя в качестве невольника.

Феодальный строй подчинил себе свободные села, превратил их обитателей в зависимых, даже крепостных людей, но волость, район владения помещика представляла собою и впредь как бы отдельную общину. И с центральною государственною властью эти отдельные волостные „государства" сносились лишь через своего барина. Таких отдельных государств в одной России до отмены крепостной зависимости—было 103.000. Глава каждого из этих государств, „дворянин"-помещик, был не только владельцем его, но в силу этого и посредником между этою территориальною единицею и нарождающеюся центральною властью, так сказать, конфедерации волостных государств. В его лице и оставалось организованная, хотя только на бумаге и довольно примитивно, жестокая забота об отдельном человеке, крепостном или полусвободном крестьянине *). Этот строй, во время действия крепостного права, все еще сохранил намек на первоначальную форму местной экономической и политической единицы; как низшей ячейки общества, хотя и искаженную форму первобытного „советского" строя, так сказать „советского строя" на выворот.

В городах наблюдается та же самая организация зависимости, только в иной форме—на этот раз по чисто профессиональному признаку, а именно в цехах, гильдиях и т. п. корпорациях. Оставшиеся вне этих „организаций"

*) См. Семевского—„О крестьянах при Екатерине",—где он описывает роль первоначальных хлебных магазинов.

в городах и деревнях обыкновенно попадали в роль бродяжного элемента (Vogelfei) и составляли ядро тех масс бедноты, нищих, с которыми боролся нарождающийся вновь строй в целях их *прикрепления к новой работе*, к мануфактурам, где последние сами не были организациями чисто крепостного типа, как в России *). И эти нищие составляли ядро нового класса, пролетариата, которых как в Англии, так и в Германии прямо назывался бедняками (Poors, Arme).

В чем заключалась *суть буржуазной революции* по отношению к этому лабиринту отдельных об'единений— феодальных, цеховых, корпоративных. В том, что она разбила эти об'единения, удалила все „средостения" между центральным правительством и отдельным гражданином. Впредь центральная государственная власть с этого гражданина будет непосредственно взимать свои налоги, и впредь всякий гражданин непосредственно будет обращаться к центральной власти. Но это еще не все. Маркс в одной из своих первых работ (1843 г.) ярко рисует основную разницу между революциею буржуазною и социалистическою: „Буржуазная революция растворяет старые феодальные формы организации путем политического освобождения самостоятельной личности, но не придавая новой формы экономической связанности и подчиненности этой личности... Она разделяет личность на *гражданина и человека*, при чем все экономические общественные отношения граждан относятся к сфере их личных дел, стоящих вне интересов государства". „Человек как будто ведет двойную жизнь, небесную и земную. Жизнь в политическом общежитии, где он чувствует себя *гражданином*, и жизнь в буржуазном обществе, где он действует как *частное лицо*, и либо смотрит на других людей, как на средства, либо сам уничтожается до роли средства или игрушки в чужих руках". Частные интересы должны подчиняться интересам общим, ибо сыт ли человек в буржуазном государстве, или нет, должен ли он до глубокой старости изнемогать в непосильном труде за жалкое существование, остается ли у него время для удовлетворения своих ду-

*) У Семевского же сообщаются данные о принудительном переукреплении крепостных крестьян с земли на мануфактуры и о тех кровавых мерах, каких эта реформа потребовала в интересах помещика-капиталиста.

ховных потребностей, это—частное дело, эгоистический интерес каждой отдельной личности, до которых нет дела государству. „Государство может превратиться в свободное гоство („Freistaat" означает и республику), не превращая человека в человека свободного".

Для буржуазной революции достаточно поставить у власти вместо одного класса другой (1789 г.) или совместно с ним путем компромисса (1848 г.) произвести хотя бы некоторую переорганизацию власти. *Но угнетение само* осталось и лишь изменилось в форме. Прибавочный труд отнюдь не отнимается, но только принимает форму прибавочной ценности. Эксплоатация только изменилась и сделалась капиталистическою, т.-е. более интенсивною. Рабство осталось, но только в измененном виде рабства наемного рабочего.

Новая демократическая власть в политическом отношении, однако, идет дальше. Она не только распыляет своих подданных на граждан, отменяет и запрещает их прежние устарелые союзы феодального характера—вещь необходимая —они *одновременно запрещают* впредь и всякие *новые об'единения* какого бы то ни было характера и, в первую очередь, союзы рабочих. Но мы наблюдаем, как почти одновременно возникает и протест против такой тенденции снизу же в виде *двоевластия*, образующегося во время революции под названием „коммуны" и ее секций в Париже и прочих городах Франции, в которых *об'единяются* и *вооружаются* городские избиратели—в своей массе рабочиие. Уже в Великой французской революции эти „секции" играют крупнейшую роль, особенно в эпоху Конвента. В 1871 г. эти же секции делаются единственною фактическою властью в Париже под названием Парижской Коммуны.

По требованию вооруженных рабочих секций Парижской Коммуны в 1793 году французский Конвент изгнал из своей среды контр-революцию и тем до максимума поднял боевую энергию Великой французской революции, которая в течение 8 месяцев провела самые крупные завоевания революции, как то бесплатную отмену помещичьей собственности, конституцию Республики 1793 г. и т. д. Но трудовой народ ни в Конвенте ни в Коммуне еще не был достаточно сплочен, и революция окончилась его *поражением и разоружением*. А вместе с тем шла на убыль и революция, и на-

ступила контр-революция. Только одна истина осталась впредь неопровержимой: *во время революции* в центральной власти (в данном случае в Конвенте) *нет места хотя бы словесной контр-революции.*

Мы уже видели в начале, как стихийные события разединили или раздвоили созданную Великою революциею нацию, как единство, в Парижской Коммуне 1871 года. Власть попала в руки пролетариата, в конце-концов, *совершенно неожиданно* для него и случайно. Вместо того, чтобы использовать аппарат фактической власти, Центральный комитет национальной гвардии революционных секций после известного колебания устроил демократические выборы, в которых не участвовала не только та часть буржуазии, которая ушла в Версаль, но и часть находящейся на месте в Париже. Участвовавшая же в выборах буржуазия или не явилась вовсе в заседание или ушла из собрания. *Пролетариат остался один* с одною только примыкающею к нему мелкою буржуазиею. Он волею-неволею должен был *взять на себя всю власть*, и он в этой роли провел те громадные политические преобразования, которые известные под именем диктатуры пролетариата и которые так блестяще изложены в „Гражданской войне" Маркса и так ярко оценены в капитальном труде т. Ленина—„Государство и революция". Но до настоящих, крупных экономических преобразований Коммуна не дожила, если не считать конфискации церковных имуществ и имущества Тьера и реквизиции промышленных заведений сбежавших промышленников. По отношению же к крестьянам она ограничилась хотя и блестящим, но запоздалым воззванием, подписанным вдобавок не Коммуною, а именем парижских рабочих. Это малоизвестное воззвание „К крестьянам" очень эффектно заканчивается словами: „Помогите нам победить и, чтобы ни случилось, хорошо помните наши слова, ибо революции будут продолжаться в мире, пока не исполнятся наши слова. А эти слова гласят: „Землю крестьянам (дословно—землеробам)! Орудия труда рабочим! Работу всем! Парижские рабочие".

Так проблема пополнения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов депутатами крестьянскими несознательно была выдвинута уже в 1871 г. Она разрешена сознательно в 1917 г. для России, а на II С'езде Коммунистов Интернационала для всего мира...

Проходит более 35 лет после Парижской Коммуны и не повторяются революции в Европе. В 1905 г. вспыхнула революция в России и взволновала пролетариат всего мира, ибо в этой революции первая роль сразу принадлежала пролетариату. Но тогда и сама революция еще не сознавала, что она создала образ того аппарата, которым впоследствии победит пролетариат всего мира: Совет Рабочих Депутатов в Петербурге, а затем и в Москве 50 дней, с 13 окт. по 3 дек. 1905 г. существовал I Петербургский Совет, нашедший под заглавием „Истории 50 дней" своего историка в таком выдающимся участнике Советской власти в РСФСР., как т. Троцкий.

„Стачка быстро распространилась—пишет Радин (Первый Совет Рабочих Депутатов 1906 г.")—необходимо было создать для руководства более широкий и приспособленный аппарат, чем партийные организации. Результатом этой необходимости и явился Совет Рабочих Депутатов. Инициатива его создания принадлежит меньшевикам, которые всегда стояли за широкие массовые организации. Но ни они, ни мы, большевики, не предполагали, что новая организация примет такие громадные размеры и получит такое влияние на дело. *Большевики* смотрели на новое учреждение, *как ни стачечный комитет*, меньшевики, как на орган „революционного самоуправления пролетариата". На самом деле *Совет сделался больше*, чем стачечным комитетом, а, вместо рабочего самоуправления, *стал руководить всеми боевыми действиями петербургского пролетариата* в октябрьские и ноябрьские дни"...

В воззвании Учредительного собрания самого Совета задачи его формулируются словами: „Мы постановили об'единить руководство движением в руках общего рабочего комитета и предложить выбрать по одному представителю на 500 рабочих". Тов. Троцкий в своей цитированной выше статье *тогда же* писал: „Сущность Совета состояла в том, что *он был или стремился стать организацию власти...*") Совет осуществлял власть, поскольку она уже фактически была в его руках; он непосредственно *боролся за власть*,

*) Реакционеры тогда же кричали о Петербургском Совете, как о втором правительстве, более влиятельном, чем правительство Витте. Так Суворин в „Новом Времени" писал: „Я смотрю, где живые люди; я их ясно вижу у правительства незаконного, и они лишь в тумане мне видятся у правительства законного".

поскольку она оставалась в руках военно-полицейской монархии... Совет есть организация пролетариата, его цель—*борьба за революционную власть*... Совет заботился чем дальше, тем больше о распространении своего влияния на войска и крестьянство. В ноябре совет призвал рабочих активно выразить свое братство с пробуждающеюся армиею... Но он остался прежде всего Петербургским Советом Рабочих Депутатов. Необходимость Всероссийского Рабочего Сʻезда была сознана и выдвинута еще в эпоху первого Совета". Как известно, 3 декабря 1905 г. весь Совет был арестован и предан суду.

Еще дальше, чем в Петербурге, революция 1905 г. развилась в Латвии, но в Риге не образовался Сов. Раб. Деп., ибо там были столь *авторитетные органы* власти, как *Рижский Федеративный Комитет* (Лат., русск. и евр. с. д.), а в Латвийских размерах *ЦК. Лат. с.-д. р. партии*, которые вполне *заменили партийное рабочее правительство* и представляли собою действительно *фактическую* и при том вооруженную власть *рабочих и крестьян.*

В Москве Совет Раб. Депутатов образовался лишь во II половине ноября, и накануне вооруженного восстания, 7-го декабря вышел первый № его „Известий". И этот Совет являлся организациею массовою, ибо на первом его заседании 22|XI, уже были представлены 80.000 человек в лице 180 депутатов; впоследствии было 134 зав.—на свыше 100.000 раб. Об'являя 7 дек. в 12 час. всеобщую политическую забастовку, *Моск. Совет Рабочих Депутатов прибавил в своем постановлении:* „и *стремиться перевести ее в вооруженное восстание*". Московскому Совету не суждено было стать органом власти; московское вооруженное восстание было подавлено...

Если бы кто-либо, заснув в декабре 1905 года в вагоне Никол. ж. д. в Москве, накануне подавления декабрьского восстания, когда уже часть революционеров-большевиков была арестована, а войска все еще не выходили из казарм, куда их запрятали, и проснулся бы в Петербурге лишь 27 февраля 1917 года, когда петербургские войска уже вышли из казарм и победили в тот момент, когда все большевики сидели в тюрьме (или находились в ссылке)—ему показалось бы, что он проспал всего одну ночь. С такою математическою точностью революции 1917 г. начала

как раз с того места, где она была остановлена в 1905 г. В действительности эта была бесконечная, кошмарная ночь контр-революционных ужасов. А утро началось с тех же Советов, на которых „вчера“ остановилась революция 1905 г., только на этот раз уже Советов не одних рабочих, но и *вооруженных* рабочих и *крестьян*, т. е. солдат. То, о чем спорили в 1905 г., а именно о роли Советов, как *органов власти*, здесь было сразу на лицо. Петербургский, а вскоре за ним и Московский Советы стали *фактическими органами всей власти*, при чем первый из них органом центральной власти. Они были тою властью, из рук которой *Временное Правительство получило свои полномочия.*

Как, однако, случилось, что, несмотря на победу в революции левого ее крыла, *революция все-таки шла через коалицию с буржуазией.* Отчасти, конечно, это об'ясняется тем, что буржуазия была сразу лучше организована, чем в значительной степени разгромленная партия большевиков.

Кн. Львов, стоя во главе земского и городского союзов, созданных мировою войною, имел в своем распоряжении готовый большой административный аппарат и ему достаточно было разослать телеграммы на места, что губернаторы и исправники сменяются и их места занимают, под названием комиссаров, председатели земств и городские головы, а вместо прокуроров и председателей судов достаточно было назначить присяжных поверенных. Никакая другая организация подобного готового аппарата сразу не имела.

И все-таки история могла итти и иным путем. Для всякого очевидца первых дней революции ясно, что первый Исп. Ком. Пет. Совета был-бы большевистским при сколько нибудь нормальных выборах, ибо первый И. К. был избран более или менее случайною группою, собравшейся вечером 27 февраля в Гос. Думе. А на другой день требование перевыборов было отвергнуто ссылкою на неимение времени. Только вмешательство солдатских организаций привело к приказу № 1 и вместе с тем более радикальному поведению И. К. в переговорах с кадетами. А декларация по поводу правительства и его поддержки все-таки не прошла бы в этом Совете, если бы Чхеидзе не изобрел знаменитой формулы поддержки Времен. Правительства: „постольку, поскольку“. А затем, когда Петр. Совет полевел, на его место выдвинули Всеросс. Совещание, а за

тем С'езд с представителями армии, потом всякие демократические совещания, предпарламенты и прочие способы изменены, коими соц.-предатели пытались спасти власть буржуазии.

„Ясно для всех, что залог окончательной победы русской революции—в упрочении союза революционного рабочего с революционным солдатом. Органами этого союза и являются Советы Раб. и Солд. Депутатов... Укрепить эти Советы, сделать их повсеместными, связывать их между собою во главе с Центр. Сов. Раб. и Солд. Депутатов, как органом *революционной власти народа*,—вот в каком направлении должны работать революционные с.-д-ты". Так писал т. Сталин в „Правде" от 14/III—1917 г., а через 7 дней печаталось первое письмо т. Ленина, где он называет Совет Раб. и Солд. Депутатов уже „новым, неофициальным, неразвитым, еще сравнительно слабым *рабочим правительством*".

Я сейчас не могу установить, когда впервые появился лозунг „всей власти Советам" в своей первоначальной форме. В Петроградском Совете наши товарищи заявили о власти Петр. Совета, и доходило даже до требования ставить этот вопрос на голосание, дипломатично отклоняемого меньшевистским президиумом. Но во всяком случае лозунга *Советской власти*, как революции пролетарской, у нас не было до приезда т. Ленина из эмиграции, до его знаменитых тезисов 4-го апреля 1917 г., прямо напрашивающихся на сравнение с знаменитыми тезисами Мартина Лютера в 1517 г. Тов. Ленин нам впервые прямо сказал по существу, что несколько иными словами выразил Маркс в 1871 г.: „Вы хотите знать, что такое Советы? Взгляните на Парижскую Коммуну".

Эта правда пред нашими глазами открылась лишь в тезисах 4-го апреля. Поэтому мы с полным правом должны считать *начало пролетарской революции* в России, так сказать *переломом* в революции, с 4-го апреля 1917 г.

Я не знаю другой революции, которая открылась бы такою блестящею феериею, как Российская Октябрьская. 3/16 апреля, когда газеты не выходили и заводы не работали, а на Неве был ледоход, в 3 часа дня Петр. Ком. Партии оповестил районы, что к полночи на Финляндском вокзале прибудет тов. Ленин. Узнали и кронштадтцы об этом, и вечером, несмотря на ледоход, на Финлянд.

вокзале стояло шпалерами 3000 революционных матросов Кронштадта. Вокзал был битком набит народом и приехавшего одновременно „социалистического“ министра Вандервельде пришлось незаметно вывести с вокзала черным ходом, а дорогого Ильича подняли на руки и понесли к вокзалу. На площади перед вокзалом несметная толпа рабочих и солдат. С броневого автомобиля, вместо трибуны, т. Ленин говорит на волшебно освещенной „красным“ военным рефлектором площади свою первую речь пролетарской революции в России.

На другой день по инициативе Гольденберга и др. было созвано „об'единительное“ собрание большевиков и в подавляющем большенстве меньшивиков, с'ехавшихся на первое Всеросс. Совещание Сов. Раб. и Солд. Депутатов. И здесь по настоянию товарищей тов. Ленин не хотя повторил свои тезисы о задачах пролетариата в данной революции. Я не помню более бурного заседания; под свистки и выкрики соц.-предателей, под оглушительные аплодисменты революционеров т. Ленин впервые превозгласил: „Раз'ясните массам что Сов. Раб. Деп. есть *единственная возможная* форма революционного правительства“. „Первый этап революции пройден“. „Не парламентарная республика — возвращение к ней от Сов. Раб. Деп. было бы шагом назад—а республика Советов Раб., Батр. и Крестьян. Деп. во всей стране, снизу до верху“. „*Требование Государства Коммуны*, т. е. *такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна*“.

Советы Рабочих Депутатов — это Парижская Коммуна! Такова квинт-эссенция всей речи т. Ленина. Меньшевики с Плехановым ее назвали „бредовою“, твердо убежденным большевикам она показалась вдохновением: неуверенных она оттолкнула из рядов революции или посеяла в сердцах их „смуту“. Но всем нам она открыла глаза на такую простую шараду: Советы—это Коммуна! Да здравствует Российская Коммуна—т. е. всю власть Советам!

Впервые Российский пролетариат откровенно услышал лозунг II этапа революции.

Но после такого блестящего об'явления второго этапа, Российская Проллетарская революция была и наиболее организованно проведенная революция в истории. Прямое подражение Коммуне 1871 г., она была прямою противо-

положностью 1871 году в смысле организованного и сознательного ее проведения. В своей блестящей, как всегда, заметке т. Троцкий в № 6 „Ком. Интерн.“ пишет: „Октябрьское восстание было, так сказать, заранее назначено на определенное число, на 25 октября, назначено не на тайном собрании, а открыто, всенародно—и произошло это победоносное восстание в день 25 октября 1917 года, как было намечено“...

Как известно, 25 октября 1917 года, победили Советы, и II Всеросс. С'езд Советов мог ограничиться краткою телеграммою всем Губ. и Уезд. Сов. Раб., Солдат. и Крестьян. Депутатов: „Вся власть отныне принадлежит Советам.*) Комиссары Временного Правительства отстраняются. Председатели Советов сносятся непосредственно с Революционным Правительством“. В Советах большинство всюду было уже за большевиками. Но если телеграмма Времен. Правит. Львова означала только замену одного класса угнетателей другим или, вернее, компромисс двух классов угнетателей, то эта телеграмма означала замену власти класса угнетателей властью класса угнетенного.

Мне не хотелось бы ослабить картину победы „советской формы“ революции, этой научной системы пролетарской революции, перечнем дальнейших фактов советских революций. Были ли это, хотя и кратковременные, победы революци или это были лишь неудавшиеся и скоро разбитые вспышки — все они, без исключения, проходят по пути советов. Но эта „научная система“ революции выработала и свою определенную формулу, как условие прочной

---

*) Перелистывая уйму всякой ученой литературы буржуазной юриспруденции я, привлеченный более ученым названием „К учению об осуществлении права“, просмотрел и малоценную работу проф. Гредескула. Я не знаю когда он более чутко переживал ужасы „ухода“ буржуазной власти, в октябре 1917 г. или мысленно в 1900 г., когда он писал следующие строчки: „Представте себе исчезновение правительства. Уничтожение права ознаменовало бы собою уничтожение всех учреждений как государственного союза, так и общества, т. к. составляющие их чиновники потеряли бы все определяющие моменты для своей деятельности, они лишились бы своих полномочий, освободились бы от своих обязанностей, наконец, *перестали бы получать* присвоенные им *оклады*, т. е. *потеряли бы всякий личный интерес к продолжению этой деятельности*“. Предсказание сбылось. Чиновники пошли даже дальше и об'явили забастовку т. е. сами отказались от своего единственного интереса. Но к его чести будь сказано, одним из первых обратно путь к этому интересу нашел сам проф. Гредескул.

победы: во главе сознательно, централизованное руководство авангарда пролетариата, Коммунистической Партии, распространяющей свое влияние чрез проф. союзы на рабочие массы, а через советы на весь широкий трудовой народ, включая и крестьянство. Ибо советы являются ни чем иным, как *рабочею демократиею*, в противоположность демократии „*чистой*" или *буржуазной*. Парламентский режим—это правительство класса имущих; советский строй—это правительство *неимущего* класса. Пройдя всю историю буржуазного строя, человечество переходит к синтезу своего развития: то разъединение человека, которое совершила французская революция, исчезает и это достижимо единственно при условии *советской системы организации всего общества*. Иной формулы история нам пока не дала.

3. Федерации или Союзы государства и Союзные государства.

Вопрос об об'единениях государств является вопросом сравнительно новым в науке государственного права. И неудивительно, что и по этому вопросу „не имеется общепринятой теории союзного государства и даже нет господствующего взгляда" (проф. Жилин), но как раз на нем мы должны остановится, ибо это в значительной степени вопрос международного права, имеющий чисто-практическое значение и для Советской России в ее сношениях с буржуазными государствами.

РСФСР имее в своем составе более 25 независимых союзных республик, автономных областей, трудовых каммун и т. д. (мы их рассмотрим подробнее ниже), и условия связи их с РСФСР весьма различны. Нелегко к ним применять терминологию и теории буржуазной науки государственного права. Проф. Корф в своей работе об „автономных колониях Великобритании" (1914 г.) тщетно пытался найти удовлетворительное юридическое решение относительно этих, не менее сложных отношений чистобуржуазного мира.

Мне кажется, основная ошибка буржуазных ученных в данном случае в том и заключалась, что они искали решения теории об'единения государств только в *юриспруденции* с прибавлением туда еще разве *немного политики*. А между тем политика, как буржуазная наука, совсем еще не

существует и рассматривается лишь как „искусство". А право, применительно к международственным отношениям, пока в значительной степени относится к области фикций или, если хотите, к социологии. Но есть точка зрения, при помощи которой мы можем внести некоторый свет в сущность и характер этих отношений: это—политическая экономия или экономическая политика.

Я в своей работе о праве уже указал, что первоначальные взаимоотношения людей сводились к отношениям общины к общине, рода к роду и т. д., и что на этой ступени развития эти отношения имели характер как бы сношений международных. Эти отношения соответствовали тогдашнему состоянию экономического развития. Следующий характерный тип междугосударственных сношений или длительных об'единений, было более или менее тесное сближение феодальных ячеек, волостных государств, сначала между собою, а затем, или же сразу, под верховною властью высшего феодала (сюзерена) в роде *вассального государства или государства государств*. Наконец, мы имеем пред собой целый ряд образовавшихся в буржуазном мире об'единений государств, альянсов, антант, союзов государств и союзных государств. Буржуазный ученый, даже наиболее современный, берет эти различные виды государственных об'единений всех исторических и даже доисторических эпох и ищет в них общих признаков, пытается свести их всех к единой абстрактной формуле *) совершенно так же, как мы это видели на примере социологов относительно обстрактного понятия общества вообще. Такая работа бесплотна и ничего дать не может, кроме более или менее удачных, остроумных, даже блестящих формул без всякого содержания.

Если мы государство могли рассматривать с точки зрения класса и *классового интереса*, классового господства, то во взаимоотношениях государств, пока классовая борьба не приняла определенно международного характера, этой мерки недостаточно. Но мы знаем, что в основе образования класса лежит хозяйство, роль в производстве, распределение элементов производства. Экономика сама

*) См., например, определение Г. Еллинека: „Под государственным соединением *в широком значении этого слова* следует понимать всякое основанное на правовом титуле, длящееся отношение между двумя или несколькими государствами". („Общее учение о государстве"—стр. 506).

должна указать и путь для верной оценки и классификации взаимоотношений государств. Я должен тут же сделать оговорку, что на этой теоретической работе мы здесь долго останавливаться не намерены, считая такую работу здесь практически бесцельною или выходящую за пределы предмета моей работы. Но мы для практических целей должны, хотя бы вкратце, ознакомиться и с буржуазною теориею о *союзах государств* и *союзных государствах*, ибо при заключении любого мира или соглашения с буржуазным государством, мы должны дать практический и реальный ответ о характере нашей Республики и ее составных частей, с точки зрения буржуазной. Является ли наша федерация союзом государств или союзным государством — этот вопрос, имеющий значение чисто практическое и для нас.

Теоретически об'единение современных государств должно об'ясняться из экономических условий, но, конечно, не без оговорок. Мы уже указали, какую особую роль играет традиция, история—как раз в жизни нации и государства. Найти государство чисто современного типа и без примеси истории, мы можем разве только в бывших колониях, государствах Нового Света. Играют роль и привходящие моменты, экономическая сущность которых нам неясна или спорна и т. д. Но, если мы, напр., знаем, что феодальное государство характеризуется данью в самом широком смысле слова, то то же самое мы может сказать и про об'единения вассальных государств.

Дань—это основа „государства государств" в начале его существования. Если же буржуазное государство характеризует капиталистическая прибыль и ее охрана, то ясно, что и об'единения государств этой эпохи должны нести тот же отпечаток, т.-е. стремление ко всем более широким, централизованным об'единениям.

Империализм, как последняя стадия капитализма, характеризуется стремлением к вовлечению в сферу своего влияния, а, в конце концов, и к полному завоеванию всего или, по крайней мере, части всего мира. Эта цель осуществляется в союзном колониальном государстве или в виде фиктивной самостоятельности на словах, а порабощения на деле. Такова цель империалистически-финансового капитала и его государства. Остатки дворянско-феодального строя, правда тянут назад к союзу самостоятель-

ных государств. Так в Германии ход развития государственной власти, по направлению от дворянско-юнкерского к чисто буржуазно-капиталистическому режиму и наоборот, заставил еще до войны такие научные светила государственного права, как покойного Еллинека и Лабанда коренным образом менять свой научный взгляд на государственную сущность Германского союза. „И логика подчиняется интересу", говорил еще проф. Иеринг, в данном случае, конечно, интересу классовому.

Возьмем для освещения буржуазной теории об'единений государств такой авторитет, как проф. Еллинека, им и ограничиваясь. Еллинек группирует все государственные об'единения, какие только известны в истории и современности, на классы. Он оставляет в стороне всякие временные, договорные соглашения, как альянсы и т. д., и подробнее останавливается на разных длительных их об'единениях правового характера. Он различает:

1. Основанную на *международноправовых отношениях зависимость* одного государства от другого (протекторат).

2. Государство *сюзеренное и вассальное*, остаток феодального государственного строя (государство государств, Staatcustaat).

3. *Монархические соединения* государств:

а) Личную унию, непреднамеренное или случайное единство монарха,—это Еллинек считает мнимым об'единением.

б) Реальную унию—преднамеренный, т-е. основанный на соглашении, длительный союз двух или нескольких государств, имеющих общего монарха. После распадения австро-венгерской унии—эта форма принадлежит истории.

4. Союз государств и

5. Союзное государство.

В сущности, только различаем между этими последними формами об'единения занимаются как Еллинек, так и все прочие ученые, останавливающиеся на вопросе об об'единении современных государств.

Союз государств, по определнию Еллинека, это—постоянное, основанное на соглашении соединение двух или нескольких *независимых* государств с целью внешней защиты союзников и охраны внутреннего порядка между союзными государствами. Тут нет единой суверенной власти, а суверенитет принадлежит каждому отдельному государ-

ству союза. В действительности такого об'единения государств сейчас не существует.

Союзное государство—это государство, в котором единая центральная *суверенная* государственная власть распределяет функции своего властвования таким образом, что сама осуществляет непосредственно лишь известную часть их, а остальную часть, как в отношении установления норм их определяющих, так и в отношении их проведения в жизнь, передает в самостоятельное, бесконтрольное заведывание *несуверенным* государствам—членам союза, создаваемым союзной конституциею и обязанным действовать с соблюдением границ, установленных этой конституциею. Три основных начала служат признаком союзного государства по этому определению Еллинека: 1) суверенная центральная власть, 2) непосредственное подчинение всего населения этой власти в известных, определенных конституцией отношениях и 3) существование государств—членов союза. Безразлична форма союзного государства, распределение задач между союзом и членами и даже союзная власть, т. е. непременное участие в ней государств—членов. Это участие может быть равное или неравное и его может не быть вовсе. Основою союзного государства является конституция, как закон, а то, что оно возникло на основании договора, не имеет значения для его юридической оценки. „Как во время революции, когда прежняя власть уничтожается—говорит Еллинек—новое государственное устройство вырабатывается особым временным правительством или народным собранием, так и при союзном государстве эту роль играет выработанная союзная конституция, а не предыдущие ей акты. Этот акт народный, национальный; народ чувствует себя единым и стремится к созданию единой политической формы жизни".

Это весьма сложное определение, которое я здесь привел, однако, не выдержало критики, и сам автор в значительной степени от него отказался. Как австрийские теоретики национального вопроса переносят в теорию лишь реальные отношения Австрии, так и германские государствоведы все свои определения строят на отношениях Германского союза, который по ходу исторического развития надо было определить то в сторону союза государств с подчеркиванием суверенности его отдельных государей и государств, то союзного государства с отрицанием или

ограничением этих прав отдельных государств и признанием перевеса Пруссии и ее короля, как и императора германского. Для этого создавали фикцию ограниченной суверенности отдельных государств и т. д.

С одной стороны, для всякого ясно, что германская республика—империя, как централизованное капиталистическое государство—имеет безусловно суверенную государственную власть. Значит, пред нами унитарное, единое государство. Но как этот факт соединить с фактом отдельных государств со своими „государями", а ныне президентами, парламентами и т. д. С одной стороны,—рейхстаг, выбираемый прямым избирательным правом всего населения республики, а рядом—союзный совет, как федеративная власть, только с весьма неравным представительством. Проф. Лабанд так и заявляет, что „в Германии союзный строй построен из двух этажей". И на этом ненормальном государстве переходного периода хотели строить общечеловеческую теорию, что является явным абсурдом. Ибо, если конституция, а не договор определяет соотношения государств, если союзное законодательство само определяет, что подлежит ведению союзного правительства (т. наз. Kompetenz-kompetenz—право определить свою компетенцию, подведомственность), то чем отличаются союзные государства от обыкновенного государства? Чем союзное государство отличается от других союзов вообще? И находятся ученые, отрицающие вообще это различие. Другие же находят, что в одном случае права членов союза это есть—*собственные* права, тогда как в провинции, самоуправлении—эта власть только *делегирована* центром, т. е. право чужое. Сам Еллинек должен признать, что положение привиллегированных провинций походит на положение небольшого государства. Но вполне резонно спрашивает Корф (в цит. выше работе): „Можно ли утверждать, что Аппенцель-иннер-Роден или какая-нибудь Оклогама—государство, а Канада и Австралия (и прибавим, ныне Ирландия) провинции. Градации между провинциею и самостоятельным государством в наши дни имеет десятки ступеней".

Остается признать, что всякие союзы являются только переходною стадиею к *единому* государству, и что близость от этого состояния вопрос лишь количества, а не качества. А что определяет приближение к этой цели или

удаление от нее (напр., отделение)? Политическая экономия! Если мы видели, что государство является гранью для той системы общественных отношений, которую мы называем правом, то эти общественные отношения, расширение или сужение их системы,—определяют судьбу подобного рода сближения и самый характер государственных объединений. В буржуазном обществе это движение задерживается всякими традициями и иными соображениями подобного характера, лишь с победою пролетариата—экономические соображения должны сказать свое решающее слово.

Вполне естественно, что мы, рассматривая вопрос о федерации, также исходим из того фактического материала, какой представляет нам наша российская действительность. Что наше государство—федеративное, об этом свидетельствует его название. Но мы в постановлениях партийных съездов и конгрессов III Интернационала подчеркиваем, что мы федерацию считаем не *целью, а средством для сближения и окончательного слияния отдельных самоопределившихся частей федерации*. Но это должно быть добровольное, не принудительное слияние. Наш строй покоится на объединении Советов, как власти на местах, т. е. на *объединении более или менее автономных частей Республики*, на так называемом *демократическом централизме*.

Наша декларативная часть конституции объявляет, что она предоставляет рабочим и крестьянам каждой нации на своем собственном полномочном Советском съезде определить, желают ли они и *на каких основаниях* участвовать в *федеративном правительстве* и *в остальных федеральных* Советских учреждениях. Значит, наша конституция подробности прав отдельных частей федерации предоставляет определить по особому *местному акту соглашения*. Этот акт соглашения и должен определить вопрос о *суверенности* данной части (напр., Украины, Дальне-Восточной Республики, Туркестана и т. д.), т. е. о праве ее вступить в сношения с иностранными державами, а равно по отношению к центральному правительству. Тут никакая правовая теория не поможет внести ясности. Но слова 11 ст. конституции, предоставляющей образовать новые автономные областные союзы, отличающиеся *особым бытом* и *национальным* составом, указывают, как на решающий момент подобного деления, на экономику и ступень развития.

Нет сомнения, что этот момент играет роль во всяком об'единении и буржуазных государств, ибо экономика определяет и характер союза.

Буржуазные ученые (напр., Еллинек) высказывали предположение, что в союзе государств, каковым они признавали Германию, отдельные части могут и разорвать союз. Для нас, признающих право самоопределение, т. е. по отношению к советским государствам—по советскому способу самоопределения через особый учредительный с'езд советов, этот вопрос и юридически ясен. Не так в буржуазном мире, и сомнения германских ученых Бисмарк в своих мемуарах опровергает следующими ироническими словами: „Положение, что никто не может принять на себя обязательств свыше сил, не может быть отменено никаким договором, точно так же нельзя установить договором ту меру серьезности (Ernst) и умения, с которой договор будет исполнен, как только *собственный интерес* исполняющего перестанет соответствовать писанному тексту и его прежнему толкованию". Значит, вопрос не в праве, а в силе.

Это то же самое, что сказал Иеринг словами: „И логика подчиняется интересу". Разница только в одном: в капиталистическом обществе в основе каждого союза лежит классовая *сила* и только в пролетарском союзе может существовать *единство по добровольному самоопределению* трудящихся масс.

О нашем федеральном строе нам придется говорить в дальнейшем еще неоднократно. Здесь мы должны ограничиться заключением, что, по нашему мнению, вопрос суверенности в международном праве есть вопрос не права, а силы и факта. Какие части союзного государства признаются суверенными, зависит от роли Советской России в „международном концерте". Это был признак слабости Советской власти, когда отдельные государства, например, Украина, должна была против своего желания говорить, как суверенное государство, или когда Англия Мурманск, Архангельск или Баку признала „независимыми государствами", имеющими „суверенное" право продать себя в рабство. Напротив, это безусловно признак мощи, если РСФСР посылает единую делегацию от всей федерации (включая и Украину и т. д.) в Геную.

V. КОНСТИТУЦИИ И ДЕКЛАРАЦИИ.

1. Буржуазная и Советская конституции.

„Я начинаю свою лекцию вопросом: что такое конституция? Каждый человек в нынешние времена с утра до вечера говорит о конституции. Во всех газетах, во всех ресторанах, во всех гостиных без передышки говорят о конституции. И все-таки, если я серьезно поставлю вопрос: „что такое конституция“, то я боюсь, что из числа произносящих это слово лишь немногие будут в состоянии дать удовлетворительный ответ“.

Эти слова Лассаля весьма подходящи для нынешних времен, когда слово „конституция“ произносится не только на улицах великого Берлина, но и 30 мелких Берлинов, не только в крупных столицах, как Берлин, Вена, Будапешт, Варшава, но и в столицах карликовых размеров, как Данциг, Ковно, Рига, Ревель и т. д. и т. д. И я боюсь, что и к ним относятся в значительной степени слова Лассаля, сказанные им в 1862 г., несмотря на то, что все эти города в той или иной форме пережили революцию и свои учредилки и учредилочки, в которых участвовал сам обыватель, если не как депутат, то, по крайней мере, в качестве избирателя.

„Так вот в чем революция! В подаче избирательной записки“. Так можно было бы переделать слова уже из „Песни о соколе“, в применении к этому обывателю, за ночь сделавшемуся гражданином или даже г. гражданином. Но ответ на вопрос Лассаля мало кто даст настоящим образом, несмотря на то, что Лассаль этот ответ дал, по крайней мере, отчасти, и не взирая на то, что во всех этих местах люди переживали революции. И только в России, где три последовательных революции привели впервые к Советской конституции, вопрос был поставлен ребром и получен ответ, идущий далеко за пределы России. Ибо теперь вопрос ставится уже не о конституции вообще, но о буржуазной или Советской конституции.

Конституция, говорят нам, это—основной закон государства. Но это не ответ. И вдобавок этот основной закон или закон законов является обыкновенным законом *противозаконным*, если он впервые появился в результате революции, а местами считался даже синонимом революции.

В то время, как „основные законы" существовали и в царской России, за произнесение слова „конституция" попадали в тюрьму и в ссылку. „Хотя бы куцую, но конституцию", пел в своем кабинете либерал эпохи Лорис-Меликова (1880 г.).

Лассаль определяет конституцию, как „реальное соотношение сил" в данном обществе, и определение, данное им, конечно, не без влияния учения Маркса, в Германии начала 60-ых годов было словом смелым *) и более научным, чем прежние определения. Но оно страдает одним общим недостатком, что в нем не подчеркнут классовой момент. Ведь, эти реальные соотношения—не что иное, как классовая борьба общественных сил. А, следовательно, конституция является выразительницею классовых отношений власти данного общества. Тогда становится ясным для нас, почему в государстве, в котором не допускается упоминание классовой борьбы, естественно не допускаются слово и понятие „конституция". Так-же, как феодальный строй не допускал законов в пользу угнетенных, законов, являющихся по существу незаконными, как противоречащих *„основному закону"* беспредельного кулачного права или *беззакония.*

Что конституция является результатом борьбы и что письменная форма как раз указывает на этот характер конституции, сознает и буржуазная наука. Так, проф. Еллинек по этому поводу говорит: „Идея писанной конституции основана на возникающем только в дуалистических государствах представлении о *письменном закреплении прав* одной стороны другою; она является своего рода *мирным договором*, которому *предшествовала продолжительная* борьба. Правда, эти исторические условия возникновения письменных конституций в настоящее время уже не сознаются в каждом отдельном случае". Но Еллинек и его коллеги тут видят только „борьбу между монархом и народом", они не замечают борьбы классовой. Они беспомощно останавливаются пред антагонизмом писанной и неписанной или реальной конституции и либо отрицают таковое противоречие, либо усматривают в нем лишь случайное

*) В той же речи 1862 г. Лассаль, например, говорит: „Отобрать оружие у побежденного является основною задачею победителя, если он хочет, чтобы борьба не начиналась ежеминутно вновь".

явление. А между тем это противоречие является самым характерным явлением всего буржуазного общества.

Если мы определили государство вообще, как классовую организацию общества или организацию власти господствующего класса, то *государство конституционное* является особою высоко развитую организациею господствующего класса. Так, напр., в феодальном строе класс (или сословие) дворян господствовал фактически, реально, но он не имел никакой конституции и даже в революционные времена Англии Кромвелю не удалось провести писанную конституцию. Король исполнял желания господствующего сословия или господствующих сословий, под видом которых тогда скрывались классы имущих, но еше не было конституции. Что это означает? Это означает, что *участие класса в государстве* было слабо организовано или *не было вовсе организовано сознательно.* Конституция появляется там, где это участие в господстве того или иного класса *сознательно организовано*, или, так как об *организации в собственном смысле слова* можно говорить только при *организованности сознательной*, то *конституция есть выражение организованного участия господствующего класса в господстве, т. е. в государственной власти.* Мы тогда поймем, почему, хотя при самодержавии царя в России, или при абсолютизме в Западной Европе и участвовали в господстве монарха имущие классы, там не было конституции, ибо это участие не имело еще организованной формы. *Конституция*, как результат классовой борьбы, это — *организация участия господствующего класса во власти.* А высший тип развития такой организации в буржуазном обществе, это — *парламентарная республика*, организация чистого господства буржуазии,— „чистая демократия".

В своей погоне за абстракциею и при отрицании классовой точки зрения даже наиболее добросовестные представители буржуазной науки не идут дальше пустых формул. Так, проф. Градовский, знаменитость восьмидесятых годов прошлого столетия, пишет: „В демократии конституционной отличительным признаком является *способ и форма осуществления* принадлежащих *народу верховных прав*", а в конституционной монархии — „те *условия, в которых действует государственная власть* (народное представительство совместно с монархом), определяют су-

щество конституционализма". А дальше он уже основное отличие усматривает в *самоограничении* государственной власти, что очень плохо вяжется с описанною им же реальною борьбою, закончившеюся принудительным договором, т.-е. конституциею, установившую роль того и другого класса в государственной власти.

В Англии нет вовсе писанной конституции, и известны слова Пальмерстона в ответ ссылающимся на английскую конституцию: „Я готов дать хорошую награду тому, кто принесет мне экземпляр английской конституции". Но и это не спасает Англию от того же лицемерия. Так, англичане (напр., Блекстон—комментатор конституции 1765 г.) охотно ссылаются на сильную власть, которая должна быть концентрирована в личности короля, как в Англии. А ему отвечает Дайси („Основы госуд. права", 1907 г.): в этой характеристике „есть только один недостаток: все, что в ней говорится, прямо противоположно истине. Исполнительная власть в Англии находится в действительности в руках учреждения, называемого кабинетом, а лицо, держащее эту власть, это первый министр".

Тот же комментатор Блекстон говорит о всемогуществе, о деспотической власти парламента, а прочтите, что пишет про этот старый парламент Ф. Энгельс в 1844 г. (Schriften der Frühzeit, стр. 285 и сл.): „В действительности нижняя палата делает законы и управляет страною чрез министров, составляющих лишь ее комиссию.. но старая нижняя палата была не что иное, как закрытая, *независимая от народа средневековая корпорация*, которая... сама, 1794 г. в лице своего комитета, отрицала, что она является собранием представителей и Англия представительным государством (см. доклад о Лондонских революционных сообществах, 1794)". Энгельс там же описывает, как лорды назначали представителей от деревни в парламент или подкупом получали представительство от городов.

Но если и здесь в стране неписанной конституции, существует такое разноречие между воображаемою и реальною конституциею, то писанная конституция в прочих буржуазных государствах это — клочек бумаги и ничто больше. И как бы не изменялась *реальная* конституция *писанная* конституция там остается неизменною. *Незыблемость* конституции, как основного закона, „закона поста-

вленного над всеми факторами власти... в области законодательства, суда и управления" (Градовский), это—догма буржуазного политического мира. „Существенный правовый признак конституционных законов заключается исключительно в их квалифицированных формах законной силы" (Лаванд). Выражаясь более современно: незыблемость завоеваний (буржуазной, разумеется) революции! Поэтому запрещается пересмотр конституции *) или обставляется особыми затруднениями (особое Учредительное собрание, 3/4 или 2/3 голосов, неоднократное голосование, в Швейцарии—даже референдум). Но даже умеренный буржуазный ученый Еллинек о таких политических гарантиях говорит: „Против потока мировой истории нельзя создать прочных плотин; он унесет бесследно такое сотворение рук человеческих. Политические гарантии—в реальном соотношении сил организованных государственных факторов" (стр. 583). Но что же здесь разумеется под „организованными факторами"? Те же король и народ (т. е. парламент), а не класс.

До сих пор нигде в буржуазном мире недостигнута по силе революционности, французская конституция 1793 г., единственный недостаток которой заключается в том, что она никогда не была приведена в исполнение в виду победы контр-революции. И эта конституция с воодушевлением революционного под'ема была составлена в *шесть* дней (ее автор, член пяти-членной комисси Эро де Сешел—Herault de Sechelles), а принята в Конвенте в 13 дней (с 11 по 24 июня 1793 г.). **) Это был лозунг демократии, искреннно проведенный в жизнь. Она, конечно, не была свободна от излюбленной тогда революционной фразеологии. Она, конечно, оставалась верною буржуазной революции, но без всякого лицемерия. И когда она писала в ст. 120:

---

*) По дополнению к конституции III Республики от 14 августа 1884 г. во Франции вопрос об отмене республиканской формы правления не может быть вовсе предметом предложений о пересмотре.

**) Эта быстрота и решительность в осуществлении назревших задач революции характеризует Конвент лишь после удаления жирондистов. Вначале на решительные шаги Конвент побудила лишь „улица". Так в первом заседании (21 сентября 1792 года) Конвент декретирует лишь отмену королевской власти. В вечернем заседании Конвент узнает, что народ на улице кричал: „да здравствует республика", и лишь на другой день, 22 сентября, Конвент декретирует первый год французской республики.

„Он, т.-е. французский народ, дает убежище иностранцам, изгнанным из своего отечества ради дела свободы; он отказывает в этом тиранам",—то это не было только красивым жестом. Конституция 1793 г. голосовалась Конвентом во Франции, окруженной со всех сторон неприятелем, и там искренно прозвучал ответ Базара на иронический вопрос: Разве вы заключили договор с победою?"—„Мы заключили договор со смертью".

Когда для Франции наступил серьезный час внешних угроз, автор этой конституции в заседании 10 августа 1793 г. с полным правом мог произнести горячие слава: „Год тому назад наша территория была занята чужестранцами; мы об'явили республику и оказались победителями, Теперь, когда мы устанавливаем конституцию во Франции, Европа нападает на нас со всех сторон. Поклянемся защищать конституцию до самой смерти. Республика бессмертна". Всем известно, что момент принятия Советской конституции в России представлял много общего с тогдашнею Францией. Но первая буржуазная республика во Франции погибла, Российская Советская же Республика существует и здравствует.

Все остальные писанные конституции оказались прочнее и более незыблемыми, чем французская. Но эта прочность и незыблемость достигается на счет ее реальности. И слова Маркса „Пруская конституция осталась только клочком бумаги" относятся и ко всем прочим.

Много говорилось о чрезвычайно быстром ходе Российской буржуазной революции в 1917 г. Мы, напротив, уже указали на чрезвычайно медленный и длительный ход буржуазной революции в России, если считать ее хотя бы со времени восстания декабристов. Но победа буржуазии была действительно не особенно долговечна и до настоящей буржуазной конституции она и не дожила. Булыгинскую думу „разогнала" революция 1905 г. до ее осуществления. Манифест 17 октября 1905 г. „даровал" лишь обещания конституции, отмечая вкратце ее принципы: „Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце Наше... *Повелеваем надлежащим властям принять меры*... Мы *признали необходимым об'единить деятельность* высшего правительства. На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной

Нашей воли: 1) Даровать населению основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Госуд. Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности соответственно краткости остающегося до созыва Думы срока, все классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начал общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое право, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Госуд. Думы, и „чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью поставленных от нас властей"... Подпись (Николай II) *). Таковы были обещания. Но „основные законы" и „органические законы" 1906 г. не ввели конституционного строя, и Готский альманах (календарь) и впредь характеризовал государственный строй России лишь как „конституционный строй с самодержавным царем во главе". Этот взгляд вскоре усвоил и сам царь и разогнал I Думу и совершил поворот назад. Февральская революция 1917 г. сразу сделала фактически Россию самым свободным демократическим государством, но Временное Правительство, получившее свою власть от Петербургск. Совета, начало со лжи, и все его существование—было одна сплошная ложь.

Если судить по одному оффициальному Собранию Узаконений, то получается следующая картина: 2 марта 1917 г. в 15 час. в г. Пскове подписал Николай документ, в котором

---

*) Обращая внимание на одновременное распоряжение о „принятии мер", мы все-таки должны сказать, что сам царь и его советники, повидимому, в этот момент считали „ограниченность монарха" делом окончательно решенным. Просматривая дневник Николая II, мы под 17 октября 1905 г. читаем: «Завтракали с Николашею. Сидели, разговаривали, ожидали приезда Витте. Подписал Манифест в 5 час. После такого тяжелого дня голова сделалась тяжелою и мысли стали путаться. Господи помоги, спаси и умири Россию». *18 октября*: „Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито. Утро было солнечное и радостное, хорошее предзнаменование"...

Зато годом позже мы читаем—17 октября 1906 г.: „Годовщина дня крушения и мучительных часов прошлого года. *Слава Богу, что оно уже пережито.* День стоял отличный, солнечный..."

он об'явил: „признали *Мы* за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, мы передаем наследие Наше Брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и т. д. на путь *победы*, благоденствия и славы". А одним днем позже такой же „добровольный" отказ подписал и Михаил в том, что „Он принял твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего... чрез... Учредительное Собрание". „Посему... прошу всех граждан... подчиниться Временному правительству, по *почину Госуд. Думы возникшему* и облеченному всею полнотою власти (кем?) впредь до того, как созванное в возможно кратчейший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа".

4 августа Временное правительство, уже III состава, опубликовало постановление, *изменяющее* (только!) текст ст. 100 Угол. Уложения, что „виновный в насильственном посягательстве на изменение *существующего* государственного строя в России... или *на смещение* органов *Верховной* в государстве власти и т. д. наказывается каторгою без срока или срочною". Но каков был тогда государственный строй? Монархический? В таком случае сам Керенский и Зарудный, подписавшие этот акт не совсем без вины были в „отречении" монарха. И только в „Известиях" от *3 сент. 1917 г.* (а отнюдь не в Собрании узак.) мы читаем *в виду мятежа* Корнилова, что Временное правительство, „считая нужным положить предел *неопределенности* государственного строя... об'являет, что государственный порядок, которым управляется Российское Государство, *есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую Республику*". И только в октябре 1917 г. (Собр. уз., ст. 1846)—была об'явлена распущенною Государственная Дума Николаевского самодержавного режима *). Так пишется первая и последняя Российская „буржуазная" конституция *оффициально*.

---

*) Не лишено интереса, что „республиканец" Керенский и 5 и в следующие дни марта подписывался „Член Государственной Думы; Министр Юстиции гражданин Керенский". Значить, звание члена царской думы на первом месте! (Цитирую его приказы из „Р. Вед." от 3, 5 и сл. дней).

В действительности в Петербурге с вечера 27 или, вернее, с утра 28 февраля существовали две власти: Временный комитет членов Государственной Думы номинально, а фактическая власть—Петроградские Советы рабочих и солдатских депутатов, пока отдельно. Но первые два дня эти советы царствовали, а не управляли, ибо управлял—составившийся на случайном собрании зачатков совета вечером 27 февраля и упорно не переизбиравшийся Исполнительный Комитет. 1 марта „самоуправно" ворвались в комнату 41 Таврического Дворца, где заседал (в буквальном смысле, „сидел" ибо прений не открывали за отсутствием президиума и чтобы не мешать переговорам, вернее, торгу Исполкома с кадетами и пр. представителями Госуд. Думы)—совет рабочих, солдаты и требовали об'единения. В результате этого довольно бурного заседания появилось—постановление о дополнении исполкома солд. представителями, о выборе в ночь на 2 марта представителей от всего гарнизона Петрограда и об издании приказа № 1, своего рода „декларации человека с ружьем", т. е. солдата. Без этих фактов, при тогдашнем составе Исполкома, он покончил бы на „ограниченной монархии", как первой ступени буржуазной конституции, но эти решительные факты спасли революционную Россию от подобного позора и в результате получилась „конституция", писанная буквально на клочке бумаги рукою члена Пет. Исполкома Стеклова, по соглашению с представителями буржуазии в два приема за время с 12 ч. ночи 1 марта по 3 часа дня 2 марта 1917 г. В газетах она изложена в следующих словах:

„В своей настоящей деятельности Временное правительство (кабинет) будет руководствоваться следующими основаниями:

1. Нужна немедленная полная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористических покушений, восстаний, аграрных выступлений и т. д.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политической свободы на военно-служащих в пределах, допускаемых военными и техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах все-

общего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народною милициею с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда военных частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении старой военной дисциплины в строю и при несении военной службы—устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Россия в этот момент, *при нахождении власти в руках вооруженного народа*, была самым демократическим государством в мире. Но ее строй?—Даже в кадетском журнале „Право“ от 30 марта 1917 г., кто-то (Магазинер) спрашивает: Республика или монархия?. Он делает вывод, что—республика, ибо „еще со времени Маккиавели сущность республики в том и заключается, что она и есть не монархия“. Но Милюков имел иное „личное мнение“ и твердо держался мысли о необходимости регентства. И ему уступили мягкотелые члены Исполкома, чтобы не предрешить дела Учредительного Собрания. Но в таком случае надо было выкинуть и слово „конституция“, ибо неограниченная монархия, напр., не знает конституции.

Вдобавок, этот документ был снабжен предисловием Врем. Комитета Госуд. Думы: „Временный Комитет членов Госуд. Думы при *содействии* (!) и при сочувствии (!!) столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами (это пишет Родзянко!) старого режима, который позволяет ему приступить к *более прочному* —(?) устройству власти. Для этой цели Врем. Ком. Госуд. Думы назначает министрами первого *общественного* Кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено и в прошлой общественной и политической деятельности“. Председателем „Совета“ был назначен „князь Львов“, который не считал даже нужным откинуть словечко „князь“. И когда Милюков в своей первой министерской речи ссылался на Львова, как на „главу

русского земства", и из публики раздался возглас: „цензового" (вместо черносотенного!), то Милюков спокойно возразил: „Вы говорите: цензовая общественность. Да, но общественность организованная, которая потом даст возможность организоваться и другим слоям русской общественности".

Но все-таки без скрепы Петр. Исполкома эта бумажка была „простой клочек бумаги". Чтобы получить эту скрепу, потребовалось не мало усилий. Я дам несколько штрихов для характеристики этого исторического заседания. В комнате 41 еще с 8 ч. утра 2 марта заседала солдатская секция в 200—300 человек. После 12 часов туда же собралось еще столько же членов рабочего совета, а в комнате было достаточно места лишь для одной из частей, да и то с трудом. Потребовали перевода собрания в зал заседаний Таврического Дворца, но „хозяин" (Родзянко) якобы не разрешил туда перейти, т. к. там на хорах находились арестованные министры. Я утверждал тогда, как и нынче, что эта обстановка необходима для „проведения" в температуре настоящей русской бани—во что бы то ни стало этой конституции. Я не могу касаться произнесенной стоя на столе речи скомороха Керенского, „республиканца", как он об'явил себя. Все-таки конституция едва—ли прошла бы гладко, если бы не остроумная дипломатия председателя Чхеидзе о „поддержке этого правительства *постольку, поскольку*". Формулировка этого решительного „постольку, поскольку" в смягченном виде воззвания Испол. Ком. гласила так: после нескольких слов для характеристики „новой власти, *создавшейся* из очень умеренных слоев общества", Исполком продолжает: „и мы полагаем, что в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этого обязательства и решительной борьбы со старою властью—демократия должна оказывать ей свою поддержку".

Таков был интересный случай рождения конституции, как соглашения между держащим власть вооруженным народом и буржуазными дельцами *) октябристского и ка-

*) Характерно в этом отношении то, что уже 10 марта 1917 г. Временное Правительство успело опубликовать „облегчения образования акционерных обществ в России", тогда как „выработка" безобразного „Положения о местном самоуправлении" потребовала более 3 месяцев.

детского толка. А честные маклера этого соглашения, Чхеидзе, Скобелев, а позже Церетелли и К°, почти 8 месяцев старались окончательно продать власть буржуазии, пока их всех вместе не опрокинула Октябрьская революция...

28 октября (ст. ст.) было опубликовано постановление II Всероссийского С'езда Советов Р. К. и С. Депутатов об образовании Рабоче - Крестьянского Правительства (Собр. Уз. Р. и Кр. Прав., № 1, ст. 1): „Образовать, для управления страной, впредь до созыва Учредительного Собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Заведывание отдельными отраслями поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной с'ездом программы, в *тесном единении* с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. *Правительственная власть принадлежит Коллегии председателей* этих комиссий т. е. *Совету Народных Комиссаров.*

Контроль над деятельностью Народных Комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому С'езду Советов Р., К. и С. депутатов и его Ц. И. К. (идет перечень состава Сов. Нар. Ком.). В том же № (ст. 9) опубликована телеграмма Совнаркома „всем губ. и уездным Сов. Раб., Солд., Крест. депутатов—о переходе власти к Советам": „Вся власть отные принадлежит Советам. Комиссары Вр. правительства отстраняются. Председатели Советов сносятся непосредственно с Революционным Правительством".

Такова была первая *реальная* Советская конституция после 27 сентября 1917 г.

Третий С'езд Советов в январе 1918 г. принял лишь краткую резолюцию о федерации:

1) Р. С. Р. утверждается на основе добровольного союза народов России, как федерация Советских Республик этих народов.

2. Высшим органом власти в пределах федерации является Всероссийский С'езд Советов Рабочих и Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов, созываемый не реже, чем чрез 3 месяца.

3. Всероссийский С'езд Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов избирает Всероссий-

ский Центральный Исполнительный Комитет. В период между С'ездами Верховным органом является Всероссийский ЦИК.

4. Правительство федерации, Сов. Нар. Ком., избирается и смещается в целом и частях Всероссийским С'ездом Советов или Всероссийским Ц. И. Комитетом.

5. Способ участия в федеральном правительстве Советских Республик и отдельных областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, равно как и разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Рос. Республики определяется немедленно по образовании областных Советских республик Всероссийским ЦИК и Центральным Исполкомом (ЦИК) этих республик.

6. Все местные дела решаются исключительно местными Советами, и за высшими Советами признается право регулирования отношений между нисшими Советами и решение между ними разногласий. Центральная Советская власть обязана следить за соблюдением основ федерации и представлять Российскую Федерацию Советов в ее целом. На центральную власть возлагается также проведение мероприятий, осуществимых лишь в общегосударственном масштабе, при чем, однако, не должно быть нарушения права отдельных вступивших в федерацию областей.

7. Разработка этих основных положений конституции Российской Федеративной Республики поручается Ц. И. К. Советов для внесения на следующий С'езд Советов.

Тов. Сталин в своем докладе пояснял, что это есть лишь общие руководящие положения для комиссии составления конституции, после чего резолюция с'ездом была принята всеми против 24 голосов, при 3 воздержавшихся.

Четвертый С'езд был экстренно созван лиш для ратификаци Брестского мира, почему лишь V С'езд мог приступить к окончательному обсуждению конституции. В комиссии, избранной В. Ц. И. К. для выработки проекта, задача была не легка, потому что она не имела пред собою никакого образца.

В комиссию поступил целый ряд проектов и отдельных частей таковых. Были даже проекты синдикалиста Рентгартена и близких к нему максималистов. Приближался С'езд, назначенный на первые дни июля 1918 г. В конце концов после десятка заседаний комиссии (начиная с апре-

ля) оказались на лицо два проекта: один, принятый комиссиею В. Ц. И. К., а второй, разработанный коллегиею Нарком. Юст., с участием редакторов М. А. Рейснера и А. Г. Гойхбарга, вернее, выработанный последними и обсужденный в Коллегии Нарком. Юст. Но ни один из этих проектов не находил общего одобрения, и еще 26|VI товарищ Свердлов сообщил в комиссии, что в Ц. К. Р. К. П. высказывают сомнение, не снять ли вопрос и не отложить ли весь проект до следующего С'езда. Но председатель комиссии тов. Свердлов сам прибавил от себя, что он считает необходимым утвердить на этом С'езде хотя бы части, удовлетворительно законченные. Была еще раз созвана особая „согласительная комиссия" при Ц. К. для окончательного обсуждения вопроса. В это время мнения изменились решительно в сторону внесения проекта на С'езд, не смотря на то, что со стороны перешедших еще с весны в оппозицию левых эсеров были заявлены дополнения и изменения. Эта оппозиция, собственно говоря, и решила вопрос в пользу такого ускорения. Была созвана небольшая согласительная комиссия, которая, отчасти комбинируя два проекта и дополняя их необходимыми поправками, передала окончательный проект в В. Ц. И. К. для внесения на С'езд. Все эти проекты были напечатаны в №№ 136, 137 и 138 „Известий" от 3, 4 и 5 июля 1918 года, а впоследствии в журнале „Пролетарская Революция и Право" № 3—4 от 1 —15 сентября 1918 года. В мою задачу не входит излагать прения и поправки к этим проектам. Разбор отдельных статей мне дает возможность сделать те или иные замечания в этом отношении.

Как известно, во время с'езда вспыхнуло восстание — „пуч", устроенное левыми эсерами. Конституционная комиссия отчасти расстроилась, ибо два члена ее вошли в следственную комиссию по делу левых эсеров. После краткого доклада С'езд 10 июля 1918 года, одобрил проект конституции, присоединив к ней утвержденную еще III С'ездом декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа. Эта декларация и конституция вместе об'явлены были „единым основным законом РСФСР", который должен быть выставлен во всех советских учреждениях на видном месте". Сверх того „V Всероссийский С'езд Советов поручает Нар. Ком. Просв. ввести во всех без из'ятия школах и учебных заведениях Российской Республики изучение

основных положений конституции, а равно и их раз'яснений и истолкований",

Отличительною чертою этой конституции является ее простота. Это целиком все то, что, пользуясь прекрасным словом Владимира Ильича, было „пережито и написано". Но как раз в этом и заключается ее сильная сторона, ибо здесь впервые целиком совпадает писанная и неписанная, т.-е. реальная конституция. Без всякой лжи и без малейшего лицемерия!

Советская конституция не претендует на „незыблемость" отдельных ее частей. Это первый акт рабочей или, вернее, рабоче-крестьянской конституции, и отдельные ее части могут быть изменены как Всер. С'ездом, так и ВЦИК в общем порядке. Конституция переходного времени или периода гражданской войны! Не внутреннее ли это противоречие? — Нет! Кто вник в сущность революционной классовой борьбы, тому это понятие будет ясно. Для противоположного лагеря не помогут никакие писанные доводы, но только реальные факты.

2. Декларация прав человека-гражданина и декларация прав человека-трудящегося.

В Парижском „Музее Революции" Карнавале показывают декларацию прав человека и гражданина в переплете из человеческой кожи. Эта странная идея какого-то французского буржуа революционной эпохи очень метко, однако, характеризует самую суть этой декларации, в пышных словах об'являющей частную собственность буржуазного, т.-е. капиталистического общества, священною природою человека-гражданина. И декларация эта в редакции Конвента нисколько не изменяет ее основного характера. Конвент стоял на страже частной собственности с неменьшим усердием, чем Национальное собрание. Недаром он издал декрет, угрожающий смертною казнью за одну пропаганду идеи о разделе земли.

Когда составлялась конституция РСФСР, и у нас возник вопрос о декларации. Были даже набросаны проекты, но конституционная комиссия отклонила эти проекты, ибо Октябрьская революция, во всем избегавшая погони за пышною фразою, оставалась себе верна и здесь. Но пред нами была уже декларация прав трудящегося и эксплоати-

руемого народа, утвержденная III Всероссийским С'ездом Советов в январе 1918 г., рядом с декретом временной конституции, и V С'езд постановил присоединить этот исторический акт к Советской конституции, которые оба „вместе... составляют единый основной закон РСФСР".

Эта декларация, составляющая раздел первый Советской конституции, является историческим документом, имеющим вполне конкретные ближайшие, а не вечные абстрактные цели. В ней имеется кое-что такое, что повторяется и во II разделе конституции, из нее кое-что уже устарело и потеряло реальное значение, но вместе с тем она является весьма характерным документом. Основная мысль ее представляется прямою *противоположностью* декларации Великой Французской Революции.

После об'явления, что Россия является Республикою Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, в которой вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам, при чем Росс. Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик, декларация поясняет, что она ставит свой основной задачею *уничтожение всякой эксплоатации человека человеком*, полное устранение деления общества на классы, беспощадное по́давление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах. Не является ли это повторением. только иными словами, той же свободы и того же равенства, которые провозглашают декларации 1789 и 1793 годов? Ведь, французский социалист-ревизионист Габриель Девиль в 1902 г. в Туре прямо заявил: „Наши принципы являются действительным осуществлением прав человека... Я обязуюсь всю нашу теорию вывести из прав человека".

Я показал уже в своей работе о праве, что суть декларации Великой Фрацузской Революции заключалась в обеспечении права частной собственности. Задача Советского строя сводится *к ликвидации* института частной собственности по отношению к средствам производства, ибо иначе не мыслимо уничтожение всякой эксплоатации. Декларация 1793 г. так и провозглашает право собственности „правом, принадлежащим каждому гражданину, *по своему усмотрению* пользоваться и располагать своим имуще-

ством, своим доходом и плодами своего труда и своей промышленности".

„Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа" такой свободы не признает. Напротив, ее цель упразднение права частной собственности на средства производства. Во имя этой цели она „декларирует":

1. Социализацию земли, т.-е. отмену частной собственности на землю, об'явление всего земельного фонда общенародным достоянием и передачу его трудящимся без всякого выкупа, на правах уравнительного землепользования.

2. Национализацию всех лесов, недр и вод общественного значения, а равно и всего живого и мертвого инвентаря.

3. Как первый шаг к полному переходу фабрик, рудников, жел. дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Сов. Раб. Крест. Республики подтверждается закон о рабочем контрвле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами.

4. Аннулирование займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии, как первый удар международному финансовому капиталу.

5. Подтверждение декрета о переходе всех банков в собственность рабоче - крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

Эти весьма умеренные требования декларации только *подготовляют почву, очищают путь для отмены права частной собственности на средства производства.* Национализация земли это, как мы знаем,—чисто-буржуазное требование против остатков феодализма, которое буржуазия сама только боялась выставлять. А против буржуазии декларация пока выставляет только контроль раб. крест. правительства, с одной стороны, и *освобождение* ее предприятий от зависимости от банков, с другой. Поэтому наша новая политика отнюдь не противоречит нашей Советской конституции, которая в своей декларации в высшей степени предусмотрительно видит свою ближайшую задачу в *расчищении пути к коммунизму.*

В противоположность как капиталистической свободе труда, так и лозунгу утопического мелкобуржуазного социализма о „праве на труд"—декларация 1917 года об'яв-

ляет „в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства – *всеобщую трудовую повинность*".

А между тем как до сих пор все революции окончились вооружением имущих классов и разоружением трудящихся, Советская конституция декретирует *вооружение трудящихся* „путем образования социалистической Красной армии рабочих и крестьян" и полное *разоружение* имущих классов.

В то время, как декларация прав Великой Французской Революции ставит на самое видное место „безопасность и и обеспечение *буржуазного* права собственности", наша декларация „вооружение трудящихся" и „разоружение имущих классов" мотивирует интересами „обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплоататоров", буржуазии.

Мне кажется, все это достаточно характеризует существенное различие между декларациями буржуазной и пролетарской революций. Первая об'являет всеобщую свободу и равенство на словах, но там же разрушает реальную свободу громадного большинства народа, введя неограниченную частную собственность, как естественное священное право. Вторая, наоборот, об'являет войну этой собственности в ее частно-капиталистической форме и в этом видит путь к освобождению человечества.

Глава вторая декларации занимается „высокою политикою" в международном масштабе. Известно слово одного из великодержавных дипломатов на Брестской мирной конференции о том, что эта конференция открывает новую эпоху в дипломатических отношениях и вообще в международном праве. А в чем же то новое, что внесла русская революция? В разрыве тайны дипломатий, искреннем провозглашении права наций на самоопределение и в лозунге мира без контрибуций и аннексий.

Германская и австрийская дипломатия, вынужденная настроением рабочих масс итти на приглашение Советской России, вздумала снова, прячась за те же лозунги самоопределения и мира без контрибуций и аннексий, обмануть свои народные массы. А когда это не удалось и, кстати, волнение умов после январьских стачек улеглось, военный кулак взял верх и диктовал мир явно империалистический,

соблюдая все-таки новую фразеологию. Россия тогда была вынуждена подписать любой мир, и ей пришлось впоследствии неоднократно подчиняться требованиям о тайных дипломатических соглашениях, пока Версальский мир в своей откровенно хищнической форме не дал примера самого беззастенчивого империалистического мира, превратившего $^2/_3$ всего мира в колонию победившей Антанты.

При таких условиях III С'езд Советов, который происходил как раз во время Брестской конференции, не мог не внести в свою декларацию требования „политики разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами, воюющих ныне между собою армий, и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира трудящихся без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоуправления наций. В тех же целях III Всерос. С'езд Советов настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей *благосостояние эксплоататоров* в немногих *избранных нациях* на порабощении сотни миллионов *трудящегося* населения в *Азии* в *колониях* вообще и в малых странах". Этот последний лозунг после Версальского мира, значительно увеличившего количество эксплоатируемых не только в малых, но и в великих нациях, как в Германии и т. д. сделался еще более жизненным, так что эти слова декларации сохранили не только историческое значение, но и вполне современный интерес. Чтобы сделать эти лозунги боле конкретными, декларация „приветствует политику Сов. Нар. Ком., провозгласившую полную независимость Финляндии (тогда буржуазной), начавшую вывод войск из Персии и об'явившую свободу самоопределения Армении".

Последняя глава провозлашает *диктатуру трудящихся и действительную федерацию трудящихся классов всех наций.* „С'езд... полагает, что теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплоататорами, эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам Р. С. и К. Депутатов". „Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный Союз трудящихся всех наций России", декларация „огра-

ничивается установлением коренных начал федерации Сов. Республик России, представляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском с'езде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных Советских учреждениях".

Когда писалась декларация, юная Советская Республика сделала только что свои первые шаги. Но она здесь ясно и категорически формулировала две вещи: *диктатуру трудящихся*, т. е. правительство без участия эксплоататорского элемента, и *самоопределение трудящихся* (вместо прежнего лозунга, так называемого, демократического самоопределения), значит, учредительные *советы* вместо учредительных *собраний*.

По форме, казалось, бы, декларация Великой Французской и Октябрьской русской революции несравнимы; по существу каждая из них весьма определенно характеризует свои задачи, и если их цели и задачи и прямо противоположны, то потому, что каждая из них выражает программу другого класса с противоположными классовыми интересами.

VI. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РСФСР.

А. Буржуазная демократия или пролетарская диктатура?

(Ст. 9 общих положений Конституции Р. С. Ф. С. Р.

„Как беден чисто логический состав таких положений, как разделение властей, народный суверенитет, право человека и гражданина! Отвлеченный их анализ решительно бессилен об'яснить оказанное ими могущественное и действенное влияние, под'емы глубокой веры и острого скептицизма, увлечения и враждебности, которые соединились с ними в вековых и массовых переживаниях". Такие слова проф. С. Котляревского типичны для представителя буржуазной науки (он их писал в 1915 г.), которая, несмотря на всю бедноту этих отвлеченных понятий, все-таки пытается ими об'яснить „вековые и массовые переживания". К подобным же логическим абстракциям относится и пресловутая демократия, как ее на словах рисует не только

буржуазная, но и социал-демократическая наука. Что вы скажете, если вы прочтете слова Каутского, которыми он в полемике против т. Ленина определяет демократию, как политическое общежитие, основанное на равном для всех, без различия расы, национальности, исповедания, а в последнее время и пола, праве. А где же имеется такая абстрактная демократия на деле? Нигде! И этой демократии, взятой вне времени и пространства, он противопоставляет диктатуру и при том *реальную диктатуру пролетариата.* На деле буржуазная демократия не что иное, как ограниченная монархия или парламентарная республика. Пусть укажет нам Каутский свою *идеальную демократию*, хотя бы в одном случае действительности, если не считать его „Потемкинских сел" демократической Грузии, изображенных в его „письмах знатного иностранца", не отличавшего языка грузинского ишака от языка грузинского демократа *). Но один случай реальной диктатуры пролетариата указали нам уже Маркс и Энгельс: Парижскую Коммуну. Второй случай—это РСФСР. Мы исходим от совершенно реального повсеместного факта: демократии, как диктатуры буржуазии, и противопоставляем ей диктатуру пролетариата или пролетарскую демократию.

В чем суть диктатуры вообще? В том, что это—власть, *опирающаяся непосредственно на насилие и на деле не связанная никакими законами.* (См. Ленин „Диктатура пролетариата и ренегат Каутский"). Но в диктатуре буржуазии, как мы знаем, всегда господствует дуализм между словом и делом. На словах—неограниченная свобода для всех, на деле—*безграничный произвол* против всего, что не относится к классу буржуазии. Для нас же безразлично, осуществляется ли эта диктатура путем простого лицемерного истолкования прекрасных слов свободнейших демократических конституций либо на основании особых органических законов, либо просто молчаливо, или в силу беспрерывного господства „исключительного положения". Но

*) Для характеристики этого дифирамба я приведу только небольшую выписку из этого „труда": На них т. е. меньшевиках Грузии, лежала задача, создать условия, привлекающие капитал т. е. обещающие им прибыль и *„дающие* им *необходимые гарантии*, что он не будет в один прекрасный день экспроприирован". Другими словами „необходимые гарантии" от революции. Теперь мы читаем в газетах, каковы были эти гарантии, но они не оказались достаточными.

кто является диктатором в буржуазной демократии? Отдельное ли лицо, в роде Ллойд Джорджа, прежде Клемансо или Мильерана, Вильсона или имярек, или *целый класс*, выдвигающий этих своих уполномоченных во главе своих партий? Не знаю, решится ли кто еще повторять слова Каутского о личной диктатуре даже здесь. Личную диктатуру принесла лишь „социалистическая" демократическая республика в Германии в лице Носке, Зеверинга и т. д.

Диктатура пролетариата—это диктатура *целою класса*, а не тов. Ленина одного или вместе с тов. Троцким. Наша конституция (ст. 9) гласит: „основная задача рассчитанной на настоящий *переходный момент* конституции РСФСР заключается в *установлении диктатуры* городского и сельского *пролетариата* и беднейшего *крестьянства* в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти".

Эта статья, как и вся прочая конституция, не что иное как письменное изложение того, что есть, за исключением ее слов о задачах этой власти. Основана она теоретически на известной критике Маркса, направленной против Готской программы (1875 г.): „Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе". Это, как мы видели, вполне совпадает с давнишним взглядом Каутского о значении социальной революции: завоевания власти с целью преобразования общества (как, конечно, длительного процесса). Но Маркс пишет дальше: „Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*". Тут, кажется, все сказано яснее ясного. У самого Каутского на счет необходимости диктатуры пролетариата еще много лет тому назад не было сомнения. Теперь от диктатуры пролетариата отрекается одна группа социал-предетелей за другой. Но, вместо того, чтобы отречься за одно от Маркса, они ищут лицемерного отступления. Все помнят, как вождь германских независимых Криспин на II с'езде Ком. Интернац. от имени своей партии заявил, что диктатура пролетариата не есть новоизобретение Ком. Интернац., ибо она имелась уже в старой программе соц. партии. Тов. Ленину не трудно

было показать, что в Эрфуртской программе этого взгляда нет: „Когда, в 1901—1903 г.г., мы вырабатывали первую программу нашей партии, то перед нами был все время пример германской партии, при чем Плеханов особенно подчеркнул, что если в Эрфуртской программе нет речи о диктатуре, то это теоретически неправильно, а практически является трусливой уступкой оппортунизму". Шейдемановцы излагают свой взгляд на этот вопрос (см. цитату из „Vorwärts" в Rote Fahne, № 88—1921 г.) следующими словами: „Рабочий класс, конечно, может завоевать власть только путем демократического принципа большинства, но он в таком случае должен считаться с возможностью *насильнических движений меньшинства*, которые *необходимо подавить* (nidergehalten werden) диктаторскою властью, и *эта власть* и есть диктатура пролетариата". Значит, это—диктатура Носке, Зеверинга, может быть, Людендорфа и т. п.

А Каутский? Отказаться от Маркса, оффициальным истолкователем которого он считался по сие время, равнялось бы для него самоубийству. Поэтому он прибегает к „раз'яснениям". В своей работе „Путь к власти" (1909 года) Каутский еще писал: „Маркс и Энгельс выковали понятие диктатуры пролетариата, которую Энгельс еще в 1891 году, незадолго до своей смерти, упорно отстаивал, — понятие о *единовластии пролетариата, как единственной форме*, в которой он может осуществить государственную власть".

В начале своей борьбы против коммунистов Каутский (см. его „Демократия и диктатура") защищал мысль, что диктатура пролетариата вовсе не есть форма правления, но какое то состояние, ибо — диктатура буквально предполагает-де отмену демократии и *единовластие отдельного лица*. Обличенный т.т. Лениным и Троцким в нечестной игре, Каутский дает новую конценцию диктатуры, а именно, что он и сегодня держится того мнения, что „требование диктатуры, как ее выставляет Маркс, *лучше всего понять как* монархию (единовластие), осуществляемую *большинством* (чначит, парламентским), в *демократическом государстве*". Как Каутский представляет себе *монархию большинства буржуазного парламента*,—один Аллах ведает. Маркс и Энгельс, привыкшие выражаться в высшей степени определенно и точно, в изложении Каутского должны показаться действительно путанниками.

В предисловии вышедшего в 1920 году без изменений

„Пути к власти“ Каутский заявляет тем не менее: „Сегодня я стою на *той же точке зрения*, как и тогда. Только *мой язык с тех пор изменился*“... И дальше он указывает, что он еще в Дрезден-Амстердамскую резолюцию внес слово „не стремиться“ к участию в государственной власти—*вместо запрещения участия вообще*, а о диктатуре на этот раз говорит, что он еще в 1909 г. „отверг идею власти меньшинства“. Как будто бы пролетариат является таким именно меньшинством.

Все это новое предисловие к „Пути к власти“ доказывает доходящую до виртуозности ловкость Каутского в редактировании двусмысленных резолюций, и с этой стороны период войны и революции в достаточной мере разоблачает не только Каутского, но и всю германскую соц.-демократию. Все цитаты о диктатуре пролетариата уже неоднократно собраны (напр., в книге и статьях Ленина на эту тему); опровергнуто и то, что Маркс и Энгельс только вскользь и лишь несколько раз случайно пользовались этим понятием, тогда как они говорили о ней десятки раз. Здесь в этом отношении я хотел бы привести только одну неиспользованную цитату, разъясняющую, что Энгельс *различал в точности*: диктатуру личную, диктатуру небольшой группы революционеров (Бланки) и *диктатуру целого класса* (Маркс и Энгельс). Энгельс в своей статье „О программе коммунистов-бланкистов“ (Volksstaat, 1874 № 73) пишет: „Из того, что Бланки всякую революцию представлял себе в виде переворота, совершенного небольшой группою революционеров, у него естественно вытекало признание необходимости диктатуры в случае удачи, *диктатуры*, разумеется, *не всего революционного класса пролетариата*, а не большой группы революционеров, которые совершили переворот и которые сами заранее уже об'единились под диктаторской властью одного или нескольких лиц“ (в русск. переводе стр. 48). Значит, Энгельс отчетливо противопоставляет *диктатуру революционного класса* понятию диктатуры *небольшой группы революционеров*, тем более отдельных лиц.

Наконец, до сих пор не обращали внимания на несколько слов в цитате из предисловия Энгельса к „Гражданской войне“ К. Маркса, а именно: „*В последнее время* германские филистеры ощущают большие страхи от слов диктатура пролетариата... Взгляните на Парижскую Коммуну. То была диктатура пролетариата. 18 марта 1891 г.“.

Эти слова становятся понятными именно в условиях 1890/91 г.г. То было время первого празднования первого мая в связи с первым с'ездом II Иинтернационала 1889 г. Буржуазия всего мира ждала 1 мая 1890 г. социальную революцию. В особенности обострены были отношения в Германии, где еще накануне отмены исключительного закона, 16 мая 1889 г., император Вильгельм публично заявил: „Для меня всякий социал-демократ то же самое, что враг государства и отечества, а Бисмарк в то же время конфиденциально запросил вождей консервативных партий, как они отнесутся к отмене общего избирательного права в целях вызвать вооруженное столкновение между рабочим классом и войсками (см. разоблачения кн. Гогенлоэ и П. Дельбрюка). Но 20 февраля 1890 г. выборы в рейхстаг дали хотя и блестящие результаты, 1.341.587 голосов, прирост в 567.400, это, однако, состовляло только $^1/_5$ часть всех поданых голосов и было еще далеко до диктатуры в смысле большинства парламентского. Из крайне обостренных отношений в печати становится ясно, что диктатуру пролетариата тогда буржуазия истолковала не в том смысле, как ее толкует Каутский, а как Zwangsstaat" или как „анархическую республику (anarchisticher Freistaat)". Вот эту-то полемику имел в виду Энгельс, указывая на пример Коммуны. Он во всяком случае здесь *не мог иметь* в виду парламентарную *республику с пролетарским большинством.*

Каутский, возражая большевикам, еще ссылается на то, что Коммуна была результатом демократических выборов и что сами Маркс и Энгельс высказывали мнение, что в Америке и Англии (а Энгельс даже для Франции и Голландии) допустима возможность мирного переворота. Но, во первых, Энгельс к английскому переводу сделал примечание: „Маркс никогда не забывал прибавить, что он extrement (в высшей степени) *сомневается, чтобы в Англии* господствующие классы уступили мирной и легальной революции. Во вторых, тогда Англия и Америка были еще свободны от милитаризма. А при нынешнем режиме Америки (а отчасти и Англии)—подобная вера была бы непростительною для марксиста утопиею. Что же касается Коммуны, то ее буржуазный демократизм уже достаточно опровергнут указаниями на отсутствиае в Париже буржуазии, которая находилась в противоположном лагере.

По существу в пользу буржуазной демократии Каутский указывает:

1) на воспитательное значение демократии для самого пролетариата;

2) на необходимую защиту прав меньшинства (т. е. буржуазии;

3) на несправедливость коммунистов, которые от буржуазии требуют для пролетариата все демократические права и свободы, но отказываются сами предоставить таковые буржуазии и

4) на то, что Советская власть якобы является лишь властью меньшинства или даже „аристократиею рабочего класса".

Мы можем смело сказать, что наша советская демократия за короткое время в сто раз больше сделала в смысле истинно воспитательной работы, чем любая буржуазная демократия. Прав буржуазному меньшинству мы не предоставляем на время гражданской войны в силу классового интереса пролетариата, а от буржуазии этих прав мы требуем *не по принципу* справедливости, но по принципу революционной классовой борьбы *). Что же касается легенды о том, что Советская власть является властью меньшинства, то она опровергается данными Российской революции, а равно и резолюциею III С'езда Ком. Интернационала. Российская революция сама доказала, что за пролетариатом в момент завоевания власти действительно было *громадное большинство* не только пролетариата, но и крестьянства. т. е. всего народа, как это показано особенно убедительно тов. Троцким в его „Анти-Каутском". Здесь я приведу только поразительно яркие в этом отношении цифры выборов 1917 г. в обоих „столицах":

	Выборы в гор. Думу: 1917 г.		В Учредит. Собрание.
	25—27 мая.	24 августа.	
Петербург:			
Большевики	21,4%	33,3%	45,0%
С.-р. и с.-д.	56,0%	44,0%	18,6%
Буржуазные партии .	22,6%	22,7%	33,4%

*) Ср. П. Стучка, „Революционная роль права и государство". 1921 г., III гл. стр. 36, 37.

Выборы в гор. Думу.

	1917 г. 25—27 мая.	24 августа.	В Учредит. Собрание.
Москва:			
Большевики . . .	11,7%	48,1%	50,0%
С.-р. и с.-д. . . .	71,2%	20,2%	17,1%
Буржуазные партии	17,1%	31,7%	32,7%

Тов. Ленин совершенно прав, когда он говорит, что государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий. Всеобщее избирательное право является показателем зрелости понимания своих задач разными классами... Самое решение этих задач дается не голосованием, а всеми формами борьбы, вплоть до гражданской войны. Ибо „сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения". (Выборы в Учред. Собрание и диктатура пролетариата).

Когда Маркс пишет Энгельсу (Письма 3 т., стр. 116): „Я об'ясняю коротко и ясно: наше назначение представителями пролетарской партии мы получили не от кого другого как только от себя самих. Но этот мандат утверждает та неслыханная и общая вражда, которую все фракции и партии старого мира направляют против нас",—то он лишь более рельефно высказывает мысль Ленина, цитированную выше.

Но каково отношение диктатуры пролетариата к рабочей демократии. Так как диктатуру рабочего класса мы понимаем в смысле рабочей демократии, то нам здесь вкратце приходится остановиться и на этом важном вопросе, оставляя подробности его для глав, трактующих об отдельных особых вопросах, как-то: о вопросе гражданских свобод, о выборах и т. д.

Мы увидим еще дальше, что наша Советская конституция свой взгляд на свободы граждан выражает в положительной форме, реально обеспечивая то или другое право *трудящихся*, не подчеркивая того, что они предоставляются *только* трудящимся. Напротив, по мере победы пролетариата, категория трудящихся увеличивается, количество из-

ятий в смысле избирательного права сокращается; форма осуществления диктатуры принимает более мирный характер; реформы часто заменяют резко революционные формы и т. д. *).

В то время, как буржуазная демократия исходит из *государственного* предположения, что все люди смогут *сделаться имущими*, *рабочая демократия* оперирует с вполне возможною и даже необходимою картиною будущего, что все граждане Р.С-Ф.С.Р. будут *трудящимися* и будут пользоваться всеми политическими правами, в том числе и избирательным, за исключением разве лишь уцелевших еще иностранцев-капиталистов, но они, как иностранцы, на избирательные и прочие политические права претендовать не могут ни в одном государстве, кроме своей метрополии.

Так с внешней стороны *рабочая демократия* может стать похожею на чистую демократию, но она, *пока она будет рабочею*, никогда не впадет в отживший парламентаризм и буржуазный строй, но сохранит свой советский строй. А в момент полного слияния формы рабочей демократии с формою „чистой" демократии исчезнет и само государство. До тех пор, однако, вопрос становится резко и отчетливо: буржуазная „демократия" или диктатура пролетариата?

Б. „Р. С. Ф. С. Р."

(Общие положения Конституции—ст. 10-12).

„Р. С. Ф. С. Р." Это оригинальное сочетание из пяти букв, на котором не мало острили наши противники, ныне приобрело мировой вес и мировую известность. И оно имеет свою историю, а не вымышлено в кабинете. Если вы обратите внимание на декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа, то там название нашего государства гласит: Р. С. Р.—Российская Советская Республика,

---

*) Среди германских профессоров, набивших себе карманы на книгах и статьях, критикующих русскую революцию доводами исключительно одного и того Каутского, одним из наиболее плодовитых можно назвать проф. Кельсона. Он находит, что коммунисты, отказываясь от буржуазного парламентаризма, ввели в своих Советах в каждом уездном городе—свой парламент, Совет. Мы увидим дальше, сколько сходства между этими учреждениями-антиподами, и как далеки эти Советы от того, что Маркс называет парламентским кретинизмом.

хотя уже в этой декларации прямо говорится о ее федеративном характере. Так, в первоначальном проекте конституции название гласило „Р. Ф. С. Р."—Российская Федеративная Советская Республика. Но еще при обсуждении, если не ошибаюсь, проекта декрета о флаге Р. Республики (собр. уз. № 31, стр. 415—1918 г.) была внесена поправка —прибавить слово „Социалистическая", ибо принципиально вполне допустима мысль, что Советская Республика не социалистична. Эта поправка была принята; итак, вполне естественно получилось это как будто-бы нарочно созданное сочетание букв: Р. С. Ф. С. Р., которое одинаково читается как с одной, так и с другой стороны и которое означает: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

I. „Р".

Слово „Российская" имеет, с одной стороны, чисто историческое, а с другой стороны,—международное значение: оно означает, прежде всего, преемственность суверенной власти и территории после царской России. Возникали впоследствии и возникают до сих пор проекты изменения этой части названия, как якобы имеющей националистический оттенок. Но мне кажется, что этот последний оттенок скорее заметен во внесенных поправках. Пока революция не сделала дальнейших успехов по направлению к Западу, за пределы прежней России, остается только сохранить это название, в котором каждая буква является не случайностью, а результатом серьезных исторических переживаний. В проекте выработанном Нар. Ком. Юст., или, вернее, проф. Рейснером и Гойхбаргом, ст. 8 Конституции гласила уверенно и гордо: „По мере установления в других странах социалистической Советской власти Р. С. Ф. С. Р. входит с ними в единый союз социалистических федеративных Советских республик". Но эта статья не была принята, а отложена до осуществления этого факта, и по сие время этот момент еще не наступил.

II. „С".

„Российская Республика есть свободное *социалистическое* общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Р. С. Ф. С. Р. принадлежит *всему рабочему населению* страны, об'единенному в городских и сельских Со-

ветах“ (ст. 10). Эта статья составилась из двух проектов. Слова „всему рабочему населению“ здесь обнимают то же понятие, которое обыкновенно выражается словом трудящиеся.

Слово „социалистическое“ должно было подчеркнуть содержание этого нового „сообщества“. Если в 1848 году рабочие Парижа стихийно провозгласили социальную республику, не зная сами, что они собственно вкладывают в содержание этого названия, то в России это было вполне сознательно, ибо власть была в руках пролетариата, и он смело шагал чрез все препятствия—к социализму.

Не лишне здесь сопоставить другую „Социалистическую Республику“—Германию, где было принято одно только название, и ее вожди никогда не думали итти по пути к социализму. Она просуществовала четыре мес. (с 9 ноября 1918 г. до весны 1919 г.), когда она без всякого переворота превратилась в демократическую республику, в империю буржуазии с „рабочим королем“ во главе, но никаких намеков на социализм, кроме лишь создания умершей впоследствии естественною смертью комиссии социализации, она не оставила, если не считать позорной диктатуры Носке („для спасения Социалистической Республики“) и убийства Либкнехта, Люксембург и Иогихеса.

III. „Ф“.

Мы уже видели, что Россия есть федеративное государство. Мы там же видели, что коммунисты смотрят на федеративное устройство, как на переходную стадию к полной централизации на почве советской системы. Эта мысль выражена и в осторожно формулированной статье 11: „Советы *областей*, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут об'единиться в *автономные* областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть областных об'единений вообще, стоят областные с'езды Советов и исполнительные органы. Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в РСФСР (статья 11)“.

Нам придется еще остановиться подробнее на образовавшихся по сие время автономных областях, а равно и прочих составных частях федераций, вошедших в РСФСР на договорных началах согласно декларации (см. выше).

IV. „С"

Советскою РСФСР является в отличие от парламентарной республики, буржуазной демократии. Мы этот вопрос уже рассмотрели подробнее выше. Здесь лишь несколько слов по поводу прочих примеров Советских государств.

Как известно, и германская революция пошла по пути Советов и первое революционное правительство там получило власть от Советов. Но это правительство не только не вело себя как Советское, но, напротив, играло лишь злую комедию над этим названием. Оно считало себя лишь приказчиком буржуазии и, оставляя на месте последнего чиновника, ограничилась приставлением к ним двух комиссаров для скрепы всяких грехов буржуазии. Оно созвало Учредительное Собрание и, естественно, не получив большинства там, сдало власть буржуазии, ограничиваясь подачками в виде теплых и почетных местечек в новом демократическом строе,—хотя бы на время.

Республики Венгерская, а затем и Баварская, возникшие в виде кратковременного эпизода, об'явили себя Советскими и социалистическими, но погибли после недолгой борьбы, в виду изолированности и предательства социалистов Германии и Австрии.

V. „Р."

Она—Республика, ибо, хотя название „республика" приобрело достаточно дурную славу в буржуазном мире, оно все-таки подчеркивает категорическое отрицание всякого единоличия власти, и, кроме того, оно является общим названием для государства. В 1917 году оно имело и прямо историческое значение. Ведь, был момент, когда даже Петербугский Исполнительный Комитет первого созыва заколебался в своем закрытом заседании, не итти ли на уступку пред конституционною монархиею, и из этого колебания нерешительные элементы были вырваны лишь благодаря знаменитому „Приказу № 1". А руководящая тогда партия всей буржуазии, кадетская, лишь через два месяца на своем третьем с'езде приняла лозунг республики, а по „соглашению» об отречении Николая—самый вопрос о форме государства должен был быть решен лишь Учредительным Собранием.

Лишь благодаря беспрестанной агитации большевиков, как мы уже видели, правительство 3 сентября 1917 г. об'явило Россию республикою.

Но если революция 1848 г. не удовлетворилась просто республикою, а потребовала республики социальной, то большевики не могли остановиться на одной республике; они противоставляют парламентарной республике свою Советскую Республику, как государство класса трудящихся.

„Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик» (ст. 2 Конституции).

В. Хартии вольностей.

(Общие положения Конституции ст. 13—23).

«Ни один человек не борется против свободы вообще, он борется, самое большое, только против свободы других. Всякий вид свободы, таким образом, всегда существовал, только раз в качестве особого, преимущественного права (привиллегии—Vorrecht), а второй раз как всеобщее право.» (Маркс, „Nachlass", I том, стр. 224).

Эти слова Маркса хотелось бы поставить во главе любой буржуазной конституции. „Freiheit, die ich meine",— „свободу, как я ее понимаю", поет германский филистер. А русский буржуа с увлечением апплодировал не только красивому мотиву, но еще более привлекательным для него словам арии: „О дайте, дайте мне свободу", т.-е. свободу для него, буржуа.

В самом деле и в средние века, в эпоху феодализма, „каждый человек" был свободен, ибо для барона-феодала только с барона начинается понятие человека. Надо было проделать буржуазную революцию, чтобы об'явить юридическое равноправие для всего человечества, оставляя в полной силе и, наоборот еще усиливая фактическое (т.-е. экономическое) неравенство. Это был необходимый и длительный процесс, история которого весьма интересна. Здесь мы на ней подробнее останавливаться не можем и ограничимся парою заметок.

Первым шагом к буржуазным прирожденным правам человека и гражданина, изложенным впоследствии в великих хартиях и декларациях прав, была борьба за религи-

озную свободу, и первая революция в этом направлении была церковная революция, т.-е. реформация. Так, напр., реформистская церковь (Роберт Бровн и его приверженцы) об'явила церковь, которая здесь отожествляется с приходом, обществом верующих, которые *на основании договора с богом* делаются послушными Христу и признают *обязательным* для себя (massgebend) в каждом данном случае только волю общую, т.-е. *волю большинства*". Своего рода „Contrat Social", договора общества с богом. А лишь позже буржуа решился требовать договора с—королем.

Но на совершенно неверном пути находятся те буржуазные ученые, которые, подобно Г. Еллинеку и его последователям, тут видят непосредственно влияние церкви и ее идеологии, и как, напр., проф. Котляревский, в этом факте усматривают даже довод против материалистического понимания истории вообще. Те примеры, которые Еллинеком, а вслед за ним, напр., и Котляревский *), приводятся из английской истории времен до революции и самой революции, доказывают как раз противоположное: первые проявления классовой борьбы в средние века принимали, как и впрочем вся общественная жизнь, форму церковных споров, часто совершенно непонятных без их экономически-политической подкладки. Такие лозунги, как равенство, неприкосновенность личности и т. д. являются прямыми последствиями, даже простым выражением в законе отношений товарообмена, свободы найма и т. п. последствий денежного хозяйства, а все революции, за исключением лишь пролетарских, ищут форм для воплощения своих идей в прошлом, т.-е. в церкви или в древнем мире.

Если мы для права вообще или, вернее, для гражданско-правовых отношений людей наиболее наглядные примеры и прообразы нашли в старом Риме, то для изучения истории политических прав классическою страною для нас является Англия. Те же следы „крови", которые Иеринг обнаруживает на каждом институте римского частного

---

*) Котляревский, например, пишет: „Великая заслуга католицизма в истории человечества—если только здесь можно прилагать понятие заслуги—состоит в том, что он защищает от государственного вторжения известную область духовной жизни людей"... „Религиозная свобода, повидимому, была родоначальницею всех естественных прав—факт, который должен был бы остановить на себе внимание адептов исключительно экономического истолкования истории"... [о. с. стр. 80 и 81]

права, в Англии мы можем найти на любом институте публичного права. Если мы берем любого серьезного историка английского публичного права, то мы видим, что все политические права, которыми так долго славилась Великобритания, являются результатом драк, гражданских войн или же сделок, купли-продажи, а то и просто обмана. Так, напр., борьба за „Великую хартию" длилась 80 лет (с 1199 по 1276 г.), и для ее завоевания, конечно, недостаточно было вынужденной первым восстанием уступки Иоанна Безземельного. „Смуты" 1199 г. привели к „представлению" Лондону „его вольностей". Про 17 хартий, „пожалованных" 16 другим городам, мы знаем, что они были попросту куплены за деньги, „Великая хартия", в отличие от городских хартий, была *мирным договором*, заключенным между двумя *воюющими* сторонами, (Градовский). Но эти вольности были только *привилегиями* для свободных людей *) и потребовалась бесконечная борьба для достижения того демократизма, которым Англия славилась до войны и для сметения которого достаточно было этой войны. Не так ярко происходила борьба в других странах, кроме, конечно, Франции.

Но когда взялись юристы за выяснение и раз'яснение этих вольностей, то получились нескончаемые словопрения об отвлеченном понятии гражданской свободы и прав человека и гражданина, никогда не проводившие к единому результату.

Весьма характерен такой спор в юридической литературе относительно *юридического характера* прав гражданина. Одни юристы утверждают, что это—„права суб'ективные", т.-е. права принадлежащие гражданину, как лицу, суб'екту, известная свобода его произволу. Это отголосок идеи естественного права о прирожденных правах человека и гражданина, перенесенной в положительное право. Это об'яснение соответствует первому периоду власти буржуазии, восходящего класса капиталистов и, как мы увидим дальше, находит выход из противоречий положения классового господства во внутреннем противоречии, лицемерии конституции. Другая, как бы более откровенная школа,

*) Проф. Стебс говорит: „С одной стороны (в Англии) все люди были свободны, кроме рабов, а другой—все были несвободны, за исключением freemen, собственников земли, никому необязанных". (См. Градовский. „Государственное право важнейших европейских государств").

оспаривает этот самостоятельный характер политических прав и заявляет, что эти права в буржуазном обществе являются лишь *рефлексом*, отражением интереса государственного (т.-е. классового). Если, например, на лестнице дома квартиранты первых этажей выстлали ковры, то жильцы 3-го и дальнейших этажей также пользуются ими, но это не является их суб'ективным правом, а лишь рефлексом прав собственников этих ковров, ибо они, в случае удаления ковров их владельцами, никаких споров или претензий заявлять не могут. Так же, говорят эти юристы, если государство (прибавим от себя: классовое буржуазное государство) признало своевременным и полезным издать известные законы о „льготах" или свободах граждан, то оно делает это лишь в своих (читай: господствующего класса) интересах, а граждане этими правами пользуются лишь как рефлексом, отражением, а, следовательно, никакого самостоятельного права протеста против их нарушений и отмены не имеют. „Sic volo, sic jubeo". („Моему нраву не препятствуй").

Эта последняя теория чрезмерно откровенна для „чистой" демократии. Но и по первой теории практика в достаточной мере обеспечивает интересы господствующего класса. Весьма остроумно эти неприкосновенные права высмеиваются К. Марксом в его „18 Брюмера" (стр. 19—20) по поводу конституции французской буржуазной республики 1884 года.: „Неизбежный генеральный штаб вольностей 1884 года, личная свобода, свобода печати, слова, союзов, собраний, обучения, совести и т. д., получил конституционную форму, делающую их неуязвимыми. А именно: каждая из этих свобод об'является безусловным правом французского гражданина (citoyen), но с неизбежным примечанием сбоку, что она безгранична постольку, поскольку „она не ограничивается равными правами других" или особыми „законами", долженствующими осуществить эту гармонию. Например: „Граждане имеют право об'единиться в союзы, мирно и без вооружения собираться, подавать петиции и выражать свои мнения путем печати или каким бы то ни было иным способом. Пользование этими правами не имеет никаких иных границ, как только равные права других и публичную безопасность". (Глава II французской конституции 1848 года, § 8). — „Обучение свободно. Но свободою обучения должны пользоваться под условием, выра-

женным в законе, и под верховным наблюдением государства" (там же, § 9).—„Жилище каждого гражданина неприкосновенно, за исключением форм. установленных законом". (Глава I, § 3) и т. д. Итак, конституция постоянно указывает на будущие органические законы, которые должны привести в действие означенные примечания и урегулировать эти неограниченные свободы так, чтобы они не приходили в столкновение ни между собою, ни с общественною безопасностью. А впоследствии эти органические законы издавались „друзьями порядка", и все эти свободы были урегулированы так, что буржуазия, пользуясь ими, никогда не приходила в столкновение с равными правами других классов. Там же, где „другим" эти права были совсем запрещены, или где решено пользование ими лишь под условиями, из которых каждое представляло настоящую ловушку, это всегда делалось только в интересах „общественной безопасности", т. е. безопасности буржуазии, как это именно предписывает конституция. Поэтому впоследствии на конституцию с полным правом ссылаются обе стороны, как друзья порядка, отменившие все эти свободы, так и демократы, которые их домогались. Каждый параграф конституции содержит в себе свой собственный антитезис, свою собственную нижнюю и верхнюю палаты, а именно, в общей фразе свободу, в примечании же—отмену свободы. До тех пор, пока уважалось название свободы и ставились препятствия лишь ее действительному осуществлению, конечно, законным путем, конституционное существование свободы оставалось неуязвленным, не тронутым, как бы ни было убито их существование вообще".

Я привел эту длинную характеристику потому, что она в одинаковой мере относится не только к старой французской, но к любой новой и новейшей конституции, из которых каждая содержит, говоря ядовитыми словами покойного профессора Г. Еллинека „целый каталог таковых свобод" *).

---

*) Чтобы не составилось ложное представление о нынешних, вполне демократических конституциях, мы процитируем одну из новейших конституций Германской демократической республики: „Все германские граждане равны—пред законом" (109). „Свобода личности неприкосновенна, ограничение или лишение личной свободы мерами публичной власти допускаются только—на основании закона (ст. 114). „Жилища

Но это далеко не все: как политическое равенство оказалось одною фикциею, прикрывающею экономическое неравенство, так все эти отдельные политические свободы оказались одною иллюзиею—без соответствующей экономической гарантии. Но такое положение неизбежное в буржуазном обществе, которое ни желает ни может желать этих свобод для угнетенного класса, но оно также мало хочет и может об этом заявить откровенно. Советская конституция не боится откровенности. Но она *Впервые* (из всех бывших и существующих конституций) подчеркивает необходимость обеспечить всякие свободы не только на словах, но и *на деле для трудящихся*. С этой точки зрения нам приходится рассмотреть религиозную свободу, доступ к знанию, свободы слова и печати, собраний, союзов, приобретения знаний, равноправие трудящихся-иностранцев и право убежища, равноправие национальностей. Сюда же относится „право на труд"—в форме трудовой повинности и почетное право защищать с оружием в руках революцию и красное отечество. Каждый из этих вопросов требует, для верной их оценки, кратких пояснений и сопоставлений с соответствующими правами и свободами буржуазного мира.

Одно мне хотелось бы подчеркнуть для общей характеристики нашей „хартии вольностей". Она определенно стоит на почве классов борьбы и выражает *реальные гарантии* свобод *для трудящихся*. Это само по себе еще не означает лишения *буржуазии*, *класса капиталистов* этих прав, но наша Конституция им этих прав и *на словах*

каждого германского гражданина есть его свободное убежище (?) и неприкосновенно. Исключения допускаются только—на основании законов" (ст. 115). „Тайна переписи и т. д. неприкосновенна". Искючения—на основании... закона (ст. 117) и т. д., и т. д. „Законное принуждение допустимо только для осуществления прав, коим угрожает опасность или ради высших требований общественного блага" „Свобода торговли, промысла договоров—в пределах законов".—Все эти пышные слова можно было заменить просто соответствующими законами, как то: об исключительном суде, далее против коммунистов и рабочих вообще и т. д. Было бы менее демократично, но куда честнее. И придставьте себе портрет короля спекулянтов Штиннеса за подписью ст. 153 конституции: „Собственность обязывает. Пользование ею должно быть (!) в то же время *служением общему благу* (читай прибыли!). Конституция перечисляет даже *нравственные* обязанности: „Каждый гражданин *нравственно* обязан, *без ущерба* для своей личной свободы, так применять свои умственные и физические силы, как того требует общее благо" (ст. 163). К чему это лицемерие?

не гарантирует. На деле, пока они не приходили в столкновяние с властью рабоче- крестьянской демократии, они пользуются многими из этих свобод беспрепятственно, устраивая лекции, собрания, крестные ходы, образовывая союзы и т. д.

Это весьма существенно отличает наш строй от буржуазной демократии, где так называемые „конституционные гарантии", т. е. свободы личные и имущественные на словах обещаются всем, но достаточно одного расчерка пера, чтобы *приостановить* и на словах эти косституционные гарантии". Мы увидим еще дальше, что в юриспруденции имеется даже особая доктрина: *теория* исключительного воложения.

1. Личность (индивид) и Советы.

Буржуазная революция поставила своею целью политическое освобождение индивида, личности, об'явив его равным пред законом. Она этот свой лозунг основывает на естественном праве „родившегося свободным" человека, об'являя это его право неот'емлемым. Суть этой свободы, собственно говоря, заключается в *невмешательстве государства* в „частную жизнь" отдельного человека-гражданина. „Человек свободен, хотя бы он родился рабом" („Dei Mench ist frei und wäre er in Ketten geboren"). Мы уже вкратце коснулись этого раздвоения человека на гражданина и частного человека и о социальном значении этого раздвоения.

Пролетарская революция смотрит на политическую революцию не как на цель, но лишь как на средство для соцальной революции. И Советская Конституция формулирует эту цель в словах „уничтожение эксплоатации человека человеком" (ст. 9). Еще в самый разгар Великой французской революции поднялись сомнения рабочего класса в чудотворных действиях политических „свободы, равенства и братства". Прошедшие с тех пор более 125 лет наглядно показали пролетарию, что суть свободы заключается в *экономическом* освобождении. А так как диктатура пролетариата еще не есть окончательное освобождение человека, а лишь орудие в руках пролетариата для проведения длительного процесса переорганизации общества, уничтожения эксплоатации человека человеком, то

в Конституции и не были помещены пышные слова о свободе, неприкосновенности личности и т. д. „Равенство (в праве производителей) заключается лишь в том, что оно измеряется по равному мерилу (масштабу), т.-е. по труду", оно, следовательно, является „правом неравенства, как по своему содержанию всякое право вообще" *). А. Карнер (б. австрийский канцлер Реннер) в своем исследовании о функциях правовых норм право личной неприкосновенности сводит к свободе личного найма.

Но при точке зрения коммунистов на роль Советов, как средства восстановления единства раздвоенной в буржуазном обществе личности, не поглощается ли личность целиком Советами? Отнюдь нет! Напротив, цель коммунизма—окончательное освобождение человека, не только экономическое, но и политическое. Ибо вместе с завершением „водворения социализма, при котором не будет деления на классы"—умирает и государство, исчезает и государственная власть, и наступает реально, в действительности та свобода, о которой *утопически* мечтают всякие анархические политические течения.

Не сплошное ли лицемерие статья любой „демократической" конституции о неприкосновенности личности, если эта неприкосновенность нарушается и в порядке „особых, органических законов", и „в порядке узаконенной незаконности" или „исключительного положения", не говоря уже о фактической—„прикосновенности" всякого пролетария. Это все еще общество, в котором праву соответствует обязанность, где право часто еще сводится к повинности, ибо только окончательное искоренение деления человечества на классы отменит рознь между правом и обязанностью, т.-е. упразднить и право, как средства классового господства. Но мы и в этой переходной стадии стремимся к воз-

---

*) Интересно отметить, что уже и мелкобуржуазная Гора Конвента стала сознавать голословность абстрактной свободы личности, и ст. 21 и 22 Декларации 1793 г. редактированы словами: „Государственная помощь есть священный долг. Общество обязано поддерживать своих несчастных граждан, доставляя им труд или обеспечивая средства существования тем, кто не может трудиться. Образование есть потребность всех. Общество должно содействовать всей своею властью успехам общего разума и сделать образование доступным для всех".

можным гарантиям личности, в первую очередь,—трудящихся, вводя так называемую революционную законность, только не в том лицемерном понимании, как Временное Правительство и его соглашательские элементы говорили о „революционном порядке", а вполне реальной *), по революционной законности.

С этой точки зрения необходимо рассмотреть все статьи этой части Советской конституции.

1. „Свобода совести".

„В целях обеспечения за трудящимся действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и *антирелигиозной* пропаганды признается за всеми гражданами" (ст. 13). Первая часть этой статьи лишь повторяет прежнюю программу РСДРП и поэтому считалась нами проведенною в силу факта победы революции под лозунгами этой партии. Более спорна была вторая ее часть. Поэтому первоначальный текст как декрета об отделении церкви от государства, так и конституции гласит несколько иначе. Ведь, в Эрфуртской программе мы имели даже по отношению к членам партии, известную формулу о „Privatsache". И это „частное дело" угрожало пролезть и в декрет об отделении церкви от государства. Но в Совете Народных Комиссаров, по предложению тов. Ленина, в этот декрет были внесены в ст. 1—слова нашей программы: „церковь отделяется от государства", а ст. 4 гласит: „школа отделяется от церкви".

Та же старая идея о „Privatsache" осталась в первоначальном проекте этого параграфа нашей конституции, но в особенности там отсутствовало требование антирелигиозной пропаганды. Как известно, в критике Готской программы Маркс пишет: „Рабочая партия должна выразить свое убеждение, что буржуазная свобода совести не более, как терпимость ко всем родам религиозной свободы совести", „рабочая же партия должна стремиться освободить совесть от всяких религиозных призраков". И ссылки на эту критику было достаточно, чтобы комиссия ввела свободу *антирелигиозной* пропаганды в конститу-

*) См. К. Маркс—критика Готской программы.

цию. Поднялась впоследствии критика против слов о „религиозной свободе“, но эта критика была неосновательна, ибо противоречила духа марксизма, и дальнейшая практика вполне подтвердила.

Перелистывая ныне „Русские Ведомости“ за весну 1918 г., я натолкнулся на интересную заметку известного либерала Арсеньева *). Это либерал, который прежде безусловно принадлежал к искренно неверующим слоям интеллигенции, здесь оплакивает судьбу попов после декрета об отделении церкви от государства—во имя их либерального и лойяльного отношения к революции, („духовенство легко могло стать *защитником* (?) и сотрудником (!) демократии“), что также не соответствует истене, ибо на колокольнях Петербургских церквей в феврале 1917 г. нашли пулеметы. А в дальнейшем мы не одних Бердяевых и Булгаковых видим в числе усердных богомольцев и участников крестных ходов, но значительные слои бывшей атеистической (неверующей) интеллигенции. Какое грехопадение могло бы еще осрамить мировую интеллигенцию после 1914 года!

Как известно, прежде религия или церковь были тесно связаны с государством и ее властью. Эта связь была или чисто органическая, или как параллельное их существование, в роде некоторого двоевластия, или, наконец, побежденная церковь перешла в роль „служанки“ государства. Во всех этих случаях вера, религия была мощным орудием в руках государства для властвования над угнетенными массами, ибо „религия это—опиум для народа“ (Маркс). Если уже реформация означала некоторую эмансипацию граждан от старого режима церкви, то представители советской науки, как предшественники Великой французской революции, вели войну на жизнь и на смерть против самой церкви. Они, борясь за просвещение, об'явили войну христианской религии. Но французская революция не пошла дальше „свобода совести“ и католической веры для народа не трогала. И даже на время оффициально декретируя отмену христианской религии, в то же время ввела еще более торжественный культ Разума, как Вер-

---

* В № „Русских Ведомостей“ от 7 февраля 1917 г. мы читаем статью такого же либерала Белоусова, заканчивающуюся словами: „Пожелаем же *церкви успеха в доброй ее брани*“—т. е. против декрета об отделении церкви от государства.

ховного Существа. В декларациях и конституциях оставалась та же свобода совести, как свобода вероисповедания. А об отношениях прав человека и гражданина к религии К. Маркс писал еще в молодости: „Непримиримость религии с правами человека так мало содержится в понятии прав человека, что право человека быть религиозным, как ему угодно, исполнять свободно обряды своей религии, напротив, положительно причислено к правам человека. *Привиллегия* веры, таким образом, значится *общим правом человека*". (Nachlass, 1, стр. 392).

Но и там, где буржуазия как будто бы осталась верна своей антирелигиозности как, напр., при составлении прусской конституции, где еще в до-конституционном „ландрехте" (земском праве) смело провозглашали, что „каждому жителю в государстве должна быть предоставлена полная свобода вероисповедания и совести" и где конституция предусматривала право находиться вне всякого исповедания (Konfessions los), практика легко парализовала эти свободы. По основному закону конституции каждый гражданин мог оставаться вне всякой церкви; но по общему закону он должен был воспитывать своих детей в христианской или иной легальной вере, а за неисполнение этого закона он предовался уголовному суду, а дети у него отбирались и сдавались в опеку. Вот какова была буржуазная свобода вероисповедания! С.-д. Гофману, напр., пришлось своих детей записывать в еврейскую веру, чтобы освободить их от тлетворного обучения в религиозном духе. Там чисто научное выступление против религии подводилось под богохульство или, по крайне мере, под преступное и наказуемое „безобразие" (Unfúg).

Здесь необходимо коснуться еще вопроса, лишь косвеннно затрагивающего конституцию. Это вопрос, часто задаваемый слушателями, как об'яснить разногласие между конституциею и партийною программою для коммунистов. Наша конституция имеет в виду всех граждан и ограничивается по отношению к ним свободою религиозной и антирелигиозной пропаганды, но Коммунистическая Партия не удовлетворилась прежнею программою „об отделении церкви от государства" и о „неограниченной свободе совести". Программа Коммунистической Партии требует от всех своих членов не только определенной борьбы против религиозности, „организуя самую широкую научно-просветительную

и антирелигиозную пропаганду", „заботливо избегая всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма". Такая осторожность относится лишь к стоящим вне партии лицам; по отношению же к членам партии, для коммунистов, действует правило, что *служение коммунизму не соединимо с принадлежностью к церкви.*

Интересна история этой „Privatsache". Германская с.-д. партия по этому вопросу еще на партийном с'езде в Майнце (1873 г.) приняла постановление, что каждому члену партии рекомендуется после того, как они признанием программы с.-д. фактически уже порвал со всяким церковным исповеданием, совершить и формальный выход из всех церковных общин. Но уже в 1874 г. партия отвергла предложение, что члены должны быть вне исповедания. Готская программа в статье, принятой вопреки критике К. Маркса (см. выше), религию об'явила „Privatsache", частным делом. Это было начало течения германской партии в сторону оставления всего „революционного багажа" в списке частных дел каждого, и вскоре „Privatsache" считалось не только „потребление алкоголя", но даже—сама революция.

К чести партии надо признать, что эта тенденция к „приватности", к об'явлению всего частным делом, в религиозном вопросе все снова вызывала сопротивление, и предложение отказаться от этого взгляда вносились на конгрессах неоднократно: 1890, 1892, 1893, 1894, 1895, 1902, 1905, наконец, в 1909. Но в 1902 г. было отвергнуто даже предложение выпускать воззвания против религиозности; а в 1909 г., равным образом, не прошло предложение тем членам партии, которые уже произвели внутренний разрыв с религиею, рекомендовать фактический выход из церкви (выход, разрешенный конституциею). Притом против этих предложений возражали не только умеренные (как Фольмар —в 1902 г., но и Либкнехт 1890 г.) и Бебель, считающий, что это положение (о „Privatsache") само собою разумеется (1902 г.). Считали, что авангард революции появится на свет без всякой революционной пропаганды и что для соц.- демократа достаточно вносить свои 20 пфенигов в месяц и в 4 года раз подавать голос за своего партийного кандидата в тайном голосовании. 1914 г. и следующие годы дали оценку этому направлению. И если на нынешнем с'езде партии независимцы, подчерки-

вающие, что они все еще стоят на платформе (вернее, „площадке“) диктатуры пролетариата, вновь поднимался вопрос о религии, то именно в сторону „Privatsache“. Коммунистические партии с этою тенденциею к „Privatsache“ согласиться не могут и требуют от своих членов лично не только антирелигиозности, но и антирелигиозной пропаганды.

Одним из наших первых важнейших декретов был декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г. (Собр. узак, № 18, 263—1918 г.). Само по себе отделение церкви от государства есть требование буржуазное, и оно проведено в жизнь не только, в. Америке, но и во Франции. Те же „Русские Ведомости зло высмеивали наш декрет, проведенный в один вечер (хотя над ним работали сравнительно довольно долго, несколько недель, с участием специалистов), тогда как во Франции этот закон обсуждался *целых 12 лет?* Но и повод к изданию этого декрета во Франции не имел ничего общего с борьбою против религии, это был чисто политический спор против советской власти паны. Соответственно тому и самый текст его был умеренный, а сейчас идет вопрос о его частичном аннулировании. В Америке закон более решителен: он не дает церкви права юридического лица но он не преследует за фиктивное владение церковью имуществом на имя частного лица.

Наш декрет преследовал не только политическую цель, лишить церковь власти над умами и косвенно даже над государственную властью, почему мы об‘явили конфискацию церковных имуществ и запретили церкви владение имуществом, но имели в виду и духовное раскрепощение масс.

Поэтому: *церковь отделяется от государства,* каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Отменяются всякие ограничения, связанные с исповеданием той или иной религии. Ни в каких документах не должна обозначаться принадлежность к той или иной религии. Действия государственных или иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями, религиозная клятва или присяга отменяется и заменяется торжественным обещанием... Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданскою властью. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается

постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на право граждан Советской Республики. И никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Из'ятие из сего с заменою другою обязанностью, допускаются по решению народного суда.

Школа отделяется от церкви: преподавание религиозных вероучений во всех государственных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучаться религии частным образом. Никакие церковные общества не имеют права владеть собственностью и не имеют прав юридических лиц; церкви и предметы, предназначенные для богослужебных целей, об'явленные народным достоянием, сдаются в бесплатное пользование религиозных обществ.

Таков декрет, который не только боялись провести коалиционные правительства, но от проведения которого ждали падения власти коммунистов. Страхи были преувеличены.

Близкую связь с вопросом о свободе вероисповедания имеет вопрос о *воинской повинности сектантов*, отвергающих по религиозным соображениям отбывание воинской повинности. Прежний режим таких лиц ссылал на поселение или заключал в тюрьму или доводил их (напр., духоборов до эмиграции. Советская власть подобных мер, конечно, применять не могла, но в то же время она должна была иметь гарантии, что такое заявление о своих „религиозных предубеждениях“ против воинской повинности не скрывает просто нежелание защищать социалистическое отечество. Как мы уже видели выше, наш декрет об отделении церкви от государства разрешил народному суду освободить их, но с возложением обязанности исполнять иную задачу. Вследствие декретом от 4 января 1919 года. (Собрание узакон. 1918 года, № 17, ст. 192) предписывалось народному суду: 1) заменять военную службу на определенный срок службы призыва его сверстников санитарной службою, преимущественно в заразных госпиталях, или иной соответствующей общеполезной работою по выбору самого призываемого и 2) запрашивать предварительно экспертизу Московского Об'единенного Совета религиоз-

ных общин и групп по каждому делу, при чем эта экспертиза должна дать определенный ответ на вопрос как о том, исключает ли данное религиозное убеждение участие в военной службе, так и о том, действует ли данное лицо искренне и добросовестно. В исключительных случаях этот совет имеет право ходатайствоват пред Президиумом ВЦИК о полном освобождении того или иного лица без всякой замены. Впоследствии в виду злоупотреблений было установлено, что о своем религиозном убеждении призиваемый должен заявить не позже дня явки его сверстников в присутствие, а затем, с 21 декабря 1920 года,—за неделю до срока призыва. Одновременно разрешено народному суду обращаться за экспертизою и к другим лицам и учреждениям, а равно и к допросу свидетелей и т. д. Во всех этих декретах Советская власть остается верна своему принципу и ищет только способов предупредить несправедливые уклонения от своего долга.

Особый отдел Нар. Ком. Юст. проводит ликвидацию отделения церкви от государства, задача эта нелегка, но она необходима. Маркс не удовлетворялся отделением церкви от государства. „Человек—писал он—освобождается от религии, если он религию из области государственного права переносит в право частное... Но такое разделение человека на гражданина и частного человека, перемещение религии из принадлежности государства в гражданское общество ни отменяет, ни стремится отменить религиозности человека... Он не освобождается от веры, но лишь приобретает свободу вероисповедания". (Маркс, Nachlass, 1, 409, 422). „Основою антирелигиозной критики служит то положение, что человек делает религию, а не религия человека" (там же, стр. 384).

„А как разрешается всякое противоречие вообще? Тем, что оно делается невозможным. И как делается невозможным религиозное противоречие? Тем, что отменяется религия... тогда эти противоречия между собою находятся в противоречиях не религиозных (сверх'естественных), а в критических, научных, т.-е. человеческих. Тогда наука об'единяет эти противоречия, ибо в науке все противоречия разрешаются научным путем" (там же, стр. 401).

„Наука—вот сила, побеждающая веру".

3. Доступ к знанию.

„В целях обеспечения за *трудящимися доступа к знанию* Р.С.Ф.С.Р. ставит *своей задачей* предоставить *рабочим и беднейшим* крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование". (Ст. 17 Конституции).

„Только тогда, когда наука и рабочие—эти два противоположных полюса общества—об'единятся, они в своих железных об'ятиях сломят все препятствия, не дающие дороги культуре" (Ф. Лассаль, „Наука и рабочие").

Если я сопоставил, в первую очередь, действительную свободу совести с действительно свободным доступом к знанию, то такое сопоставление особого пояснения не требует. Вся пред'идущая глава является красноречивым доказательством этого тезиса. Но остается рассмотреть вопрос с точки зрения развития буржуазного общества и с точки зрения классовой борьбы.

Много говорилось о культуре и знании, как следствии буржуазной демократии, и частица правды в этом разговоре имеется. Но только очень ограниченная правда. Если начальное народное образование, попросту говоря—грамотность, для *части рабочего населения*, так называемого *квалифицированного* рабочего, показалось полезным и с точки зрения капиталиста, то грамотность кажется ему лишнею для всей остальной массы рабочих, не говоря уже о крестьянстве. Но, главное, все народное образование приурочено в буржуазном обществе к одной цели: к укреплению господства буржуазии. А самый ход развития промышленности и капитализма *имеет прямую тенденцию к раз'единению, к разделению науки и труда.*

Я процитирую здесь из I т. „Капитала" Маркса (стр. 352) одно место, мало отмеченное, но чрезвычайно важное в вопросе о взгляде Маркса на классовое положение интеллигенции и науки вообще в капиталистическом обществе: „Все те познания, понимание и воля, которые развивает в себе самостоятельный крестьянин и ремесленник, хотя бы и в малом масштабе—подобно тому, как дикарь все военное искусство воплощает в приемах своей личной хитрости—все это *в мануфактуре* требуется лишь от *мастерской в целом.* Духовные потенции (силы) производства на *одной стороне расширяют* свой масштаб именно потому, что на *многих других сторонах* они *исчезают* совершенно. То, что теряют

частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим, как *порабощающая их сила.* Этот процесс отделения начинается с простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собою единство и волю общественно-трудового организма. Он развивается далее в мануфактуре, низводящей рабочего до степени частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая *отделяет от рабочего науку*, как самостоятельную потенцию производства (производительную силу), и насильно отдает ее в *рабство капиталу*".

Эта двойственная роль науки в буржуазном обществе, как рабыни и одновременно поработительницы, накладывает свою печать и на тот общественный слой, который с большим или меньшим правом зачисляется в жрецы науки. Этот слой в силу такого хода развития занимает свой пост на стороне капитала. Но одновременно он чувствует и свой собственный гнет, если такое состояние угнетения не достаточно прикрывают подачки капитала, и, как Маркс и Энгельс говорят в своем „Коммунистическом Манифесте",—в решающий момент одна часть господствующего класса переходит на сторону революционных классов.

Но и наука сама в целом находится на противоположном полюсе по отношению к рабочему, и образованный рабочий в буржуазном обществе всегда является в некотором роде белым вороном. В этих случаях он весьма часто скрывается в рядах прочей „интеллигенции". Только ниспровержение господства капитала открывает свободный доступ рабочему к науке и наук к рабочему. Формула „бесплатное полное и всестороннее образование для трудящихся" составляет тот лозунг, который выдвигается Советскою Конституциею. Но это пока только лозунг и немногим больше. И предстоит еще гигантская борьба, чтобы провести в жизнь этот лозунг, как лозунг длительной работы. Бойкот, стачка, саботаж, в лучшем случае равнодушие со стороны большинства интеллигенции, разруха, голод, вообще недостаток материальных средств—таковы главные противники в борьбе на этом фронте. От общедоступного для всех высшего образования приходится отступать к ударной задаче—борьбе против безграмотности. Но такие учреждения,

как рабочие факультеты и коммунистические университеты для рабочих во всяком случае представляют резкий контраст с надписью над нашими старыми средними и высшими учебными заведениями: „кухаркиным детям" вход воспрещается.

Каутский как-то высмеивал образовательную роль, приписываемую Красной армии. Подобное легкомысленное суждение об'ясняется полным неведением того, что происходит в действительности в России. Я не знаю другой страны и даже другой революции, в которой просвещение, а в первую голову—политическое просвещение, играло бы такую выдающуюся роль, как в Красной армии Р. С. Ф. С. Р. Не закрывая глаз на дурные стороны всякой армии, относительно русской Красной армии можно сказать, что она вносит в жизнь государства одновременно с демобилизациею большой плюс: знание и жажду знания в деревню. Ведь, в армии возникли впервые те учреждения политического просвещения, которые, об'единенные под названием Главполитпросвета, распространяют эти новые методы на все трудящееся население. Но вместо мировозрения обществ прошлого: феодального или *христианского* и буржуазного или *юридического* здесь вырабатывается мировозрение будущего общества, *коммунистическое*.

4. Свобода печати.

„В целях *обеспечения за трудящимися действительной* свободы выражения своих мнений Р. С. Ф. С. Р. уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты *все технические и материальные средства* к изданию газет, брошюр, книг и всяких произведений печати и обеспечивает их *свободное распространение* по всей стране". (§ 14 Конституции).

По поводу этой статьи Каутские упрекают нас, коммунистов, что мы упраздняем свободу печати. Но чью свободу? Исключительно свободу буржуазии, привиллегию контрреволюции на свободу печати! Они противопоставляют нашей конституции свою демократическую свободу—для буржуазии. Как известно, печать является одним из наиболе сильных средств поддержки и защиты буржуазной классовой диктатуры. Та умственная зависимость от буржуазии, на которой в значительной степени зиждется вся власть

класса имущих, поддерживается, в первую очередь, церковью, школою и *печатью*, как средствами убеждения. Мы уже видели, как нам пришлось освободить трдящихся от влияния церкви, и мы уже рассмотрели процесс раскрепощения народного образования. Нам то же самое необходимо было проделать и по отношению к печати. Лживость и лицемерие печати буржуажии и ее подголосков особенно ярко проявляется в моменты под'ема пролетарской революции. Посмотрите газеты буржуазии в первое время после Октябрьской революции, и вы скажете, что Советская власть права была, упразднив ее. Ту же самую характеристику всякий революционер даст для буржуазной печати, начиная с 1918 г. в Германии и в прочих странах. Коммунистов обвиняют в односторонности, но их никто не может обвинять в лживости. А в то же время реальной свободы для коммунистической печати даже на словах нигде в буржуазном обществе не существует.

Но даже при ясно выраженной букве свободы печати— на деле ее в буржуазном обществе для неимущих классов нет и не может быть. Печать в буржуазном обществе— предприятие капиталистическое, особенно газетное дело. Газета требует больших материальных средств. Когда, напр., французская социалистическая партия еще задолго до войны при Жоресе вздумала учредить свою *собственную* и независимую газету, „L'Humanite", то она достигла этого лишь при помощи пособия в несколько десятков тысяч марок от германской с.-д. партии. Газета сама обыкновенно не оплачивается, ибо она существует на об'явления или на явные или скрытые субсидии буржуазии, обычно финансового капитала. Для них читатели не важны, как доход, а важны лишь как об'ект одурманивания.

Когда в России разыгралась февральская революция, то печать у такой сильной партии, какою были большевики, существовала лишь с большим трудом, ибо у нее не было своей типографии и недоставало бумаги. Вы помните, какими тяжелыми жертвами пролетариат создал свою типографию в Петербурге, а в один прекрасный день в нее ворвались контр-революционные юнкера, испортили машины и бумагу, и большевики остались на несколько дней без газеты. Еще хуже было дело в Германии. После ноябрьской революции 1918 года группа Либкнехта и независимцы захватили две типографии: официозной газеты

„Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ и Lokal Anzeiger,“, собственность личного приятеля Вильгельма—Шерля. Революционное правительство, однако, их оттуда ударило и группа Спартака *после победы революции* — десять дней оставалась без типографии, а стало быть, и без газеты. Всякий прокурор хорошо оценивает значение типографии для газеты. Так прежде в России уничтожали по суду типографические станки, использованные для печатания нелегальщины. А ныне (см. Берлинскую „Rote Fahne“ от 15 апр. 1921 г.) республиканский прокурор германской демократии на законном основании предлагает „обезвредить (т.-е. испортить лишением необходимых частей) ротационную машину типографии“ означенной газеты, и республиканский суд утверждает это распоряжение, „так как означенная машина использована и предназначена для совершения покушения на преступление, почему допустима возможность ее конфискации (ihre Einziehung möglich erscheint), кроме того, она является вещественным доказательством“. (Это говорится про легальную типографию!) Кажется, с таким же правом можно бы наложить секвестр и на весь дом, где работает типография, как на вещественное доказательство и средство распространения революционного воззвания.

Лицемерие, содержащееся в этом постановлении суда конечно, никого не удивляет: оно вытекает из характера самого „демократического права“. Но факт характерен для иллюстрации, что означает демократическая свобода печати.

Свободы печати нет у того слоя населения, у которого нет материальных и технических средств для печатания. Наша конституция исходит не только из того соображения, что этих средств сейчас в Р.С.Ф.С.Р. для всех классов не хватает, но и откровенно из того обстоятельства, что имущим классам предоставить это право на время гражданской войны не предполагается. Но статья эта не предрешает последнего вопроса: она возлагает на советские органы обязанность *обеспечить за трудящимися действительную свободу* выражения своих мнений. Когда окажутся материальные и технические средства в избытке, то Советская власть в разрешении этой свободы и прочим классам конституциею нисколько не связана.

5. Свобода собраний.

„В целях обеспечения за *трудящимися* действительной *свободы союзов* Р.С.Ф.С.Р., признавая права граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкою, освещением и отоплением“ (ст. 15 Конституции).

Мы уже видели, что буржуазная демократия в своих конституциях обещает свободу собрания всем, но в пределах особых законов. Наша конституция таких ограничительных законов не знает. Так, напр., буржуазия в своем страхе пред собраниями рабочих масс, как принято говорить,—пред улицею, идет так далеко, что запрещает всякие собрания на известном расстоянии от места заседания парламента и т. д.

Но это разрешение или запрещение только одна и не самая важная сторона. Чтобы собраться, необходимо помещение. Буржуазия для своих собраний всегда находит помещение. Даже при царе буржуазия устраивала свободно банкеты. А рабочие? Даже в странах с наибольшими „гарантиями“—помещения для их собраний нигде не обеспечены. Помещения являются собственностью капиталистов, которые их вольны сдавать или не сдавать. В Германии, напр., эти помещения заключаются в сдаваемых в наем ресторанных залах—с обязательным пивом („Bierzwang“). А какой-нибудь цирк Буша в Берлине не сдавался еще накануне революции для избирательнного собрания „независимых“, т.-к. цирк якобы не сдается под политическое собрания. А союз землевладельцев свои политические собрания всегда устраивал там свободно.

Советская Республика в этом отношении старается реально обеспечить свободу собраний, и вряд ли где-либо в мире в действительности происходит столько собраний трудящихся, как в России. В латвии под собрания разрешались даже лютиранские церкви.

6. свобода общества и союзов.

„В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов Р.С.Ф.С.Р., сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все пре-

пятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободной организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие материальное и иное, для их об'единения и организации" (ст. 16 Конституции).

А во французской революции? Законы 2/III и 14/VI—1791 г. запретили всякие коалиции, т.-е. союзы, и в учредительном собрании докладчик Шапелье прямо заявил: „Такие союзы не могут иметь никаких общих интересов". Честный либеральный буржуа проф. Гамбаров говорит: „Они (эти законы) были направлены против стачек рабочих и охраняли свободу предпринимателей *против свободы рабочих*". Основатель классической политической экономии Адам Смит высказался „против свободы союзов (ассоциаций), как противоречащих индивидуальной свободе".

Известный нам ученый Л. Штейн откровенно писал в 1865 г.: „Политические союзы предполагают собою *глубокое противоречие между существующим строем и требованиями народа* или живое развитие внутреннего государственного права. В первом случае они, конечно, *являются опасными* для существующего строя, а поэтому *большею частью бывают запрещаемы* и преследуемы; во втором они служат выражением своего времени, органическим элементом прогресса". („Учением об управлении", стр. 39). Не бесподобна ли эта классическая формулировка буржуазной свободы и политики?

Поэтому мы видим, что и при постепенном расширении свободы союзов трудящихся в буржуазном государстве она еще ныне нигде не всеобща и особенно по отношению к деревне, не говоря уже о *фактической* несвободе трудящихся при неограниченной свободе капиталистов. Советская власть, как власть трудящихся, напротив, в этих союзах рабочих видит *свою главную опору*. Поэтому она не только провозглашает *реальную* свободу, т.-е. обязанность Советского государства поддерживать на деле всякими способами эту организацию рабочего класса в самом широком смысле—и на этот счет нечего повторять сказанное в предыдущих главах—но и привлекает всякого рода союзы трудящихся к *прямому участию* в государственной власти и на этом явлении необходимо несколько остановиться теоретически.

Мы знаем, что и в буржуазном обществе государствен-

ная власть известные функции своей власти предоставляет частным союзам, но или фактически (финансовый капитал, напр., в лице банков фактически руководит этою властью), или же на основании договора, особенно платного. То или иное общество за особую мзду (за участие в его государственной доле капиталистической прибыли) принимает на себя те или иные функции публичного характера, не выходя из сферы *гражданского права*.

Иное дело в государстве рабочего класса. Мы знаем, что в рабочем классе имеется целое направление, т. н. синдикалистское, которое считает профсоюзы тем элементом, который должен образовать диктатуру пролетариата. В этом смысле был выработан даже особый проект Российской Конституции (см. выше). На деле мы эти тенденции пережили в начале революции и в России: железнодорожники об'явили себя хозяевами железных дорог, водники—водных сообщений и т. д., вплоть до политической партии рабочего класса, которую, как *таковую*, многие смешивали с государственною властью, о чем еще будет речь впереди. Революция, строго проводя самокритику, прошла чрез все эти детские болезни и установила *Советскую власть* (партийную, только на основах советской конституции), но одновременно привлекая союзы к все возрастающему фактическому участию в этой власти.

Многие коммунисты еще не усвоили себе вполне смысла *гибкой формы* Советской власти и знают только или огосударствление того или иного союза, или его оставление в роли, так сказать, частного лица или простого об'единения частных лиц. Это взгляд—чисто буржуазный, пропитанный бюрократическим наследством от буржуазии. Огосударствление союзов не должно же в советском строе означать их бюрократизации, превращения их просто в „назначенцев" от государственной власти. Нет, общественная организация союза остается, но ей продоставляются чисто государственные функции, только не в силу договора о прибыли, т.-е. *на основах гражданского права,* но в силу принципа власти трудящихся, т.-е. *на основах публичного права.* Весь вопрос тут сводится к *доверию*, и тов. Ленин неоднократно в своих речах спрашивает, на кого коммунисты думают опираться, если не на рабочие массы, т.-е., в первую голову, на организованные в разные союзы массы.

С другой стороны, как я уже указал, и трудящиеся сами сразу не могли приспособиться к новой роли. Мы знаем, что профсоюзы долго понимали свою задачу по прежнему и соответственно тому видвигали лозунг „нар. ком. труда, назначенного фактически профсоюзами, как *выразителя* и *проводника экономической политики рабочего класса*" (см. резолюции IV Всероссийской конференции и II Всероссийского с'езда профсоюзов). Это понимание *узко* и неправильно по отношению к государственной власти самих трудящихся. Они должны участвовать во всех экономических, да и не только экономических комиссариатах, но чрез *советскую* организацию.

Постепенно наладились эти отношения и одна официальная функция за другою переходила на профсоюзы, затем на кооперативные союзы и т. д. В то же время власть профсоюзов усиливалась в В. С. Н. Х. и прочих экономических комиссариатах, а союзы сами, как общественные об'единения, одновременно крепли. Теперь, с переходом на новую политику дело осложняется. Союзы будут органами власти в новом смысле и одновременно органами классовой борьбы в прежнем смысле (напр, стачки и стачечный фонд против капиталистических предприятий). Меняется сила той и другой стороны деятельности союзов, но принцип остается.

При таком пониманиии роли союзов трудящихся в Советской власти ст. 16 конституции не остается пустым звуком. Профсоюзы ставят своим лозунгом в буржуазном обществе недопущение на работу иных рабочих, как только об'единенных в союзы; в Советской власти провозглашается лозунг, что на работы допускаются только члены профсоюзов; но в члены союзов рабочие поступают вполне свободно, равно как они свободно выбирают свои правления и т. д. Потребительские кооперативы в буржуазном обществе мечтают о расширении своей сети, Советская власть проводит обязательную организацию в потребительские общества, по крайней мере, ставит это своей задачею по отношению к рабочему населению, но кооперативы по своей конструкции остаются свободными обществами.

Когда писалась наскоро ст. 16, слова „всяческое содействие, материальное и иное, для об'единения и организации их (т.-е. трудящиеся"—не так широко понимались, т.-е. не сознавалось такое широкое понимание. Еще не

было опыта, из которого исходить, и формулировка сама получилась несколько абстрактною. Жизнь ее оправдала и влила и вливает в нее новое, богатое содержание.

7. Буржуазное право на труд и пролетарская трудовая повинность.

„РСФСР признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: „нетрудящийся, да не ест“ (ст. 17 конст.). Как известно, в революции 1848 года рабочие Франции выдвинули в иных условиях иной лозунг: „право на труд“.

Мы уже видели, что суть буржуазной свободы, как результата Великой французской революции, заключается в обеспечении политической свободы гражданина тем, что на него возложены известные *обязанности* и ему соответственно тому предоставлены известные права. И экономически он „свободен“: он „по своему усмотрению“ может располагать своим трудом и своими доходами. Что это означает? Это означает, что эта область—частное дело каждого: имеет ли он работу, ест ли он или голодает и с голоду умирает, это—его частное дело! Так же, как его частным делом является то обстоятельство, что он является тунеядцем, т.-е. об'едается на счет чужого труда. В момент когда в одной Америке оффициально—6 миллионов безработных, в Англии—2 милл. и т. д., говорить о *свободе труда* в буржуазном обществе и петь гимны свободной конкуренции пред рабочими как-то странно. А Каутский в последнем своем „труде“ это делает и доказывает, как всегда весьма обстоятельно, начиная с зоологии, а именно с тихохода, перейдя к обезьяне и кончая человеком, что наемный труд является самым производительным трудом, при чем он грядущий социализм ждет не от распада и безпомощности капитализма, но от его силы и успехов. Но оставим эти „ученые“ изследования Каутского, ибо они не имеют уже прямого отношения к цитированной выше статье конституции.

Когда мы писали эту статью конституции, пред нами стояла другая задача: подчеркнуть, что, тогда как в буржуазном обществе трудовая повинность на деле существует всюду для рабочего, она *отсутствует для богачей и тунеядцев*. Вот, против кого и чего направлена эта статья·

Но, если в последствии во время гражданской войны и для восстановления хозяйства потребовались рабочие руки и пришлось прибегнуть к мобилизации для гражданских работ, то это имело лишь косвенное отношение к ст. 17 конституции. Интересы труда были обеспечены тем, что разпределение происходило через профсоюзы. Что же касается производительности труда, то, во первых, она поддерживается методами коллективного снабжения и вознаграждения по способностям и результату труда и, во вторых, широкою инициативою рабочих в собственных интересах рабочего класса вводить улучшенные машины, которые пускались в ход прежде лишь в интересах и с точки зрения прибыли. Прочтите только идиллию, описываемую Каутским из эпохи капитализма: „У капиталиста имеется *более легкая возможность подбора* своих рабочих сил и более сильный рычаг, ибо *бич голода* действеннее кожанного хлыста... стремление вводить „сберегающие труд" машины, становится тем сильнее, чем более возрастает сила пролетариата". „Его растущая интеллигентность облегчает и впервые делает возможным введение машин и т. д.". В действительности еще Маркс доказал, что машины для капиталиста важны лишь в том случае, *если они* приносят *сбережение оплаченной рабочей силы.* Следовательно, лишь *высокая* заработная плата поощряет введение и усовершенствование машины,*) увеличивая при этом в свою очередь резервную армию безработных. Но как я уже сказал, этот вопрос не имеет прямого отношения к нашей конституции.

Прочтите историю революции 1848 года во Франции и вы увидите, как тогда ухватились рабочие за свой утопический лозунг—„право на труд", как единственное средство от голода. Конечно, только недобросовестное отношение к вопросу позволяет Каутскому смешивать советскую трудовую повинность с рабством. Но всякая недобросовестность в буржуазном обществе принимает денежную форму.

---

*) Как известно, это привело к машинизации американского земледелия. Интересен доклад английской королевской комиссии 1919 г., обследовавшей применение сельско-хозяйственных машин в Англии. Этот доклад убийственно критикует низкий уровень применения и использования машин в Англии до войны вследствие *низкого уровня* заработной платы и ждет улучшения лишь от повышения заработной платы во время войны. Нынешняя безработица разрушает эти надежды комиссии в корне.

Каждой Советской республике, как диктатуре пролетариата, придется принять эту статью, ибо „новое общество —что знал еще Маккиавели — может существовать только при условии отсутствия тунеядцев". И задача хозяйственного плана — урегулировать все сферы труда, если необходимо—путем принудительной мобилизации элементов, стоящих до тех пор вне профсоюзов. С момента мобилизации они обязательно подчиняются требованиям профсоюзов.

8. Буржуазная оборона и защита социалистического отечества.

„В целях всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-крестьянской Революции Р. С. Ф. С. Р. признает обязанностью всех граждан Республики *защиту социалистического отечества* и устанавливает *всеобщую воинскую повинность*. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей" (ст. 19 Конституции).

Не противоречит ли первая часть этой статьи словам Коммунистического Манифеста: „У рабочего нет отечества, и то, чего у них нет, у них и отнять нельзя"?

А наш „доброжелатель" Каутский возражает против втарой ее части ссылкою на Маркса о Парижской Коммуне: „Первым декретом Коммуны было искоренение (Unterdrüskung) постоянного войска и его замена вооруженным народом (национальною гвардиею)"... „Цитированные здесь соображения твердо устанавливают, что Маркс для той стадии, которую Энгельс (в предисловии к „Гражданской войне") обозначал, как диктатуру пролетариата, предусматривал крайне слабое центральное правительство без постоянного войска, без политической полиции и лишь с немногими функциями".

Остановимся здесь только вкратце на вопросе о „вооруженном народе" (национальной гвардии). Вся суть Красной армии заключается в ее назначении и классовой организации, а не в отречении от всякой действительной вооруженной силы. Маркс критиковал Коммуну как раз за ее нерешительность в военном смысле, упрекал ее, напр., в

том, что она не напала немедленно на Версаль, пока контрреволюция еще не соорганизовалась.

А „генерал революции" Энгельс еще более резко характеризовал ее военную слабость, и участники Коммуны в достаточной мере описывают слабые стороны военных сил Коммуны. Советская Россия также начала *с добровольной красной гвардии*, но, имея дело с высоко развитыми силами мирового милитаризма, она вынуждена была создать Рабоче-крестьянскую Красную армию. И я должен сказать, что это как раз один из ценнейших опытов, внесенных Россиею во всемирную революцию. На первых порах ни одна другая страна без таковой не обойдется.

Вопрос об отечестве принял очень острую форму еще в 1914 г., когда вся социал-демократия всего мира почти без исключения стала на точку зрения обороны общего с буржуазиею отечества. Фразу „Коммунистического Манифеста" стали оспаривать, но Маркс в обращении Генерального Совета I Интернационала к тред'юнионам в 1868 г. повторно писал: „Основой общественного строя должно быть братство трудящихся, свободных от мелкой национальной завести. Труд не имеет отечества". Здесь конечно, не место излагать всю историю того, как I и II Интернационалы относились к вопросу о войне и об отечестве, достаточно указать на последовательное проведение принципа отказа в военных кредитах и на резолюции Штутгартского (1907), Копенгагенского (1910) и Базельского (1912) международных конгрессов о превращении войны в революцию. Но за всеми этими резолюциями довно поднимал голову оппортунизм: в Германии давно взяло верх слово о том, что изречение Маркса как бы устарело, и что рабочий уже теперь имеет отечество. Так, на Штутгартском конгрессе Бебель, возражая французу Эрве, заявил: „Эрве говорит,— отечество есть отечество правящих классов, оно пролетариата не касается. Подобная же мысль была высказана в „Коммунистическом Манифесте". Но, вопервых, ученики (?) Маркса и Энгельса заявили, что они больше не разделяют этого взгляда. А, во вторых они (повидимому, Маркс и Энгельс) в течение десятилетий занимали очень ясную и вовсе не отрицательную позицию в европейских и специально немецких национальных вопросах". Бебель, который уже раньше высказывал свою готовность итти на защиту отечества, который на Эссенском партейтаге позорно вы-

ступил на защиту тогда еще только новичка-милитариста Носке против К. Либкнехта, уже тогда заговорил языком, напоминающим банкротство соц.-демократии 4-го августа 1914 г.

Революция выдвинула определенно иной лозунг. Уже уверенный манифест Циммервальда гласил: „Капиталисты всех стран утверждают, что война служит *защите отечества*...— они лгут". — Известно, что в дальнейшем слово „пораженец" сделалось кличкою для революционера, а „оборонец"—для контр-революционера. Не противоречием ли является то, что мы вдруг заговорили о защите отечества? Нет! После победы Октябрьской Революции тов. Ленин открыто заявил, что теперь рабочий имеет свое отечество Р. С. Ф. С. Р., которое он должен защищать, ибо он одновременно с тем защищает и революцию. Но еще в 1915 г. заграничный „Коммунист" (№ 1 и 2) писал, что „войны Великой французской революции также были большею частью справедливами войнами, и итальянские войны были „справедливыми" войнами. А могут ли иметь место „справедливые" войны теперь в империалистическую эпоху? Да, могут! Но только в двух случаях. *Первый — война победившего в какой-либо стране пролетариата, обороняющего завоеванный социалистический строй против других государств, отстаивающих капиталистический режим.* Второй— война Китая, Индии и т. д. стран, служащих об'ектами угнетения со стороны империалистических правительств". В такой концепции мы должны понять и слова „Коммунистического Манифеста", что пролетариат до победы над капитализмом не имеет отечества. И только!

По поводу Красной армии Каутский и товарищи упрекают нас в милитаризме. После сказанного для всякого ясен провокаторский смысл этих упреков. Пока победивший пролетариат имеет дело с капиталистическим противником, он должен защищаться теми же средствами, и было бы смешно и нелепо против пулемета выступать с косою и топором. Но состав армии трудящихся, ее командный состав, а вследствие того и внутренний строй, изменился до неузнаваемости. Количество превратилось в качество.

В таких условиях, конечно, разница большая между трудящимися и их классовыми противниками. Война Р. С. Ф. С. Р. всегда будет классовою, гражданскою войною, и поэтому нельзя в войсках признавать равноправия всех классов.

Бывают моменты и условия, когда спецы или иные лица другого класса по националистическим или иным соображениям могут честно участвовать в войне на стороне пролетариата. Их необходимо и приходится использовать, но это все-таки исключения. Чтобы из принадлежности к другому классу не создавать привиллегии свободы от воинской повинности, необходимо было установить правило, что на нетрудовые элементы возлагается отправление иных военных обязанностей. О прочих исключениях, в связи, напр., с религиозными убеждениями, мы уже говорили выше.

9. Национальное равноправие.

„РСФСР, признавая *равные права* за гражданами независимо от их *расовой и национальной принадлежности*, объявляет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привиллегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия“ (см. 22 конституции).

О национальном вопросе много писалось в буржуазной и с.-д. литературе. Буржуазия его и не думала решать, а, напротив, стремилась к тому, чтобы его обострять, ибо в буржуазном национализме и шовинизме она открыла удобное средство для прикрытия классовых противоречий. Мы уже видели, что нация, как единство классов, в этих случаях выдвигалась против обострения классовой борьбы, хотя бы в виде пресловутого „Burgfrieden“, „Union sacrée“ во время мировой войны. Социал-демократия прежней Австрии, представляющей особенные затруднения, как государство национальностей, пыталась составить национальную программу для соц.-дем. с целью решить национальный вопрос еще в буржуазном обществе путем образования особых национально-культурных об'единений. Но в результате получился полнейший раскол среди соц.-дем. партии Австрии по национальной линии. Нечто в том же роде внесла в до-революционной России еврейская организация Бунда еще до появления теории Реннера и Бауера. Но если теорию Реннера и Бауера можно было назвать переводом на интернациональный язык узко-австрийских особенностей, то ещё более исключительный характер имела программа еврейского Бунда в виду примеси известной доли религиозного вопроса. Ком-

мунисты, как и прежде большевики, сразу стали на точку зрения Маркса, что лишь „по мере исчезновения классовой вражды в нациях самих исчезнет и ненависть между различными нациями". Другими словами, лишь победа пролетариата приведет к разрешению национального вопроса.

Одну часть этого вопроса, о пролетариате и отечестве, мы уже рассмотрели вкратце в одном из предыдущих отделов. Здесь мы должны остановиться лишь на вопросе о национальном равноправии и в связи с ним на национальном самоопределении. Если мы сейчас в реферате о Лейпцигском с'езде независимых социалистов Германии читаем („Freiheit" от 11/I—1922 г.) пышные слова Криспина: „Капитализм разделил людей на нации и нации на классы. Народы отделены друг от друга политическими границами, соответствующими капиталистической идеологии национализма... *Мы не знаем немецкого отечества, наше* отечество—весь земной шар („die Erde" и только!), пролетариат (пролетариат-отечество?),—то это одна лицемерная словесность, не дающая ничего на деле. Но эти слова доказывают, что национальный вопрос еще требует подробного рассмотрения и что политика страуса, просто отрицающая вопрос*), есть та же политика, которая привела социал-демократию к краху 4 августа 1914 г.

Как многие другие вопросы, так и национальный вопрос меняет свой характер с победою пролетариата, но было бы крайне ошибочно полагать, что вместе с победою пролетариата в один миг исчезнет и национальный вопрос. Нет, как не прекратится сразу и классовая борьба. Но постановка вопроса будет совершенно новая.

Новую эпоху по национальному вопросу в России открывает резолюция летнего совещания Ц. К. Р.-С. Д.-Р. П. 1913 г., в которой, как результат многолетней литературной борьбы тов. Ленина, были изложены элементы истинно-социалистической программы по национальному вопросу, поскольку вообще „возможен национальный мир в капита-

*) Вспомним, что хотя бы вопрос об единстве Германии и немецкой Австрии является вопросом, который еще сыграет известную роль в Германии, а может быть не менее важна тенденция юга к отложению от Германской республики. Это вопросы, которые могут стать серьезными *национальными вопросами* даже в однородной по национальности Германии.

листическом обществе", Равноправие языков, обеспечение преподавание на всех местных языках, *отсутствие обязательного государственного языка, включение в конституцию* основного закона, об'являющего недействительными какие бы то ни было привиллегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства, широкая автономия и вполне демократическое местное самоуправление, слияние рабочих всех национальностей в единых пролетарских организациях, право на самоопределение, т.-е. на отделение и образование самостоятельного государства угнетенных национальностей—таковы эти принципы, которые впоследствии играли такую важную роль в российской и всемирной революции.

После февральской революции в России у власти стало истинно-шовинистическое Временное-Правительство и национально - либеральная буржуазия в национальном вопросе не нашла оппозиции даже среди с. - д и с. - р. министров. Истинно позорные слова манифеста об амнистии „преступников из воюющих с нами наций" и не менее шовинистическое отношение Временного Правительства в вопросах о самоопределении Финляндии, Украины (кадеты, в лице Струве и друг.—отрицали даже существование особой украинской национальности) и т. д. могут служить постыдным памятником на могиле этой коалиционной „революционной" власти.

Еще до войны в известной полемике тов. Ленина с меньшевиками, бунтовцами и с Розою Люксембург вопрос о самоопределении, в чисто буржуазном смысле государственной самостоятельности, был подробно рассмотрен. Но в этом споре речь шла больше всего о том, как должен понимать самоопределение марксист. Роза Люксембург в этом вопросе стояла за „автономию" и возражала против понимания этого слова в смысле отделения и ей достаточно было цитировать Маркса и Энгельса, а именно переписку их. В письме Энгельса к Каутскому (12 сентября 1882 г.) мы читаем: „По моему мнению, собственно колонии, т.-е. земли, занятые евпропейским населением,—Канада, Капская колония, Австралия, все станут самостоятельными... Индия, может быть, сделает революцию, даже вероятно, и так как освободившийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим фактом придется мириться, при чем, разумеется, не обойдется и без всяческой разрухи. Но подоб-

ные вещи неотделимы от всякой революции... Одно несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая тем своей собственной победы"... А относительно Ирландии из писем Маркса к Энгельсу (от 2 XI—1867 г.): „Я прежде считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Я ныне считаю *его неизбежным*, хотя после этого, может быть, образуется федерация", а 30/XI — 1867 года: „Спрашивается, что нам советовать английским рабочим. По моему мнению, они должны выдвинуть лозунг—„разрыв союза" с Англией... Опыт должен показать впоследствии, *сможет ли продолжаться личная уния* между этими двумя государствами. Я наполовину уверен, что да, если это будет сделано во время. Ирландцам нужно: 1) собственное правительство и независимость от Англии, 2) аграрная революция: 3) таможенные пошлины против Англии". И, наконец, от 10 декабря 1869 г.; „Это прямой и абсолютный интерес английского рабочего класса освободиться от нынешней связи с Ирландией... Английский рабочий класс никогда ничего не достигнет, пока он не развяжется с Ирландией"... Ведь, все, что здесь сказано, ныне исполнилось буквально: почти полная независимость Ирландии [на основах личной унии] и аграрная революция—только путем выкупа. А через день после соглашения об Ирландской республике—в Ирландии генеральная забастовка железнодорожников и еще других рабочих! надо ли еще напоминать, что Маркс отстаивал и самостоятельность Польши, ныне также сполна осуществленную. Но польские с.-д. слепо продолжали свою веру в автономию, и Роза Люксембург даже в своем посмертном издании еще критикует большевиков за их лозунг самоопределения. Это лучшее доказательство, как трудно побороть старые соц.-демократические предрассудки даже там, где они прямо противоречат словам Маркса и Энгельса.

После победы пролетариата вопрос стал в порядок дня и на деле. Мы уже видели в главе о декларации прав трудящихся, что Советская власть не поколебалась признать и буржуазное самоопределение Финляндии, Украины и т. д., подчеркивая тут же, что она в принципе стоит за пролетарское, т. - е. советское самоопределение. Она образовала новое ведомство — Народный комиссариат по делам национальностей, и поставила на этот пост ком-

петентного человека, тов. Сталина. Декларация Совета Народных Комиссаров о „правах народов России“ от 2 дек. 1917 г. „исполняя волю С'ездов“ и „исходя из необходимости открытой и частной политики, ведущей к полному взаимному доверию народов России, как условия „честного и прочного союза народов России“ на основах доверия—решило положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) равенство и суверенность народов России;

2) право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;

3) отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привиллегий и ограничений;

4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

В силу этой декларации 31/X—1918 г. (см. Собрание узаконений № 80, ст. 835) вышел декрет о школах национальных меньшинств, разрешающий всюду, где не менее 25 учеников известной национальности, открыть школы на своем родном языке и т. д.

Крупнейший шаг вперед делает программа РКП, принятая на VIII С'езде (1919 г.), ставя „во главу политику сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии“, провозглашает, что „в целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, *угнетавших* эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привиллегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, *признание за колониями и равноправными нациями права на государственное отделение*“, подчеркивая, что со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных и неполноправных“.

Одновременно выставляется, как одна из переходных форм на пути к полному единству—федеративное об'единение государств, организованных по советскому типу. В вопросе же о том, кто является носителем воли нации к отделению, программа руководствуется „степенью исто-

рического развития данной нации (на пути ли она от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской и пролетарской демократии)".

К национальному вопросу пришлось вернутся X С'езду (1921 г.), чтобы подробнее определить задачи РКП в России, где из 140 милл. населения 65 милл. *не* великороссы, и где разница между ступенями развития разных национальностей крайне велика. Резолюция, требуя искренних забот о поднятии уровня культуры и развития языка каждой национальности, одновременно предупреждает, как от течения, преуменьшающего его национальные особенности, так и от течения буржуазно-демокрктического лже-коммунистических элементов.

Надо признать, что националистические иллюзии—это тот же известного рода опиум для народа, против которого надо бороться решительно, но умело. Поэтому Коммунистическая партия для своей организации всюду требует *единства*, другими словами—и здесь отвергает об'явление вопроса „частным делом".

На основании этих принципов в России образовалось целых 26 отдельных федеративных или автономных частей и национальных коммун, о конструкции которых нам еще придется поговорить. Но, если обратить взор на восток и спросить, чем вызваны те симпатии к Советской России, которые господствуют среди народов востока, чем достигнута та революционность, о которой нам сообщают со всех концов колониального мира, то надо сознаться, что в значительной степени именно политикою РСФСР по национальному вопросу. И те же Криспины и Дитманы (независимцы Германии), которые на с'ездах декретируют *отмену национального вопроса*, а там же издеваются над революционными течениями азиатских народов, напоминают атеистов французских революций, провозглашающих веру в какие-то отвлеченные божества и преклоняющих колени пред алтарем „Разума".

Осталось эту практику по национальному и близко связанному с ним колониальному вопросам решить в мировом масштабе. Этим вопросом позанялся II С'езд Коммунистического Интернационала, и к принципам, принятым РКП и провозглашенным РСФСР, была прибавлена еще особая „обязанность пролетариата держав, имеющих колонии, выражающаяся в готовности терять эти колонии

и в решимости со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазиею, итти на величайшие жертвы ради свержения международного капитала". Признавая, что на первых порах революция в колониях и вообще отсталых странах не будет коммунистической, Коммунистическая партия не должна сливаться с буржуазной демократиею, а сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме и, поддерживая буржуазную революцию, вести свою самостоятельную пропаганду коммунистических идей. Цель ее—„стать во главе революции с самого ее начала и в качестве авангарда вывести революционные массы на верный путь",

Только такая диалектическая постановка национального вопроса может преодолеть этот сильнейший из предрассудков буржуазного мира, а не всякого рода примиренческое пустословие.

10. Положение иностранцев.

Мы читали громкие слова вождя независимых социалистов Германии, отрицающие для его партий государственные границы, как чисто капиталистическую идеологию. На деле эти границы существуют и вопрос об иностранцах вместе с тем. Поэтому интересно начать с небольшого факта.

Был случай, что два Советских государства приступили к заключению договора: это была РСФСР и Советская Финляндия. И когда дошли до пунктов о границах и о правах иностранцев, граждан договаривающихся стран, возникли существенные трения как раз со стороны более развитой капиталистически страны, Финляндии. Не будем останавливаться на вопросе о границах. Так как там решение вопроса зависело целиком от уступчивости России, то эти уступки были сделаны весьма легко и даже вопреки существенным экономическим интересам РСФСР по праву самоопределения крайне редкого населения Мурманского края. Не так легко было сговориться относительно взаимных прав граждан, ибо—и тут играли роль прошлое и боязнь уполномоченных Советской Финляндии пред „общественным" мнением буржуазии. Финляндия не соглашалась на особое расширение прав русских граждан. Тогда я предложил в заседании Совета Народных Комиссаров вне

сти в договор по отношению к финляндским гражданам нашу формулировку, а предоставить финляндцам внести относительно российских граждан свою формулировку. К этому предложению сразу присоединился тов. Ленин, и она была принята. Финские товарищи свое отношение к русским гражданам формулировали довольно таки неопределенно.

Когда читался в комиссии проект конституции, я предложил нашу формулировку из этого мирного договора внести в конституцию, как общее правило, и так получилась статья 20: „Исходя из солидарности трудящихся всех наций, РСФСР предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или не пользующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам без всяких затруднительных формальностей права российского гражданина".

И последняя часть этой статьи является лишь повторением того, что у нас уже существовало в виде особого декрета о приобретении прав гражданства (Собр. Узакон. № 31, ст. 405, от 5 апр. 1918 г.). Для этого иностранцу достаточно подать заявление местному, по месту жительства, совету с удостоверением его самоличности полноправными гражданами РСФСР и совет вправе выдать удостоверение о его российском гражданстве, Нар. Ком. Внудел. производит лишь регистрацию принятых вновь в гражданство. В исключительных случаях вступление в российское гражданство разрешается и пребывающим за пределами Республики, при чем это заявление подается чрез заграничного представителя РСФСР и рассматривается ВЦИК. Списки всех зачисленных в российское гражданство публикуются, а равно сообщаются государствам, к которым они прежде относились.

Еще одна статья (21) конституции имеет отношение к иностранцам: „РСФСР предоставляет ***право убежища*** всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления". И эта статья взята из существующего уже декрета от 28 марта 1918 г. о праве убежища (Собр. Узакон. № 41, ст. 519), по которому право убежища предостовляется в самых широких размерах иностранцам, привлекающимся на родине за пре-

ступления политического и религиозного порядка, при чем в случае пред'явления тем или иным правительством требования о выдаче таких лиц, таковые переходят на рассмотрение Нар. Ком. Инодел., который передает его в Нар. Суд для квалификации преступления: носит ли оно политический или религиозный характер или характер общеуголовного деяния? Против этой статьи возражали, что ею воспользуются контр-революционеры—иностранцы в случае революции в их странах, но едва ли эти возражения имеют серьезное основание. До сих пор, по крайней мере, эти опасения не оправдались.

Ни одна из существовавших до сих пор конституций не могла так далеко итти по отношению к иностранцам вообще, не говоря уже Советских государствах, которые, конечно, являются естественными союзниками Советской России. Только конституция 1793 г. во Франции с полным правом могла провозгласить: „Французский народ друг и естественный союзник свободных народов. Он не вмешивается в правительство других наций, он не потерпит, чтобы другие нации вмешивались в его правительство". Но и эта конституция свободу толковала, как свободу и безопасность частного права собственности. А преемники этих идей, нынешняя французская буржуазия (в лице Нуланса) требует интервенции (вмешательства) „в правитильство Советской России" во имя *„восстановления свободы труда и права частной собственности"*, поясняя эти слова там же: т.-е. „пока в России *предпринимателям* не будет *обеспечено право* фактически *руководить* своими рабочими и служащими и не будут установлены гарантии *независимого* суда": независимого от рабочих и крестьян России, а *зависимого* от Французской Республики в лице ее консулов, т.-е. в виде так называемой капитуляции (Правда № 35, 1922 г.).

11. Исключения.

Я должен сознаться, что с некоторым смущением я написал заказ в библиотеку на „труд" В. Гессена: „Исключительно положение" 1908 г., 410 страниц (!). „Теория исключительного положения", „догматическая его конструкция"—вот так наука! Я до тех пор думал, что такие научные книги могут быть в пренасыщенной специальною

литературою Германии, но в России? Правда, Щедрин про Россию вкладывает в перо „знаминитого иностранца" Шенапана описание единственной в России науки: „Гром победы раздавайся", но то было все-таки сообщение сатирика. Но в буржуазной науке действительно есть целая научная доктрина об „исключительном положении", и она начинается с того, что „теория различает две формы исключительного положения *военное* (осадное) положение и—*фиктивное* военное положение. И вот это *фиктивное* или малое осадное положение и есть *то реальное*, что ввела буржуазная демократия?

К. Маркс в своем „18 Брюмера" пишет: „Предки знатных республиканцев свой символ, триколору, заставили путешествовать по всей Европе. Они со своей стороны тоже сделали изобретение, которое само нашло путь через весь материк, но все с новой любовью возвращалось во Францию, пока оно ныне не приобрело право гражданства в половине ее департаментов—это осадное положение, славное изобретение, периодически применявшееся при каждом последовавшем кризисе в течение всей французской революции". Это, таким образом, весьма „реальное положение" есть то же самое, которое „теория различает как *фиктивное* военное положение." К. Маркс по поводу его в Германии даже писал: „вся наша конституция—это осадное положение".

Суть науки исключительного положения в том, что при нем „приостанавливается действие законов", даже, или именно „основных законов". Обосновывает его буржуазная наука теориею крайней необходимости, а с точки зрения политики права: ra ison d'être, т.-е. просто достаточным основанием для существования. Не надо думать, чтобы я шутил, делая эти выписки, хотя тут действительно трудно не писать ситиры. Но во всех этих рассуждениях ни словом не упоминается об интересах *класса*, применяющего в своей борьбе эту фикцию военного положения. Во всяком случае, каждый раз, когда во время „рабочих беспорядков", „смут" и т. д. вы читаете в газетах известия о том, что тот или иной король приостановил „конституционные гарантии", то вы, конечно, не имеете дела с гражданскою войною, а имеете пред собою лишь *фиктивное* осадное положение, однако, с вполне *реальными* арестами, расстрелами и т. п.! А чтобы не обидеть демократических рес-

публик, то возьмем цитату из „самой демократической", бывшей социалистической республики Германии о правах президента („рабочего" Эберта). Президент там приносит присягу пред рейхстагом, между прочим, в том, что обязывается *блюсти* конституцию и законы государства". А ст. 48 ему предоставляет право: „Если в германской республике серьезно нарушена *общественная* безопасность и *порядок*... отменять, полностью или частично, *основные права*, установленные в статьях (идет перечень статей) сей конституции". Как Борис Годунов, отправляя убийцу к царевицу Дмитрию, трижды многозначительно повторяет: "ты *блюди* царевича, *блюди*"!

Таковы фикция и действительность буржуазной демократии. Нам в конституции *гражданской войны* не надо было строить особой теории исключительного положения, ибо гражданская война это и есть крайний предел исключительного положения. И мы все-таки в своей конституции для трудящихся пытались установить то, что мы называем революционною законностью. Одно исключение мы были вынуждены сделать и здесь и при том вполне искренно и откровенно. Это—в статье 23, гласящей: „Руководствуясь интересами рабочего класс в целом, Р.С.Ф.С.Р. лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции".

VII. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО СТРОЯ.

А. Территория и население.

Мы уже видели в самом начале, что ныне необходимым признаком всякого государства признается территория и нация, т.-е. ее население. Нам здесь приходится сказать лишь несколько слов про разделение территории и расчленение населения Р.С.Ф.С.Р.

а) Разделение территории.

Всякое государство при своем возникновении получает в наследство известное доисторическое или историческое деление территории часто весьма случайное. Но история здесь, как нигде играет громадную роль. Ныне, когда жизнь государства определяется, в первую голову, экономикою,

это историческое деление имеет много неудобств, но деление это связано с существующими экономическими центрами, железными дорогами и пр. сооружениями, которые не так-то легко переносить. В этом отношении новые страны, как, напр., Америка, имеют громадное преимущество.

В России мы имеем деление государства на губернии, уезды, волости и села. Известно, что последнее деление является остатком феодального строя, когда волость и село было связано с мызою и ее помещиком. Некоторые уездные города превосходят ныне во всех отношениях губернские центры. Средства сообщения прежде создавались по чисто случайным, иногда стратегическим, иногда просто личным соображениями. С другой стороны, ныне уничтожены существовавшие прежде автономные об'единения: княжества, провинции и т. д, при чем весьма существенную роль играли тенденции обрусения.

Такая основательная революция, как Октябрьская, дожна была произвести коренную ломку и в этом делении государства. Первая тенденция заключалась в образовании больших областных об'единений. Это несколько напоминало историческое прошлое, когда стихийно образовывались все более и более обширные „владения" княжества. Но вскоре эта тенденция была изжита, и в конституции мы уже читаем довольно ограничительное толкование допустимости областных об'единений: „Советы областей, отличающихся *особым бытом и национальным* составом, могут об'единяться *в автономные областные союзы*". Некоторым поворотным пунктом в осуществлении этого ограничения количества областей можно считать декрет ВЦИК от 23 декабря 1918 г. (Собр. Узак № 99, ст. 1019), по которому Московская область упраздняется немедленно, а остаются Уральское, Западное и Северное об'единения". „Основная задача областных об'единений заключается в быстром, неуклонном проведении в жизнь предначертаний Центральной Сов. власти", пишется в ст. 4, редактированной в выражениях несколько до-революционных.

Начало 1919 г. является периодом образования на территории бывшей Российской империи самостоятельных государств советского типа: Финляндия, Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Туркестан, и 1-го июня 1919 г. (Собр. Узак. № 21, ст. 264) опубликован декрет ВЦИК о стратегическом и экономическом союзе этих

государств, за исключением Финляндии, окончательно отделившейся.

1920 и 1921 г.г. являются периодом образования из состава до-революционной России новых *национальных* республик, автономных областей, коммун и т. д., по национальному признаку, о которых нам еще придется говорить особо.

Наконец, параллельно идет, в связи с новыми течениями экономической жизни, новое об'единение по линии комбинирования хозяйственных единиц в противоположность прежней чрезмерной централизации ведомственной (напр., ныне Северо-западная область с Петроградом).

Что касается *губерний*, то таковые в общем остались прежние, но из прежних уездных центров выростали *новые губернии*, пока, наконец, IX С'езд (1921 г.) не остановил этого роста губерний, приняв противоположное решение: „признать необходимым *сократить* количество губисполкомов путем соединения соседних губерний, связанных между собою удобными путями сообщения и родственных в хозяйственном отношении". (Предложение, вышедшее из среды с'езда, гласило: вместо 80 губ. оставить лишь 40). Конечно это решение не задержит рационального постепенного перераспределения территории Сов. России соответственно жизненным экономическим требованиям.

Административное разделение Республики и утверждение областных об'единений подлежит ведению Всероссийск. С'езда или ВЦИК. Но еще декретом от 27 января 1918 г. (Собр. Узак. № 21, ст. 318) Совет Нар. Ком. отнес право решения об изменении границ губерний, уездов, волостей и т. д., а также о разделе их к местному соглашению с требованием лишь сообщения в Нар. Ком. Внудел о каждом изменении и с оставлением за собою верховного контроля. По 15 июля 1919 г. (Собр. Узак. № 36, ст. 356) это право было вновь перенесено в центр, а именно на разрешение Нар. Ком. Внудел.

Относительно *волостей* это изменение потребовалось во избежание беспрерывных случайных изменений по чисто местным, особенно земельным соображениям, а, главным образом, вследствие чрезмерного увеличения числа новых волостей (в некоторых губерниях их количество удвоилось). Раньше тут требовалось лишь постановление волостного исполкома или с'езда и утверждение уездного с'езда. Теперь

необходимо решение волостных с'ездов или уездных, если об'единяются волости разных уездов; эти решения с заключением губ. исполкома поступают на окончательное утверждение Нар. Ком. Внудел.

Большие неудобства создавало то обстоятельство, что отдельные ведомства делили территорию еще по своему: на особые районы и т. п. VII С'езд остановил такое административно-хозяйственное деление по отдельным отраслям хозяйства или управления, предоставляя подобное право лишь Сов. Нар. Ком. по обсуждении вопроса всеми заинтересованными исполкомами и Народными Комиссарматами.

Соответственно такому территориальному делению Советской России происходит и конституция местных советов.

б) Население.

О делении населения мы в конституции находим лишь очень немного слов. В то время как прежде существовало сложное деление юридическое—по сословиям, ныне осталось лишь деление экономическое—классовое. Мы уже видим, что в конституции I Врем. Правительства (буржуазного). 3 п. гласил: „отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений“; но сословия сами остались и под этой декларацией красовалась чисто „сословная“ подпись: *Князь* Львов.

Октябрьская революция сразу уничтожила экономическую основу сословий. отменяя остаток феодализма, земельную собственность. А один из первых декретов (С. У. № 3, стр. 31) и юридически отменил „все существовавшие доныне в Росси сословия и сословные привиллегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины: „Одновременно уничтожаются всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименование гражданских чинов (тайные, статские и пр. советники) и устанавливается одно общее для всего населеиия России наименование—граждан Рос. Республики».

С этого времени у нас остается лишь экономическое деление на классы имущих и неимущих и экономические категории, рабочий, крестьянин и т. д. А коренное различие нового строя заключается в том, что ныне все политические права присваиваются как раз *неимущим*.

Б. Организация Советской власти.

(Особая часть конституции, ст. 24—31, 53—60).

Мы при конструкции Советской власти исходим от нисшей ее ячейки—сельского и городского совета. Мы уже видели, что сила советского строя в том и заключается, что частицы власти тесно связаны между собою снизу до верху. Наша конституция выдвигает принцип тесного и постоянного контакта, живой связи центра с местами, недопускающей никакого застоя в кровообращении государственного „организма". Она придает особое значение тому, как бы побольше заинтересовать самые низы в участии во власти. Тогда как в буржуазной демократии, говоря словами Маркса в его „Гражд. войне", „один раз в три или шесть лет решается вопрос, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (ver-undzertreten) народ в парламенте", Советская конституция вводит перевыборы на каждом очередном с'езде, свободное право отзыва своего выборного и возможно широкое участие во власти самих масс.

а) Советы—нисшая ячейка.

В *селениях* (деревнях, селах, станицах, местечках, городах с населением менее 10.000 человек, аулах, хуторах и пр.)—советы депутатов образуются по расчету 1 депут. на каждые 100 чел. населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов на каждое селение на 1 год (до IX с'езда на 3 месяца), при чем в тех сельских местностях, где это будет признано осуществимым, вопросы управления разрешаются общим собранием избирателей данного селения непосредственно (ст. 57 Конст.).

В *городах* советы рабочих и красноармейских депутатов образуются по расчету 1 депутат на каждые 1000 человек (в городах с населением менее 10.000 жит.—по расчету 1 депутат на 100 человек, не менее 3 и не более 50, как и в селениях), при чем VIII с'езд предлагает образовать городские советы во всех селениях городского типа (фабрично-заводских поселках). На основании постановления VIII с'езда, ВЦИК циркуляром от 9 февр. 1921 г. предлагает немедленно восстановить городские советы

в уездных центрах, где таковые временно бездействовали, и организовать их там, где таковые не были еще организованы.

Городские советы губернских городов избирают свои исполнительные комитеты, если таковые не слиты с губернскими или уездными исполкомами. Количество членов гор. исполкомов определяется по одному на 50 членов совета, не менее, однако, 3 и не более 15, за исключением лишь Петербурга и Москвы, где число это не должно быть выше сорока. В уездных городах своих исполкомов по общему правилу нет. Уездные исполкомы и их отделы своим аппаратом охватывают всю территорию уезда, включая и город. На президиум уездного исполкома и возлагается созыв городского совета и руководство его работою.

В фабрично-заводских поселках и безуездных городах Советы избирают исполкомы, количеством не более 7 человек.

б) С'езды и их исполкомы.

Кроме сельских и городских советов *больше советов* нет. *Высшие* советские органы *называются с'ездами* и их исполкомами. В порядке постепенности с'езды располагаются следующим образом: 1) сельские советы одной волости избирают *волостной с'езд* по расчету 1 депутат на 100 жителей; 2) все имеющиеся на территории сельские советы (по 1 депутату на 1000 жит. сел.), и все советы городов и фабрично-заводских советов, а равно и советы фабрик и заводов (по 1 делегату на 200 избирателей, но не свыше 300 депутатов на весь уезд) — в *уездный с'езд*; 3) городские советы, советы фабрично-заводских поселков с населением свыше 5000 жит. и волостные с'езды избирают *губернский с'езд* по 1 депутату на 10,000 жит. от вол. с'ездов, а от советов городов и фабрично-заводских поселков, фабрик и заводов, стоящих вне поселений—1 депутат на 2000 избирателей, но не свыше 300 депутатов. Если уездные с'езды собирались непосредственно перед губ. с'ездом, выборы от волостей производятся не волостными с'ездами, а этими уездными с'ездами. Губернские города, не имеющие советов, посылают на Губ. С'езд по 1 депутату на 10.000 жителей.

Разница между советами и с'ездами заключается в

том, что депутаты советов избираются *на определенный срок* (1 год), в течение которого они регулярно собираются на заседания, делегаты же с'езда избираются только *на каждый с'езд*, т.-е. *на одну сессию*, и расходясь теряют свое звание, оставляя лишь избранный ими исполком.

Рассмотрим в отдельности каждый из этих с'ездов:

1. Волостной с'езд советов

Волостной с'езд созывается 1 раз в год (прежде—каждые 3 месяца) его исполкомом. Он составляется из представителей всех сельских советов, находящихся на территории волости, а где нет советов и дела ведутся общим сходом селения, от общего собрания избирателей, в количестве одного делегата на 100 жителей. В этом отношении VII С'езд внес изменение в ст. 53 Конст., которая определила эту цифру *в 1 делегата на 10 членов сельского совета.*

Волостной с'езд избирает свой исполком сроком на 1 год (до IX С'езда на 6 месяцев.).

2. Уездный с'езд.

Уездные с'езды составляются по конституции и внесенным VII и IX С'ездами изменениям из представителей сельских советов по расчету 1 депутат на 1000 жителей и от городов, имеющих менее 10.000 жителей: от всех советов городов и фабрично-заводских поселков, а также от советов заводов, стоящих вне поселений, по 1 депутату на 200 избирателей, но не свыше 300 депутатов на весь уезд. VII С'езд внес то изменение, что на уездный с'езд посылают представителей *все советы городов и фабрично-заводских поселков*, не исключая и уездного города, по норме одного делегата *на 200 избирателей.* Там, где вместо сельских советов существует собрания всех избирателей, они посылают соответствующих депутатов и на уездный с'езд.

Уездный с'езд избирает до следующего очередного с'езда Исполнительный Комитет, число членов которого не должно превышать 20, но и внеочередному с'езду принадлежит право перевыборов, а равно ему такие перевыборы может предложить вышестоящий исполком.

3. Губернский с'езд.

Губернский с'езд состовляется, по решению VII С'езда, из представителей городских советов, советов фабрично-заводских поселков с населением свыше 5000 жит. и от волостных с'ездов. Норма представительства VII С'ездом несколько изменена сравнительно с Конституциею и составляет: от вол. с'ездов по 1 делегату на 10.000 жит., от советов городов и фабр.-заводских поселков по 1 делегату на 2000 избирателей. Губернские города, неимеющие советов, посылают по 1 делегату на 10.000 жит. В общей сложности не должно быть больше 300 делегатов.

Если уездный с'езд советов созывается пред самым губ. с'ездом, то выборы *от волостей* производятся не вол. с'ездами, но уездным с'ездом.

Губ. с'езд избирает губ. исполком, число членов которого—не свыше 25 чел.

4. Областной с'езд.

Областные с'езды где таковые имеются, составляются из представителей городских советов и уездных с'ездов советов по расчету—1 делегат на 20.000 жит., а от городов по 1 дел. на 5.000 избирателей, но не более 500 делегатов на всю область. Но если губ. с'езды собираются непосредственно пред областным с'ездом, то из представителей губ. с'ездов советов по той же норме.

И областной с'езд избирает свой исполком, число членов которого не должно превышать 25 челов.

5. С'езды советов федеративных частей Республики.

С'езды советов отдельных республик избираются по нормам областных или губернских с'ездов. Они избирают свои местные Ц. И. К-ты, а с'езды или их Ц. И. К. посылают своих представителей на Всер. С'езд и *в В. Ц. И. К.* Особенности их будут рассмотрены особо.

6. Всероссийский С'езд Советов.

Всероссийский С'езд Совет Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов составляется из представителей:

1. Городских советов по расчету — 1 депутат на 25.000 избирателей.

2. Представителей губ. с'ездов советов, по расчету 1 депутат на 125.000 жителей, при чем в случае, если губернский с'езд советов не предшествует Всер. С'езду Советов, то делегаты посылаются непосредственно уездными с'ездами, в случае же, если Всер. С'езду непосредственно предшествует областной с'езд, то делегаты *могут* быть посланы областным с'ездом.

Всероссийский С'езд по конституции (изменение 1921 г.) созывается не реже одного раза в год (прежде 2 раза). Фактически за последние годы он уже собирался лишь один раз в год. Чрезвычайный С'езд созывает В. Ц. И. К. по собственному почину или по требованию советов местностей, насчитывающих не менее 1/3 части всего населения Республики.

Всероссийский С'езд Советов избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, по решению IX С'езда вместе с представителями прочих республик в количестве 386 членов (по первоначальной конституции 200). К ним избираются кандидаты, в настоящее время в количестве 127 человек.

Такова конституция Советской власти. Права и функции этих органов мы рассмотрим в следующих главах.

Для полного выяснения конституции Советской власти мы должны еще рассмотреть избирательное право в советы и самый порядок выборов.

В. Советские выборы.

(Конституция ст. 64—78).

а. Избирательное право.

Маркс приводит слова Гамильтона по поводу отмены в некоторых Сев. Ам. Штатах избирательного ценза: „Толпа одержала победу над собственностью и богатством". В самом деле, не отменена ли частная собственность, если неимущий сделался законодателем для имущего. Ведь, ценз это—последняя политическая форма признания частной собственности (см. Маркс, Nachlass, 1.407.) Но Маркс там же показывает, что эта отмена ценза означает лишь перенесение частной собственности из области политики в

частную жизнь, т.-е., напротив, именно ее укрепление так же, как, напр., отмена различий рождения, сословия, образования и профессии в смысле политического ценза отнюдь не означает отмены фактических различий по профессии, образованию, сословию, рождению.

Несмотря на формальную отмену имущественного ценза, явно и скрыто всюду оставалось фактическое неравенство избирательного права. И это фактическое неравенство даже там, где избирательное право было равное, всегда *дает* при самой широкой буржуазной демократии *большинство*, т.-е. власть *незначительному меньшинству имущих*.

В действительности всюду в буржуазном обществе в той или иной форме еще существует известный *имущественный ценз*, ибо ценз, частная собственность, является тем показателем, который вообще определяет удельный вес гражданина в буржуазном обществе. Этому *имущественному* цензу буржуазного государства советский строй противопоставляет „безимущественный“ ценз, ценз бедноты. Английская буржуазия ругала своих рабочих „poors“ (бедными, нищими), Германия то же самое делало по отношению к крестьянам, называя их „Armen“. В советском строе самое бесспорное избирательное право принадлежит бедноте, и имущество представляет собою обстоятельство порочащее, как средство эксплоатации. Если буржуазные конституции весьма часто физическую работу, производительный труд ставят избирателю в минус и, напротив, признают иногда многократные (плюральные) голоса за лицами с большими доходами, то советская конституция, наоборот, условием избирательного права ставит производительный труд и лишает этого права того, кто живет на непроизводительный, нетрудовой доход. Потерявшего имущественный ценз, т.-е. обанкротившегося буржуа, его демократия лишает права голоса; избиратель, потерявший трудовой ценз, т.-е. потерявший трудоспособность, не теряет своего избирательного права в советском строе. В буржуазном строе лишают права голоса того, кто по бедноте получает пособие, у нас ему отводится почетное место. Наконец, буржуа лишает права голоса самую живую часть общества,—молодежь, а также обыкновенно и солдат; у нас они в избират. списках занимают видное место.

По нашей конституции избирательное право не делится

на активное (право избирать) и пассивное (право быть избранным). „Правом избирать и быть избранными в советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, *оседлости* и т. п., следующие *обоего пола* граждане Р.С.Ф.С.Р., коим к дню выборов *исполнилось 18 лет*:

а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда (т.-е. жена или даже чужое лицо, ухаживающее за детьми работницы, занятой производительным трудом и т. п.);

б) солдаты советской армии и флота;

в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пунктах „а“ и „б“ настоящей статьи, потерявшие в какой нибудь мере трудоспособность;

г) также иностранцы, проживающие на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащие к рабочему классу или к непользующемуся чужим трудом крестьянству.

Местные советы с утверждения центральной власти могут *понижать* установленную выше *возрастную норму*.

Не могут избирать и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий:

а) прибегающие к *наемному* труду *с целью извлечения прибыли*.

б) лица, *живущие* на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступлений с имуществ и т. п.;

в) частные *торговцы*, торговые и коммерческие посредники;

г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;

д) служащие и агенты бывшей полиции *), особенно

---

*) ВЦИК и Всер. С'езд Советов, конечно, вправе отменить эти ограничения избирательных прав вообще или по отношению к отдельным лицам. Постановление Президиума ВЦИК от 29 августа (Собр. Уз. № 62, ст. 440)—1921 г. раз'ясняет, что „максимальную осторожность и осмотрительность необходимо соблюдать при *восстановлении в правах* лиц служивших в прежней полиции и жандармерии“. Поэтому

корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома;

е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекою;

ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

Какова критика советского избирательного права? Прежде всего, ее *несправедливость* по отношению к меньшинству, т.-е. имущему классу, живущему не на свой труд, а на нетрудовой доход. Я понимаю, если такую критику выдвигают буржуазные классы. Они повторяют лишь то, что делали и делают рабочие в буржуазном обществе по отношению к ним. В буржуазном обществе рабочий класс требовал *для себя таких же прав*, какими пользуется буржуазия, но он и *не думал проверять, все ли имущие элементы действительно обеспечены равными правами*. Каутский называет себя представителем рабочего класса, но он *борется в первую голову в интересах меньшинства, т.-е. буржуазии*. Я в первой части своей работы о марксовом революционном понимании классовой борьбы показал, чем об'ясняется уступчивость класса угнетателей пред эксплоатируемым классом: он не имеет возможности стремиться к полному уничтожению эксплоатируемого класса. Наоборот, эксплоатируемый класс должен боротся за беспощадное уничтожение класса угнетателей. Вот где кроется тайна, почему рабочий класс может требовать от буржуазии, находящейся у власти того, чего он никогда и не обязывается, сам ставши у власти, предоставлять буржуазии. Мы в буржуазном строе требуем общих и равных прав и получаем их *не по доброй воле буржуазии*, но только под давлением сил пролетариата; мы в советском строе, по крайней мере — в первую очередь, обезпечиваем права рабочего класса, и только! Путь к избирательному праву в буржуазном обществе недоступен для неимущего если он зависит от имущественного ценза: ибо еще Маркс сказал: „На чем основывается частичная, только политическая ре-

---

подобное восстановление допустимо лишь по постановлению ВЦИК или его Президиума, но „по получении постановления о реабилитации того или иного лица, *прошлое должно быть предано полному забвению* и должны отпасть ограничения для выполнения соответственной советской работы".

волюция? На том, что часть буржуазного общества достигает общего господства; на том, что один определенный класс, исходя из своего особого положения, предпринимает всеобщее освобождение общества. Но *этот класс освобождает общество лишь в том предположении, что все общество находится в положении этого класса*, т.-е. имеет деньги и образование *или по своему усмотрению может таковые приобрести*". Это предположение в буржуазном обществе не что иное, как невыполнимая иллюзия.

В советском строе, наоборот, переход к трудовому цензу, т.-е. к производительному или общеполезному труду, *вполне свободен* и действительно *по усмотрению* каждого может быть выполнен.

А лишая избирательных прав лиц, живущих на нетрудовой доход, мы можем сослаться на истину, открытую еще великим „материалистом" XV стол. Маккивелли, что „истинно свободное государство невозможно в странах, где находится *много граждан*, живущих *не своими трудами, но от своих нетрудовых доходов*". (Цитирую по А. Менгеру „Neue Staatslehre", стр. 239).

В одной из своих скороспелых статей последнего времени, явно заказанных против большевиков, Каутский (Kampf, 1921 г., № 12) поставил своею целью выяснить вопрос: кто является рабочим? Он эту статью написал по поводу советского избирательного права. Как всегда, он начинает с анекдота. Советская конституция, мол, руководится старою немецкою пословицею: „Nur die sollen mitraten, die auch mitraten". „Только тех допустить к совещанию советов, которые участвовали в их трудах". Каутский находит: *„очень верный принцип"*... „но, продолжает он, вот в чем беда: как установить *в точности, кто является рабочим"?* Он написал целую статью и не нашел *„юридически* пригодного решения этой „премиальной" задачи" (Preisfrage). Кто об'явил для него премию за решение этой задачи, мы не знаем, но можно только сказать, что эта его работа премии не заслуживает, как крайне поверхностная.

Каутский начинает с понятия производительного труда и находит, что это у экономистов считается очень спорным вопросом. Как известно, Марсс в своем „Капитале", т. 1, дает два понятия производительного труда. В отделе об абсолютной и относительной прибавочной стоимости, Маркс

показывает, что „в кооперативном процессе труда“ „достаточно быть органом коллективного рабочего, выполнять одну из его подчиненных функций“. Но имеется и другое, более узкое понятие производительного труда, как *производящего для капиталиста прибавочную стоимость*. Каутский Маркса знает наизусть и, конечно, знает и это место, тем более, что он отсюда и берет пример учителя и лишь от себя прибавляет двух кухарок, из которых одна готовит в ресторане, а друга дома. Мы в советской конституции, конечно, не имеем основания отдать предпочтение второму, более узкому понятию.

Но мы не только прибавили на всякий случай и труд „общественно-полезный“, но еще и перечислили лиц, занятых домашним хозяйством, обеспечивающих для первых возможность производительного труда. Этими признаками советская конституция, написанная для рабочего России, а не для „защитника рабочего класса“ в Германии, Каутского, достаточно выпукло выразила свою мысль. Но, по-видимому, кто-то из рабочих Конституционной Комиссии почуял будущие возражения Каутского и прибавил еще примерный перечень: рабочие и служащие всех видов и категорий, занятых в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и проч., крестьяне и казаки-земледельцы, не-пользующиеся наемным трудом, с целью извлечения прибыли“. Это пояснение, в связи еще с точным *перечнем исключений*, достаточно выясняет наш трудовой избирательный ценз.

Но Каутский доводит свою защиту класса капиталистов до конца. „Нет сомнения, власть капиталистов велика. Но она не лежит в их количестве, а *в их влиянии* на другие классы и на последнем месте—на сам пролетариат“. „Они (значит и пролетариат) продолжают *стоять на коленях перед буржуазными кумирами*, тут не поможет никакое лишение избирательного права нерабочих. *Рабочие сами вновь воздвигнут сверинутых кумиров*“. Каутский говорит правду о влиянии буржуазии, но он клевещет на рабочих, предсказывая *восстановление кумиров, или салили* свергнутых. Трудно только свержение, а в момент, когда кумиры, напр., германская буржуазия, будут свергнуты, на коленях пред ними останутся лишь одни Каутские.

Часто ставится вопрос: как будет с этою частью советской конституции после об'явления нового курса? Пока,

сколько мне известно, не предполагается изменить конституцию в пользу капиталистов и спекулянтов. *Сущность нового курса заключается как раз в сохранении рабоче-крестьянской власти.*

б) Порядок выборов и проверка мандатов.

Критике подвергается не только система нашего избирательного права, но и порядок выборов, так как они производятся путем многостепенного, а не прямого и тайного голосования. Тут обыкновенно вносится много путаницы, и сравниваются вещи несравнимые, почему необходимо подробнее остановиться на этом вопросе.

Советская конституция не предрешает порядка выборов и предписывает лишь „выборы производить, *согласно установившимся* обычаям, в дни, установленные местными советами, в присутствии избирательной комиссии и представителя местного совета, а в случаях, когда присутствие представителя Советской власти оказывается технически невозможным, его заменяет председатель избирательной комиссии, а за отсутствием такового — председатель избирательного собрания.

Тут нет ничего вымышленного. Так производились советские выборы с первого дня их возникновения и только это и было записано в конституции.

Каутский тут страшно боится фальсификации выборов со стороны правительства. Он противопоставляет советской системе *„независимый от правительства* парламент", члены которого свободно контролируют правительство и его бюрократию, почему они и должны выбираться тайным голосованием и пользуются неприкосновенностью (за исключением, конечно, коммунистических депутатов!). Когда-то Каутский писал: „С другой стороны, правда, что парламентаризм представляет собою *буржуазное средство господства*, имеющее тенденцию *всех депутатов, в том числе анти-буржуазных*, из служителей народа превратить в его господ, но одновременно и в *прислужников буржуазии*". („Neue Zeit", XXIII, стр. 364, „Die Republik und die S.-D. in Frankreich"). Вот каков независимый аппарат контроля под диктатурою буржуазии!

В советском строе рабочий депутат контролирует рабочее же правительство. Зависимость имущественная от власти отпала. Но влияние свергнутого кумира осуще-

ствляет еще тайком, укрываясь от глаз товарищей, заинтересованных в том, чтобы кто-нибудь не пытался тайком восстановить этих низвергнутых кумиров. Но вообще избирательная система советская и буржуазная—вещи несравнимые: в буржуазном общеетве все делается для сохранения власти буржуазии, в рабочем государстве—наоборот, для власти пролетариата.

У нас выборы многостепенные, а не прямые, кроме низшей ячейки, и они у нас производятся *по организациям* труда (фабрикам, заводам, советам, с'ездам). Но надо же понять всю эту систему, чтобы убедиться в том, что она именно несравнима с буржуазною системою.

Находятся люди, утверждающие, что наша система похожа на систему не то куриальную, не то сословную (к этим критикам, конечно, принадлежит и Каутский). Но в самой буржуазной литературе давно уже господствует недовольство нынешнею парламентскою системою и поднимаются голоса в *пользу представительства отдельных об'единений интересов*. До сих пор история знала представительство интереса лишь по группам либо материальным (например, сословным), либо духовным (напр., церковь, университет), либо совместной жизни (т.-е. общин). Советы являются *организациею классовою* и при том организациею *классового господства пролетариата*.

С этою предпосылкою надо считаться. И поэтому все доводы о том, что в групповом представительстве необходимо распределить группы, сословия или классы *по их социальной силе*, отпадают: в советах представлен *один только трудовой элемент*, классовый интерес одного рабочего класса и трудящегося крестьянства. Равным образом отпадают и возражения, что „государство должно быть нейтральным элементом, и критерием государственной деятельности должно быть не благо отдельного сословия или класса, а общее благо народа", и „тот факт, что депутаты избираются различными общественными классами, является могущественною сдержкою узкосердечной классовой политики" *). Это все подходит для лицемерного буржуазного

---

*) См. Meyer, „Das parlamentariche Wahlrecht".

*) В Великой французской революции 1789 г. эти местные выборщики не разошлись окончательно и после того и являлись первою местною властью революции.

государства, но не для пролетарской диктатуры переходного времени. Только для буржуазной науки „классовое представительство кажется искусственным".

Что касается многостепенности выборов, то в ней, как я уже сказал, всегда шла речь лишь об искусственном создании второй степени избирателей (выборщиков) весьма часто путем внесения особого, повышенного ценза для выборщиков. Если не считать Северной Америки, где сенат составляется из представителей от законодательного органа каждого штата, то *первые двухстепенные выборы* французской конституции 1791 г. *дали неожиданно революционный результат.*

Буржуазная наука выставляет два критерия для пригодности того или иного порядка выборов:

1) „связь с избирателями;

2) система, по которой важнейшие интерресы страны имели бы защиту и выражение в Палате".

Можно ли говарить о связи депутата с избирателями в буржуазном парламентаризме, где не существует права отзыва депутата, да и не может существовать при пропорциональной системе выборов или вообще при системе списков, а не отдельных кандидатур. Как раз в советах существует право отзыва. Выборы производит *не особенное собрание выборщиков*, но советский с'езд после обсуждения всех деловых вопросов. И это как раз гарантирует верное представительство интереса, но только интереса трудового. Существовало еще одно возражение в пользу прямых выборов—это известность избираемого лица. Всюду господствуют ныне партийные списки и голосуется не столько лицо, сколько партия.

Остается открытое голосование. Конституция этого вопроса *не предрешает.* Обычай ввел голосование открытое.

Если обратиться к порядку выборов в буржуазном строе, то о нем имеются целые горы литературы. Мы здесь лишь вкратце остановимся на выборах по общему, равному, прямому и тайному голосованию и о пропорциональном представительстве. В чем коренное отличие этого избира-

---

из которой вышли революционные коммуны и их секции. Это напоминает несколько историю наших советов, только наоборот: советы из местной власти превращаются в коллегии избирателей для центра.

тельного права от советского. *В индивидуальном* представительстве в первом случае, а *в колликтивном* — во втором.

Почему наши выборы, хотя и *более общие*, чим в буржуазной демократии, *не всеобщие*, я уже говорил. И вопрос о равенстве здесь отпадает, потому что в советском строе экономическое неравенство и при частичном возвращении к капитализму безусловно менее влияет на независимость неимущего, чем в чисто капиталистическом обществе.

Остаются *прямые* выборы и *тайное* голосование. Прямые выборы противопоставляются степенным в том виде, как они существовали при выборах в Думу, т.-е. через особых выборщиков или в порядке искусственной постепенности. Но это возражение вовсе не относится к представительству *в федеральном* учреждении (напр., в Американском Сенате по 2 представителя от штата). Значит, не относится и к советским коллективным выборам. Если признать систему советов, то *иной системы* выборов и нет.

Тайное госование требуют неимущие в буржуазном государстве из-за своей экономической зависимости. Но буржуазия имеет средство держать в страхе и зависимости и при тайном голосовании, расшифрование которого составляет особое искусство буржуазных руководителей выборами. Впрочем тайное-ли или открытое голосование, Конституциею *не предрешено*.

Защитники этих систем хотят достигнуть связи представителей с избирателями, а такая связь достигается лишь в советах и при праве отзыва.

Наконец, много разговоров о пропорциональности выборов. Наша система признает и фактически проводит пропорциональные выборы, не останавливаясь на сложнейших способах фальсификации пропорциональных выборов (как, напр. подвижные списки кандидатов и т. д.).

По конституции подробный порядок выборов, а равно и участие в них профессиональных и иных рабочих организаций определяется местными советами согласно инструкции В.Ц.И.К. Общей инструкции до сих пор не выработано, но на основании постановления VIII С'езда Советов, ныне В.Ц И.К. выработана инструкция о порядке выборов в сельские советы. Что же касается выборвв в

городские советы, то циркулярное постановление Президиума В. Ц. И. К. от 8 февраля 1921 г. поручает губисполкомам создать губернские избирательные комиссии с привлечением к участию в них представителей губернских советов проф. союзов. Впредь до выработки общей инструкции порядок выборов и норма представительства в них красноармейских частей определяются местными инструкциями, которые должны быть разработаны губисполкомами в соответствии с конституцией и сообразно всей совокупности местных условий.

Эта инструкция публикуется в местных органах печати и препровождается через Наркомвнудел для сведения в Президиум В. Ц. И. К. О волостных выборах нам придется еще побеседовать.

Проверку мандатов производит совет или с'езд сам, для чего весь материал по производству выборов направляется туда. Для проверки мандатов с'езд или совет избирает мандатную комиссию, которая о результатах проверки докладывает совету. Совет или с'езд решает вопрос об утверждении или неутверждении спорных мандатов. В случае неутверждения того или иного мандата, совет назначает новые выборы.

В случае неправильности выборов в целом—вопрос об отмене выборов разрешается высшею по порядку Советской властью. Последнею инстанциею по кассации советских выборов является В. Ц. И. К.

Избиратели, пославшие в совет депутата, имеют право во всякое время *отозвать* его и произвести новые выборы, согласно общему положению. Если мы видели, как буржуазная наука для правильного народного правительства требует тесную связь его с избирателями, то здесь она на лицо. *Право отзыва* потерявшего доверие депутата является лишь дополнением к общим перевыборам советов через каждые 12 месяцев.

VIII. КОНСТРУКЦИЯ ВЛАСТИ.

А. Разделение властей.

Одним из символов веры *буржуазной демократии* еще поныне служит теория разделения властей, как основной гарантии политической свободы. Этою теориею пользуются для затушевывания классового характера всякого

государства, а между тем эта теория сама является ни чем иным, как теориею классовой борьбы. Если отбросить Аристотеля древней Греции, который в таком разделении властей на совещательную, исполнительную и судебную видел лишь просто деление функций государства, т.-е. техническое разделение труда, то первым такое деление выдвинул Джон Локк. Но Джок Локк был идеологом английской революции, и он свою теорию разделения властей выдвинул как раз *для оправдания парламента* в его споре с Яковом II, т.-е. самого острого проявляния борьбы классов, исходя от понятия естественного права человека.

Теория разделения властей Монтескье, на которую, главным образом, опираются все демократы и прогрессисты, коренным образом отличается от теории Локка. Но она, прежде всего—теория контр-революционная, реакционная. Кто читал хотя бы Маркса (его „Теории о приб. стоимости"), знает, что Монтескье был противником революции бедноты, он стоял за богатых. Он и теорию разделения властей выдвинул в целях спасения *хотя бы частицы королевской власти*. И он ссылался на практику английского парламента—только в защиту не революции, но контр-революции. Он не строит теории мирного развития, он, напротив, исходит от „всеобщей, как внутренней, так и внешней войны людей", ибо, по его теории, „соединение людей в общество и порождает войну". Напугав своего читателя этою общею войною, Монтескье и об'ясняет, что важен не вопрос о том, в чьих руках власть, всех, некоторых или одного, но в том, *как она организована и обставлена*. Говоря о политической свободе, Монтескье имеет в виду безопастность (sûreté) гражданина и находит, что существенною гарантиею всех видов свободы и безопасности граждан может служить разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную.

Отстаивая исполнительную власть, как самостоятельную власть, Монтескье защищал частицу классового господства, класса землевладельцев - дворян, во главе с королем, против грядущего класса буржуазии, требующего для себя *организованного* участия во власти, т.-е. конституции и ограничения монархии. Мы, таким образом, видим, что Джон Локк пользовался в защиту буржуазной революции в Англии тою же теориею разделения властей, как и Монтескье в защиту короля и класса дворянства против бур-

жуазии. А демократы из нее сделали средство примирения всех классов.

В действительности государственная власть—за исключением лишь переходных эпох двое или многовластия—*всегда едина*, нераздельна, если рассмотреть ее, как господство класса. В Англии было время единовластия короля (с дворянством или без него), и было время полноты власти парламента („omnipotentia parlamenti), что означало сначала диктатуру дворянства, „лордства", как результат победы его над королем в открытой гражданской войне. В дальнейшем мы видим борьбу классов уже внутри парламента между дворянством и буржуазиею, но и тогда решающие моменты разыгрываются *вне* парламента: Английская революция, Чартистское движение и т. д. Значит, вместо равновесия раздельных властей, всегда *преобладает* над всеми одна лишь власть. А даже современные буржуазные демократы, напр., проф. Макс Вебер, откровенно признает: в современном государстве действительное господство, конечно, не проявляется ни в парламентских дебатах, ни в посланиях монарха а в *действительном осуществлении управления* (Handhabund der Verwaltung), что означает те же слова Дайси, что в Англии вся власть в руках кабинета министров или, вернее, его председателя.

Единая власть осуществляет всю власть в ее целом, как власть классовую. Это означает *классовой* состав исполнителей этой власти, как законодательной, так и исполнительной и судебной.

1. Монарх (царь, император, король князь и т. д.) и суррогат его—президент республики.

Первая форма классового господства—монархия. Не противоречие ли это? Нет, мы уже видели, что означала эта первоначальная манархия: союз вассальных государств (волостных или более крупных размеров). Если мы читаем (напр., Градовского) про английскую монархию прошлого, то мы узнаем, что рядом с королем и его двором были, десятки и даже сотни баронов, которые жили в пышных и укрепленных замках, где каждый барон имел не только свою фантазию, но и свой двор, своих должностных лиц и служащих людей. Но мы уже видели, что аппетиты верховного сюзерена возрастают на счет вассалов, что при-

водит к борьбе—и и в результате в Англии привело к парламенту. Король теряет значение, сводится к нулю—его власть переходит к назначенному от парламента кабинету. Всемогущество парламента! Еще Энгельс (в 1844 г.) писал про Англию: „Власть короны на деле сводится к нулю, и если еще нужны доказательства для такой бесспорной истины, то одного того факта достаточно, что уже более 100 лет, как прекратилась всякая борьба против короны и даже радикально—домократические элементы (напр. Чартисты) находят лучшее употребление для своего времени, чем подобную борьбу... Но чем незначительнее монархический элемент стал в действительности, тем он значительнее стал для англичанина... (Идут слова, уже цитированные выше)... Слово король это—суть государства, как слово бог означает сущность религии, хотя оба слова и ровно ничего незначат".

В таких же пределах, от всемогущества до полного ничтожества, колеблется власть монарха в прочих государствах. Он, прежний хозяин, даже фиктивный собственник „всей земли", помазанник и заместитель бога,—сохранил всюду звучные титулы и громкие права: представлять государство, об'являть войну и заключать мир, назначать все чиновничество, главное командование войсками и т. д. и все это *безответственно!* Значит, суверенная власть все еще в руках монарха. А где нет монарха т.-е. в республике, там стараются создать суррогат (подделку) монарха в лице президента республики (во Франции, Германии, Америке и т. д.) с теми же „прерогативами", т.-е. преимущественными правами.

Но еще Антон Менгер писал: „Правильнее всего признать, что государь является сувереном лишь в том случае, если соотношение сил в государстве таково, что он в случае нужды может с успехом произвести государственный переворот (coup d'etat), народ же является суверенным, если он в силах произвести успешную революцию". А другой буржуазный писатель*) пишет еще более совре-

---

*) Theodor Duimchen „Monarchie od. Mamonarchie", 1908. Он приводит остроумную историческую параллель: „Каллигула в Риме прекратил формально республику тем, что назначил свою лошадь консулом Римской республики; вскоре Рокфеллер будет назначать своих „ослов" на европейские троны".

менно: „Уже сегодня король, м. б., бессознательно, царствует не милостью божиею, но только милостью капитала. Но вскоре все содержание государства улетучится, и не останется ничего, кроме дикой (brutale), исполнительной власти на службе действительной, т.-е. денежной, внутренней и иностранной плутократии".

„Король царствует", но не управляет. Он давно вместо дани со всего государства получает лишь *определенный „выкуп" жалованье.* (Civilliste) на себя, семью и на двор. А управляет государством „от его имени"—кабинет министров и председатель кабинета министров, который, как ответственное лицо *), подписывает даже „тронную речь", произнесенную королем. Он сам и не говорит, а читает или разрешает прочесть ее. Для чего он? И еще больше может интересовать нас вопрос: для чего нужно было после смены короля изобрести суррогат его? Когда III Республика во Франции ввела звание президента на 7 лет, безответственного с правами главнокомандующего, с правами роспуска палаты и назначения чиновников, т.-е. главы исполнительной власти, то один из деятелей III Республики (Brie) выразился: „Национальное собрание III Республики считало с самого начала, что без исполнительной власти, сжатой в кулак (einheitlich zusammengefasst) и способной на энергичные действия, не обойтись". Всем известно, что монархические фракции таким путем расчитывали восстановить монархию. А в Германии? Зачем там такие же права при рабочем президенте Эберте? А между тем и Мильеран во Франции и Эберт в Германии **) только „царствуют", а не управляют. Управляет же класс капиталистов.

2. Парламент и парламентское правительство.

Парламенту, по Монтескье, была предназначена исключительно законодательная власть. Но во первых,—законы вырабатываются, главным образом, министерствами, а пар-

*) Как понимается эта ответственность в революционное время, показывают учащающиеся убийства первых министров взамен цареубийства.

**) Еще в сентябре 1921 г. председатель кабинета министров Германии обещал внести особую статью в защиту политической чести президента республики, т. е. Эберта. Эта статья ныне уже внесена и списана с прежнего закона об оскорблении его величества (см. „Rote Fahne" от 16 сентября 1921 г.).

ламент лишь принимает (с поправками или без оных) или отвергает их. И суть парламентаризма отнюдь не заключается в одном законодательстве. Там, где парламенту отведена лишь законодательная роль, нет парламентского режима, а есть лишь *конституционный режим*, т. е. исполнительную власть назначает монарх, и она независима от парламента. В лучшем случае там парламенту принадлежит право возбудить судебное преследование против правительства. А судьи кто? И, наконец, лишь одна часть законодательной власти—право утверждения или неутверждения бюджета—может оказать известное давление на правительство—надо сказать откровенно—сейчас весьма слабое. Но законодательную власть с парламентом разделяют и кабинет министров и судебные места.

Где существует *парламентский режим*, там министерство в действительности назначается и увольняется (путем выражения недоверия) парламентским большинством, а при партийном режиме—партиею или коалициею партий господствующего класса. Члены парламента независимы, пользуются иммунитетом, то есть предание их суду зависит от (простого или увеличенного, так называемого квалифицированного) большинства парламента, получают обыкновенно диэты, т.-е. содержание в виде суточных или в виде твердого жалованья, при чем оклады эти бывают весьма солидные *). Все это в связи с ролью посредников и ходатайств, которую они охотно принимают на себя, чтобы обеспечить свои перевыборы, превращает их в ненавистных для трудящихся дельцов, к которым весьма подходит известная оценка Маркса. Их независимость, (их отозвать нет возможности до срока) и так называемый парламентский кретинизм, т.-е. „болезнь, лишающая их всякого понимания внепарламентской действительности", превращает их в глазах широких масс в пустых болтунов и продажных дельцов. Парламент постепенно теряет всякое реальное значение и, так как ко всему сказанному еще присоединяется прямой подкуп со стороны финансового и прочего

*) В истории Англии мы читаем из в. XIII и XIV ст. документа о том, что „община выговаривает себе условие, чтобы посылаемый депутат не съедал более полбоченка сельдей в месяц, а некоторые общины по бедности совсем отказались посылать своих депутатов" (см. Градовский).

капитала, то вся власть переходит на исполнительную власть, или вернее—составляющие ее партии.

Но бывают и моменты революционные, когда в стенах парламента отражается внепарламентская борьба за власть между классами или группами класса. Таковы были эпохи борьбы между *двумя палатами* парламента, *верхнею* или „господскою" (в Англии—палатою лордов) и *нижнею*, где представлены разные группы буржуазии. Но с появлением на сцене пролетариата –борьба между двумя палатами, как представительницами лишь двух фракций той же буржуазии, и всякие иные серьезные разногласия прекращаются, и верхняя палата приобретает ореол сдерживающего начала против „крайних" элементов.

Такова *действительность* буржуазной демократии.

3. Независимый суд.

Третьею независимою властью в программе демократов показан „независимый" суд. Это означает в действительности суд, назначаемый буржуазиею из рядов ее же класса, не исключая и классового состава так называемого „народного" элемента, присяжных заседателей, которым, впрочем, политических дел по общему правилу все-таки не доверяют.

Маркс еще в своих первых работах высказал мысль, повторенную им неоднократно впоследствии, о смешных словах про беспартийный независимый суд. „Какая глупая, нереальная иллюзия вообще беспартийный суд, если законодатель сам партийный. К чему беспристрастное судебное решение, если закон сам пристрастен. Впрочем, этот вопрос с принципиальной стороны мною рассмотрен в моем „Общем учении о праве".

Так исчезает функция разделения властей, как гарантия какой бы то ни было свободы. И трезвый буржуазный демократ, как, например, цитированный мною выше проф. Макс Вебер, прямо заявляет, что нынешние парламенты исжили себя, „парламент должен быть не болтающим, а работающим парламентом, т.-е. парламентом, *контролирующим* управление в *беспрестрастном сотрудничестве* с ним". А „в управлении будущее принадлежит бюрократии". К бюрократии мы еще вернемся. Здесь нам остается поговорить еще.

4. О партиях.

Власть безусловно реальная в классовом обществе это —партия. Политическая партия это—организация класса или части класса для борьбы за политическую власть или для организации этой власти. Некоторые буржуазные ученые политической партии даже приписывает роль юридического лица, другие признают ее, по крайней мере, оффициальным фактором государственной жизни (проф. Г. Мейер). К значению партий мы еще вернемся, ибо „демократия" ее в схему разделения властей не вводит; она, напротив, как бы игнорирует эту реальную власть.

Б. Государственный строй Р.С.Ф.С.Р.

а) Всероссийский С'езд Советов Раб., Крест., Красноармейских и Казачьих Депутатов.

(Конституция, статьи 24, 30, 34 и 51).

„Всероссийский С'езд Советов является *высшею властью Р.С.Ф.С.Р.*" (ст. 24). Это—верховная власть в самом истинном значении слова. Он собирается один раз в год на кратковременную сессию, а „*чрезвычайный* С'езд созывается В. Ц. И. К. по собственному почину или по требованию Советов местностей, насчитывающих не менее $^1/_3$ всего населения Республики" (ст. 27). Для суверенной власти не существует иных ограничений, кроме тех, какие она сама на себя накладывает. В период между С'ездами высшею властью Республики является Всерос. Центральн. Исполнительн. Комитет. При таких условиях не было надобности перечислять предметы их ведомства, а если такой перечень все-таки был дан в конституции, то по чисто практическим соображениям, чтобы местные советы раз на всегда знали, что относится к *ведомству центра*, т.-е. что из'ято из ведения мест. При том ст. 50 присовокупляет, что сверх перечисленных вопросов ведению Всерос. С'езда и В. Ц. И. К. подлежат все вопросы, *которые они признают подлежащими их разрешению*".

Ст. 51 одновременно определяет, что: 1) установление, дополнение и изменение *основных начал* Советской Конституции и 2) *ратификация* мирных договоров подлежит *исключительно* ведению Всерос. С'езда Советов. В *осталь-*

ном изменение конституции принадлежит В.Ц.И.К. а по ст. 52 и установление, и изменение границ, а равно и отчуждение части территории Р. Р. и принадлежащих ей прав, и об'явление войны, и *заключение* мира, т.-е, его ратификацию, может разрешить и В.Ц.И.К., *но только при невозможности созыва* Всер. С'езда Советов. Так мы знаем, что для ратификации такого спорного мира, как Брéстский, был экстренно созван III С'езд Советов, но довольно многочисленные мирные трактаты с прочими государствами были ратифицированы В.Ц.И. К-ом.

Как я уже сказал, по практическим соображениям, особенно еще в условиях российской действительности, было признано полезным дать перечень компетенции Всер. С'езда Советов и В.Ц.И.К. Я на этих отдельных пунктах остановлюсь лишь вкратце:

а) утверждение, изменение и дополнение конституции Р.С.Ф.С.Р., о которых я уже говорил. Но я уже сказал, что никакого квалифицированного большинства или даже референдума для ревизий конституции не требуется;

б) общее руководство всей внешней и внутренней политикою Р.С.Ф.С.Р. и соответственно тому:

в) сношения с иностранными государствами, об'явление войны и заключение мира, т.-е. другими словами, перенесение на Всер. С'езд и В.Ц.И.К.—права представлять государство, принадлежащего монарху или заменившему его президенту республики и

г) назначение и смещение как отдельных членов Сов. Нар. Ком., так и всего Совета Народн. Комиссаров в целом, а также утверждение председателя Сов. Нар. Комиссаров, а равно и

д) общее государственное законодательство.

Далее вопросы, относящиеся к территории и населению Республики как во внешних, так и внутренних отношениях:

е) установление и изменение *границ*, а равно и отчуждение частей территории Р.С.Ф.С.Р. и принадлежащих ей прав;

ж) принятие в состав Р.С Ф.С.Р. *новых сочленов* Сов. Республики и *признание выхода* из Рос. Фед. отдельных частей ее, т.-е. *утверждение самоопределения* таких частей;

з) общее административное разделение территории Республики и утверждение областных об'единений,

и) установление границ и компетенции областных союзов, входящих в состав Р.С.Ф.С.Р., а равно и *разрешение споров между* ними.

Сюда же относится: создание общих постановлений о приобретении и утрате прав гражданства и о правах иностранцев.

Для защиты территории необходима *оборона*, а по союзному договору от 1 июня 1919 г. военное дело для всей Федерации является общим, под единою командою; разумеется, что необходимо отнести к ведению центра и

к) установление *основ организации* вооруженных сил Р.С.Ф.С.Р.

План народного хозяйства для всей Федерации должен быть единым, почему Всер. С'езду Советов и ВЦИК принадлежит:

л) установление *основ и общего плана народного хозяйства* и отдельных его отраслей по всей территории Р.С.Ф.С.Р.

м) утверждение бюджета Р.С.Ф.С.Р.

н) заключение *займов*, таможенных и торговых договоров, а равно финансовых соглашений;

о) утверждение *общегосударственных* налогов и повинностей и,

п) установление и изменение системы мер, весов и денег на территории Р.С.Ф.С.Р.

Наконец, надо упомянуть из правовой области еще специально:

р) судоустройство и судопроизводство, гражданское и уголовное законодательство и

с) право амнистии, общей и частной.

Как я уже сказал, от С'езда и В.Ц.И.К. зависит, в расширение своей компетенции, принять к своему разрешению и всякий другой вопрос.

б. „Рабочий парламент" — ВЦИК.

(Ст. 31—34 конституции).

Мы видели, что С'езд Советов выбирает ВЦИК из 386 членов и 127 кандидатов. ВЦИК является „высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом

РСФСР. ВЦИК дает общее направление деятельности Рабоче-Крестьянского правительства и всех органов Советской власти в стране, об'единяет и согласует работы по законодательству и управлению и наблюдает за проведением в жизнь советской конституции, постановлений Всер. С'ездов Советов и центральных органов Советской власти".

Советский строй и советская конституция отказывается от всяких „президентов республики", а равно от буржуазной теории разделения властей и откровенно признает *носителем всей власти в стране* ВЦИК, как это прежняя теория признавала и за английским парламентом, ибо еще Блекстон признавал за парламентом „деспотическую" власть, всемогущество (omnipotentia), чего, как мы уже видели, нельзя сказать про нынешний английский парламент, где властвует министерство или, вернее, империалистический капитал.

У нас первоначально роль ВЦИК понималась в том смысле, что он состоит из небольшого числа членов (200), большею частью находящихся в центре, а именно, представителей центральной власти, т.-е. отделом ВЦИК или Народных Комиссаров и членов их коллегий с меньшинством провинциальных представителей, из коих по одному депутату от каждой губернии предполагалось всегда на лицо в центре. ВЦИК был как бы перманентен, т.-е. всегда на лицо. Его заседания созывались срочно, по мере надобности, а во времена, когда фронт отнимал массу ответственных людей, довольно нерегулярно.

Еще до VII С'езда возникла мысль превратить ВЦИК в „рабочий парламент" (изречение тов. Ленина). Первый шаг в этом направлении заключался в введении сессионной системы. VII С'езд постановил: ВЦИК созывается президиумом *каждые два месяца на сессионные заседания* чрезвычайные заседания созываются по инициативе президиума ВЦИК, по предложению Совнаркома или по требованию 1/3 членов.

Это начало получило дальнейшее развитие на IX С'езде, постановившем, что „ВЦИК созывается Президиумом ВЦИК на сессионные заседания не менее 3 раз в год, при чем устанавливается, что в *целях подробного* обсуждения вопросов сессии ВЦИК созываются на более продолжительные сроки". Сверх того после С'езда созывается сессия ВЦИК для образования Президиума ВЦИК, Совета

Нар. Ком. и комиссий ВЦИК. Об этих постоянных комиссиях я уже говорил. Чрезвычайные заседания ВЦИК созываются по инициативе президиума ВЦИК, по предложению Сов. Нар. Ком. или по требованию одной трети членов ВЦИК.

Но, кроме этого нововведения, Ком. партия выдвинула новый организационный принцип для ВЦИК, который ныне и проводится в жизнь. По этому принципу громадное большинство членов ВЦИК должно быть из рабочих и крестьян и в особенности с мест. Из Наркоматов, как общее правило, не должно более одного депутата приходиться на каждый комиссариат. Фактически их выбирают фракции Коммунистических и других, если таковые имеются, партий по пропорциональной системе, но это, как мы уже видели является необходимым придатком любой дисциплинированной партийной политики. Списки эти утверждаются С'ездом.

Мы имеем за собою лишь два года опыта „рабочего парламента", при чем первая половина этого периода прерывается еще внешним фронтом, и лишь год чисто новой практики. Но мы по этой кратковременной практике уже можем наметить, какова будет новая линия развития, и мы уже можем сопоставить практику нашего „рабочего парламента" с буржуазным парламентаризмом.

По положению В. Ц. И. К. действительно принадлежит вся нераздельная верховная власть, как по законодательству и контролю, так и исполнительная. Но мы знаем, что свою исполнительную власть В. Ц. И. К. по общему правилу сам не осуществляет, а образует лишь Народные Комиссариаты, т.-е. *свои отделы* и утверждает в качестве заведующих этими отделами Наркомиссаров, а равно председателя Сов. Нар. Ком... В. Ц. И. К. по конституции принадлежит право *в любое время* отозвать одного из Комиссаров или весь состав Совнаркома. В остальном он ограничивается направляющею и *контролирующею* ролью. Но надо сознатся, что в этой области, особенно в порядке контроля, В. Ц. И. К. сделал большие шаги вперед. Система комиссий для ревизии и обследования и всестороннее обсуждение деятельности своих органов либо в открытом заседании, либо в закрытом заседании Ком. фракции (обыкновенно с участием беспартийных и представителей других советских партий) завоевывает себе твердую почву. А еще VIII С'езд поручил ВЦИК усилить контроль В. Ц. И. К. над работой

ведомств и местных советов, в осуществление чего на сессии ВЦИК регулярно ставить отчеты Нар. Ком-атов, доклады предварительного обследования их работ специальными комиссиями, а также отчеты отдельных Губисполкомов. В период между двумя С'ездами должно быть произведено обследование всех важнейших Нар. Ком-атов.

Но в то время, как в буржуазном парламентаризме, по крайней мере, нынешней формации все сводится к формализму и потокам красноречия, здесь преобладает чисто деловое отношение к вопросам. Поэтому редакционная деятельность по отношению к законопроектам (а в этом, ведь, вся суть трех или более чтений буржуазного парламента) в ВЦИК до сих пор занимала сравнительно очень небольшое место. Но там, где *силен* парламент, всюду главную роль как раз играет *его контроль* над правительством, который там, в виду запросов и выражения доверия или недоверия, превратился в игру около министерских мест. Вспомним слова хотя бы того же проф. Вебера (см. выше) „о контроле в постоянном сотрудничестве с управлением", как об идеале реформы буржуазного парламентаризма.

Я не берусь предрешать, каково будет дальнейшее развитие ВЦИК. Сейчас мы можем только констатировать, что его реальная сила крепнет, и повидимому развитие по направлению „рабочего парламента" намечено правильно. Но тут не вносится искусственное противоречие между ВЦИК и его отделами. Каждый шаг в направлении обособления Наркоматов и Совнаркома, как органов исполнительной власти, от ВЦИК, как органа законодательного, был бы шагом назад к буржуазному парламенту. Мы поэтому должны подробнее рассмотреть, как законодательные, так и исполнительные функции ВЦИК и его отделов.

Но здесь остается сказать еще несколько слов о Президиуме ВЦИК. О Президиуме в Конституции не содержится ни одного слова, и он создался так сказать стихийно. Получилось в некотором роде не то двоевластие, не то двухпалатная система из Президиума ВЦИК и Сов. Нар. Ком. Были предложения, в видах уничтожения параллельной работы, об'единить Президиум ВЦИК и Совнарком в одном учреждении. Это предложение было отклонено, как некоторые думают, просто из-за заграницы: что подумают, мол, иностранцы при об'единении в одном лице Президента Рес-

публики (так называют заграницею иногда нашего Председателя ЕЦИК) и Президента кабинета министров (там, по общему правилу, так понимают наш Совнарком). Одним словом, это предложение было отклонено, и приступили к регламентации ведомства Президиума ВЦИК.

Первые шаги сделал в этом отношении VII С'езд Советов (1919 г.) в 8 статьях, отчасти само собою разумеющихся: Президиум руководит заседаниями ВЦИК, подготовляет материалы для заседаний, вносит проекты на рассмотрение пленума ВЦИК, наблюдает за исполнением его постановлений, ведет сношения от имени ВЦИК; все эти первые 5 функций принадлежали ему и по неписанной конституции. Дальше шли уже пункты с особыми правами:

6) является руководящим центром *по инструктированию* всей работы, как в центре, так и на местах (см. ниже: Нар. Ком. Внудел);

7) рассматривает ходатайства о помиловании, утверждает награждение орденом Красного Знамени (это функции, так сказать, исторические, вытекающие из функций представления государства).

8) Между заседаниями ЕЦИК Президиум имеет право *утверждать* постановления Сов. Нар. Комов, а также *приостанавливать* его постановления, перенося их на разрешение ближайшего пленума ВЦИК, и назначать Отдельных Нар. Комиссаров по представлению Совета Нар. Ком.

„Естественно было то, что, возлагая на Президиум такие ответственные функции, пришлось итти один шаг дальше. Во первых, в связи с введением сессионной системы для ВЦИК (см. ниже), пришлось определить на VIII С'езде о рассылке за две недели до сессии опубликованных проектов важнейших декретов, обязательно подлежащих рассмотрению ВЦИК. Давались и иные поручения самостоятельно или вместе с комиссиями по обследованию Наркоматов, почему необходимо было и постановление: „поручить ВЦИК выделить из своего состава достаточное количество работников для постоянной работы Президиума, считая эту их работу основной".

Одновременно VIII С'езд расширил функции Президиума, предоставляя Президиуму право *не только* приостанивливать, но и *отменять* постановления Сов. Нар. Ком.,

а равно и издавать, в порядке управления, необходимые от ВЦИК постановления с обязательством представлять доклады о своей работе в очередные сессии ВЦИК.

Далее, Президиуму доверяется:

1) разрешение вопросов и конфликтов, косающихся взаимоотношений между Наркоматами, Главками и Центрами, с одной, и местными исполкомами, с другой стороны;

2) разрешение вопросов административно-хозяйственного деления РСФСР;

3) отмена постановлений всех местных с'ездов и исполкомов и президиумом последних.

Сверх того, ему поручается подготовка Всер. С'езда Советов и опубликование за месяц до с'езда материалов дла С'езда.

IX С'езд в связи с введением и усовершенствованием сессионной системы вводит организацию *постоянных бюджетной, федеральной* и других *комиссий*, которые работают под председательством одного из членов Президиума ВЦИК.

Мы видим, что мы вплотную подошли вновь к вопросу о параллелизме между этими *новыми комиссиями* и учрежденными на 2-ом С'езде Советов, *комиссиями*, как назывались тогда нынешние Народные Комиссариаты или, по словам конституции, отделы того же ВЦИК. Параллельно ли пойдет эта работа, в виде как бы двухпалатной системы, в порядке ли подчиненности или, наконец, придется проделать новое слияние, покажет будущее. Надо отметить, что уже ныне Нар. Ком. Внудел служит исполнительным органом по наблюдению за организациею и деятельностью местных органов управления.

Надо сказать еще несколько слов о наших „рабочих парламентариях", членах ВЦИК. В конституции о них говорится только в одной статье 36: „Члены ВЦИК работают в отделах (Народных Комиссариатах) или выполняют особые поручения ВЦИК". Эта характеристика уже показывает, какая разница между этими двумя направлениями „парламентаризма", *болтающего и работающего*.

Если мы обращаемся к „наказу ВЦИК", утвержденному ВЦИК в 1919 г. (с. у. № 68—69, ст. 595), то мы там в положении о членах ВЦИК читаем, что члены ВЦИК не могут быть подвернуты аресту без согласия Президиума или Председателя ВЦИК и предаются суду лишь по поста-

новление ВЦИК и его Президиума („иммунитет"). Члены ВЦИК не имеют права отказываться от тех или иных поручений, даваемых Президиумом. Члены ВЦИК обязаны присутствовать в заседаниях пленума или отделов и комиссий, в которых они работают. Члены, пропустившие 3 заседания без указания уважительных причин, считаются выбывшими и *заменяются кандидатами*, равно как и члены, неявившиеся на заседания заменяются кандидатами.

Члены ВЦИК от имени ВЦИК могут выступать лишь по особым мандатам от Президиума. Члены ВЦИК имеют право от всех советских учреждений РСФСР, по пред'явлении своих мандатов, получать все необходимые им справки, кроме секретных данных по военному ведомству. Они пользуются совещательным голосом на всех заседаниях местных советских учреждений.

Члены ВЦИК (а равно кандидаты) получают, где бы они ни работали, жалованье от ВЦИК по ставкам членов ВЦИК. Получение дополнительного жалованья воспрещается. Кроме того они, получают билет на бесплатный проезд по железным дорогам и водным путям, а телеграммы, посылаемые членами ВЦИК по адресу ВЦИК, принимаются бесплатно за счет ВЦИК.

Члены президиума сверх того немедленно пропускаются во все без исключения советские учреждения РСФСР по пред'явлении своего мандата, без каких бы то ни было пропусков, установленных для данного учреждения.

в) Совет Народных Комиссаров (Сов. Нар. Ком).

(Конституция, ст. 35).

Я уже описал в главе о конституции, как возникло учреждение Совета Народных Комиссаров и их „Комиссий". Совнарком является первым верховным органом и по настоящее время играет первенствующую роль. Было бы неправильно назвать его в целом одною лишь исполнительною властью. Он был и, как мы увидим дальше, является и ныне также законодательным органом. Но, заменяя прежния министерства, новое учреждение приняло некоторые качества прежнего Совета министров, о чем будет речь еще ниже. Совнарком состоит из Народных Комиссаров, Председателя Совнаркома и двух его заместителей с правом рещающего голоса Сов. Нар. Ком.

Когда Комиссия по выработке конституции приступила к редактированию соответствующих статей, она встретилась с большими затруднениями, как без ущерба для авторитета учреждения внести его в схему Советской власти. Прошло предложение тов. Свердлова и Аванесова: „Отделы ВЦИК (Народные Комиссариаты) — для руководства отдельными отраслями". „Сов. Нар. Ком. принадлежит *общее управление* делами РСФСР, в *осуществление* чего он издает *декреты*, распоряжения, инструкции и вообще принимает меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни", сообщая о всех своих постановлениях немедленно ВЦИК. Все постановления и решения Сов. Нар. Ком., имеющие крупное общеполитическое значение, представляются на рассмотрение и утверждение ВЦИК, но *мероприятия* требующие *неотложного выполнения*, могут быть осуществлены Совнаркомом *непосредственно*. ВЦИК, конечно, вправе отменить и приостановить всякое постановление и решение Сов. Нар. Ком.

При Сов. Нар. Ком. состоят следующие центральные учреждения:

а) Малый Совет.

Малый Совет, первоначально „Комиссия при Совнаркоме", по положению от 18/X—1921 г. образован „для подготовки и детальной разработки вопросов, подлежащих разрешению С. Н. К. в порядке законодательном и для разрешения в порядке управления дел", направленных туда постановлением ВЦИК, СНК и СТО, а равно возбужденных Наркоматами, ВЦСПС и по собственной его инициативе, при чем Губисполкомы свои вопросы вносят через НКВД. Сверх того, на нем лежит наблюдение за исполнением Наркоматами постановлений Совнаркома. Вопросы государственной обороны и иностранной политики вносятся в Малый Совет лишь по особому постановлению СНК или его председателя. Малый Совет состоит из председателя и представителей ВЦСПС, НКФ, Н.К. Прода, НКТ, НКЮ, Наркомнаца, Наркомзема и двух членов по назначению СНК. В случае протеста какого-либо ведомства или вообще стороны решение Малого Совета переносится на разрешение СНК. При отсутствии такого протеста решение *законодательного характера* представляется Председателю Совнаркома, который подписывает его от имени СНК или передает

на рассмотрение СНК. Решения распределительного характера вступают в силу немедленно, но могут быть обжалованы Совнаркомом или ВЦИК, смотря по тому, к ведению которого из учреждений относится дело.

б) Совет Труда и Обороны (Сто).

Совет Труда и Обороны действует на правах комиссии Сов. Нар. Ком. в составе Председателя—Председателя Сов. Нар. Ком., его заместителя, назначенного Сов. Нар. Ком. и Народных Комиссаров: по Военным Делам, ВСНХ, Нар. Ком. Труда, Путей Сообщения, Земледелия, Продовольствия, Раб. Кр. Ин. и одного представителя ВЦСПС, а с совещательным голосом — Управляющего Центр. Статистическим Управлением.

„Совету Труда и Обороны принадлежит согласование и усиление деятельности ведомств в области обеспечения обороны страны и хозяйственного строительства". „В осуществление возложенной на него задачи СТО издает постановления, распоряжения, инструкции и принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого ее выполнения". „Для всех ведомств и учреждений, центральных и местных, постановления СТО безусловно обязательны". „Решения или постановления СТО приостанавливает или отменяет ВЦИК и Сов. Нар. Ком., как по протесту отдельных Нар. Комиссаров, так и по своему усмотрению" (см. Собр. Узак. № 1, ст. 1—Пост. VII С'езда Советов). 17 марта 1921 г. (Собр. Узак. № 38, ст. 203) при СТО образована *особая общеплановая комиссия*. Наконец, с введением новой экономической политики наказом от 9 августа 1921 г. (Собр. Узак. № 69, ст. 403)—общее руководство экономическою политикою сосредоточивается в СТО (см. выше главу 11,д.). 24 января 1922 г. издан наказ о разграничении дел между СНК, Малым Советом и СТО, который я в подробностях здесь привести не могу. Этот наказ имеет в виду устранение параллелизма.

в) Народные Комиссариаты и их Коллегии.

При каждом Нар. Комиссаре *имеется коллегия, члены* которой *утверждаются Сов. Нар. Ком.*

Нар. Комиссар вправе *единолично* принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего Нар. Ком-ата, доводя о них до сведения Коллегии. В случае несогласия Коллегии с тем или иным решением Нар.

Комиссара, Коллегия может, не приостанавливая исполнения, обжаловать его в Сов. Нар. Ком. или в Президиум ВЦИК. Такое же право обжалования принадлежит отдельным членам коллегии.

Звание Нар. Комиссара принадлежит исключительно членам Сов. Нар. Ком., ведающим *общими делами РСФСР*, и никаким иным представителям Советской власти, как в центре, так и на местах, присвоено быть не может (ст. 48). Это постановление потребовалось в виду чрезвычайной популярности названия Нар. Ком., так что таковые появились не только в областях, но даже в губерниях и волостях. Сейчас звание Наркомиссаров сохранилось еще *в федеративных частях* Республики, то есть в известной мере и на местах.

В. Техническое распределение функций власти.

а) Законодательство.

Наша конституция, как мы уже говорили, отрицает теорию разделения властей, этот идеал буржуазной демократии. Но она вместе с тем не отрицает технического деления труда. И естественно, она должна определить кто у нас, хотя бы по преимуществу, законодательствует. Буржуазный юрист весьма разочарован, когда он в Конституции находит на этот счет лишь несколько строчек: „Всер. ЦИК Советов является высшим *законодательным*, распорядительным и контролирующим органом РСФСР“ (см. 31).

„ВЦИК Советов рассматривает и утверждает *проекты декретов* и иные предложения, вносимые Советом Нар. Комиссаров или отдельными ведомствами, а также *издает собственные декреты и распоряжения*“.

Ведь, в буржуазных конституциях, а если не в конституциях, то в особых законах, так подробно излагается, кто имеет *право почина*, то есть *право возбуждения* (!) законопроекта; кто имеет право разрабатывать этот законопроект (правительство ли одно, или и отдельные члены парламента), как и сколько раз (в 3 или больше чтениях) этот проект читается в парламенте, как он утверждается и как он подтверждается и скрепляется. Это целая система „департаментов препон“, чтобы не проводить скоропалительных проектов и не отменять так же скоропалительно

уже утвержденных законов. Ибо раз издан закон, он свят и неприкосновен, и его истолкование принадлежит уже *особым раз'ясняющим сенатам*, где относительно той или иной буквы или запятой, относительно того или иного значения слова сословие юристов спорит годами. В том и их „роль в производстве".

Наш строй приспособлен к быстрому проведению новых законов и к столь же быстрому их изменению, если это нужно. У нас властвует живое дело, а не мертвая буква. Но, конечно, необходим известный твердый порядок законодательства, даже во время революции, гарантирующий не только внимательное его проведение, но и быстроту необходимых изменений.

Этот порядок ныне выработался в следующем виде:

Всем известно, что с самого начала революции вся главная работа, не только исполнительная и административная, но и законодательная, сосредоточилась в Совнаркоме, а рядом с центром и местные исполкомы и советы издавали свои местные законы. VIII С'езд в этом отношении внес некоторые твердые начала, приведшие наше законодательство к стройной системе.

Я не остановлюсь здесь на Всер. С'езде Советов, который, как высшая власть Республики, конечно, может издать и отменить любой закон. Он собирается не чаще одного раза в год на краткое время, и его законодательная роль никакой регламентации не подчинена.

„Никакие органы, кроме Всер. С'езда Советов, ВЦИК, его президиума и Совнаркома, *не имеют права* издавать законодательные акты *общегосударственного значения*". „Наркоматы издают свои постановления и распоряжения лишь *в пределах своей компетенции*, точно указанных в соответствующих декретах ВЦИК, его Президиума и Совнаркома". (Пост. VIII с'езда).

Но и Совет Труда и Обороны (СТО), считающийся комиссиею Совнаркома, „в осуществление возложенной на него задачи—издает постановления, распоряжения и инструкции", „которые для всех ведомств и учреждений центральных и местных безусловно обязательны" (там же).

Значит, никакого *ограничения почина* нет, нет и лишнего формализма в „чтениях". Раз проект прочитан один раз с толком, он утверждается. Окончательная разра-

ботка и, по крайней мере, проверка законопроектов принадлежит Наркомюсту, которому принадлежит и их опубликование. „Законодательные и важнейшие правительственные предложения отдельных ведомств подготовляются и редактируются в соответственном ведомстве и вносятся в отдел законодательных предположений Наркомюста *не позднее*, как за три дня до внесения их в Совет Народных Комиссаров, за исключением случаев, совершенно не терпящих отлагательства, по соглашению с Народным Комиссаром Юстиции", „Означенные предложения рассматриваются в комиссии отдела законодательных предположений, работающей при Совете Народных Комиссаров". „Подготовительную работу по редактированию кодексов производит в отдельных ведомствах при непременном участии отдела законодательных предположений Наркомюст. Свои заключения на проекты отдел препровождает не позже 3 дней со дня получения в соответственные ведомства, а копию в Совнарком". (Собр. Уз. № 99, ст. 533—1920).

По общему правилу все декреты проходят чрез Совнарком и там утверждаются. В особенности это относится ко всем декретам и мероприятиям, нетерпящим отлагательства, в том числе ко всем законодательным мероприятиям по делам военным и всем, влекущим за собою обязательства для Р. С. Ф. С. Р., мероприятиям по иностранным делам. Эти законы по их утверждении Совнаркомом немедленно публикуются, но одновременно представляются в Президиум В.Ц.И.К., который их или утверждает или приостанавливает, а по постановлению VIII С'езда даже отменяет, докладывая как в одном, так и в другом случае В. Ц. И. К. Наконец, „все декреты, касающиеся установления общих норм политической и экономической жизни, а также все декреты, вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов, обязательно рассматриваются в В. Ц. И. К." Каждый законопроект, уже утвержденный Совнаркомом или президиумом В. Ц. И. К., может быть рассмотрен В. Ц. И. К. по собственной его инициативе. Таким образом, общая формула такова: *Совнарком рассматриеает все законопроекты и утверждает те из них, которые он признаст необходимыл утвердить, а Президиум В. Ц. И. К. и сам В. Ц. И. К. утверждают окончательно или отлсняют решение С. Н. К.* О порядке изменения конституции у нас была речь уже выше, т.-е. что только до-

полнение и изменение *основных начал* Сов. Конституции принадлежет Всер. С'езду Советов.

Что касается распоряжений и инструкций отдельных Наркоматов в пределах их компетенции (см. ниже), то все „положения и инструкции, касающиеся внутренней организации каждого ведомства, издаваемые ими самостоятельно, *должны предварительно до их опубликования* доводиться до сведения всех Наркоматов путем рассылки их для ознакомления". Об этой рассылке должно быть об'явлено в заседании в Совнаркома и если 24 часа спустя с момента этого устного об'явления в Совнарком ни от одного Наркомата не поступит протеста, то инструкция и положение входят в силу и подлежат опукликованию (Собр. Уз. № 86 ст. 1902—1918 г.г.).

Опубликование законов поручено Наркомюсту, при чем все законодательные и правительственные акты, подлежащие опубликованию, направляются в Народный Комиссариат Юстиции и без его отметки не могут опубликовываться в оффициальных органах печати, кроме случаев, когда указанные акты вводятся в действие по телеграфу. Свою отметку Наркомюст должен дать в трехдневный срок", (Собр. Уз. № 99, ст. 533—1920 г.).

О вступлении в силу законов с 1918 г. существовало правило, что они считаются вступившими в силу со дня опубликования их в „Известиях ВЦИК" или в „Собр. уз. и распоряж. Р.-Кр. Прав." (смотря по тому, где раньше). Декретом от 8 октября 1920 г. этот порядок изменен и „все декреты и постановления ВЦИК, Совнаркома и Наркома, опубликованные в „Известиях ВЦИК", в газете „Экономическая Жизнь", в органах Наркоматов или в „Собр. узакон. и рас. Раб.-Крест. Прав." считаются вошедшими в силу *на местах* со дня получения соответствующего номера названных изданий в губисполкоме и уездном исполкоме, если в самом тексте декрета или постановления не оговорено, что они сообщаются на места по телеграфу".

Остается сказать еще пару слов о *местном законодательстве*. „Исполкомы издают обязательные для населения данного района и находящихся в нем советских учреждений постановления в пределах их компетенции, согласно 61 ст. конституции и постановлений VII и VIII С'ездов". Эти постановления публикуются за подписью

председателя испокома или его заместителя и секретаря. Отделы и учреждения свои предложения вносят в исполком и его президиум на утверждение.

б) „Наркоматы" или „Исполнительная власть".

„Наркоматы" или, без сокращения, Народные Комиссариаты по ст. 35 конституции являются отделами ВЦИК. Эти Наркоматы ВЦИК образует для руководства отдельными отраслями управления. То разделения труда, которое выработало буржуазное государство, как мы уже видели, пришлось принять и Советской власти. В самом начале даже ни функции, ни в самую конструкцию прежних министерств особенно много изменений внесено не было. Лишь жизнь внесла необходимые изменения, да и то еще до сих пор не полностью, в разделение этих ведомств. По постановлению VIII Всер. Съезда Советов ныне выработаны положения отдельных комиссариатов, в которых формулированы и их задачи, но надо сказать, что новая политика внесет и тут еще больше изменения.

Я здесь лишь вкратце остановлюсь на каждом из них. По конституции их всего 17.

1. Нар. Ком. Ин. Дел.

Народный Комиссариат по Иностранным Делам заменяет целиком прежнее Министерство Иностранных Дел и, так как этот Комиссариат ведает международными отношениями с капиталистическими государствами, то функции его больше всего походят на функции прежняго Министерства. Конечно, содержание работ и ее направление изменилось весьма значительно, но это не относится к нашей теме. Изменилось кое-что существенное во внутреннем его управлении, но мне, конечно, нет надобности здесь опровергать обвинения империалистов, что Наркоминодел якобы занимается исключительно агитациею и пропагандою в политическом духе. Эти обвинения основательны постольку, поскольку прочное существование РСФСР является реальным средством агитации на деле и поскольку ноты Наркоминодел разоблачают империалистическую, угнетательскую политику всех капиталистических государств. Но партийная работа относится к свободному частному Международному

Обществу — Ком. Интернационалу, пользующемуся гостеприимством РСФСР, как гостеприимством капиталистической Англии пользуется II Интернационал.

2. Нарком. Воендел. и Нарком. по Морским Делам.

И здесь нечего об'яснять функции, которые весьма близки с внешней стороны к деятельности прежних Министерства Военного и Морского с адмиралтейством. Но существо дела приводит к весьма сильным изменениям, ибо в то время, как в прежнем государстве главные штабы и главнокомандующие занимали исключительное положение, в Советской Республике на Наркома и в этом отношении выпадает новая задача: ведать наблюдением над штабом и над Главкомом, поскольку и пока эти последние были спецами другого лагеря. Так образовался в качестве „органа высшей военной власти в стране" Реввоенсовет или Революционный Военный Совет РСФ'С. Этот Совет пользуется правами коллегии (согласно конституции) при Нар. Ком. Воен. и состоит под председательством Наркома по военным и морским делам. Членом этого Совета состоит и Главком, которому, однако, принадлежит полная самостоятельность во всех вопросах стратегически-оперативного характера с тем, чтобы соответствующие его приказы скреплялись подписью одного из членов Реввоенсовета.

3. Наркомвнудел.

Основными задачами Нар. Ком. Внутр. Дел является:

а) Наблюдение за организациею и деятельностью местных органов управления в *качестве исполнительного* аппарата Президиума ВЦИК;

б) набледенне за исполнением постановлений центральной и местной власти административного характера и понуждение к их выполнению;

в) руководство по организации и развитию коммунальных хозяйств.

Из перечисленных задач вытекает целый ряд функций этого Комиссариата. Он, во первых, в некотором роде возглавляет весь советский аппарат всей страны в роли исполнительного аппарата Президиума ВЦИК, наблюдает за законностью и правильностью его функций и о неправиль-

ностях докладывает Президиуму ВЦИК. Но, с другой стороны,— через этот Комиссариат поступают в Сов. Нар. Ком. все дела, возбужденные отдельными исполкомами. Он наблюдает за соблюдением основных прав граждан РСФСР, а равно регулирует правовое положение иностранцев. Он руководит деятельностью органов административного управления, заведует организациею и управлением милиции, ведает вопросы о назначении военного положения и т. д.

С отменою В. Ч. К. при Нар. Ком. Внудел образовано: *Особое Государственное Полит. Управление* (см. ниже).

4. Наркомюст.

Народный Комиссариат Юстиции имеет задачи:

а) организацию и инструктирование органов суда, следствия, защиты (адвокатуры) и обвинения (прокуратуры), а равно *наблюдение* за деятельностью комиссии по делам о несовершеннолетних;

б) рассмотрение, в порядке высшего судебного надзора, судебных решений и приговоров, вступивших в законную силу, преподание суд. органам руководящих раз'яснений и указаний и *наблюдение за законностью*);*

в) предварительное рассмотрение законопроектов, опубликование и толкование законов;

г) разработку общих мер наказаний, организацию исправительно-трудового режима для лиц, лишенных свободы как по приговорам суда, так и в порядке предварительного следствия, а равно заведывание местами лишения свободы.

д) руководство и наблюдение за проведением в жизнь отделения церкви от государства.

Мы видим, что если от Наркомюста и ушла задача *назначения* судей и всего аппарата местного управления, то ныне на него возложена часть функций Правительствующего Сената, т.-е. судебный контроль. Если часть функций по следствию еще осталась за преемником В. Ч. К., в котором Нар. Ком. Юст. прежде имел лишь право наблюдения чрез своего представителя в Коллегии В. Ч. К., то, с другой стороны, на этот комиссариат возложена разработка мер наказаний и проведение их в жизнь, кроме лишь концентрационных лагерей. Отношения между заменяющим

*) Принятое во время печатания книги положение о централизованной прокуратуре еще значительнее расширяет функции Наркомюста.

ные В. Ч. К. Нар. Ком. Внудел и Наркомюст еще не выработаны. Наркомюст играет существенную роль в законодательной работе, опубликовывает и истолковывает декреты, что делал раньше Особый Отдел Госуд. Совета. И, наконец, положение вносит новую задачу: наблюдение *за законностью*, и с введением нового положения о прокуратуре, в этом отношении Наркомюст играет первую роль. В составе Наркомюста находится Особый Отдел по проведению в жизнь отделения церкви от государства, на котором кроме ликвидации этих отношений лежит целый ряд пропагандистских задач по отношению „к религиозным предрассудкам трудящихся" (см. главу о „Хартии вольностей", отдел „Свобода совести").

5. Наркомтруда.

Министерство Труда в России было введено лишь с победою Февральской революции 1917 г. Но его задачи были крайне неопределенны, и таковыми они оставались и после Октябрьской революции. Первоначально профсоюзы на этот комиссариат смотрели, как на „свой комиссариат", в известной степени как на противоположность по отношению ко всем другим комиссариатам. Он присоединил временно к себе Наркомсоцобес, но это присоединение было отменено (24 Апр. 1920 г.). Постепенно от Наркомтруда известные задачи перешли непосредственно на В.Ц.С.П.С. (Всер. Центральный Совет Профес. Союзов), как, напр., вся тарифная политика и т. д. Ныне его задачи можно вкратце формулировать, как задачи:

а) учета трудоспособного и трудообязанного населения и технических сил и потребности рабочей силы,

б) проведение трудмобилизации и трудповинности.

в) распределение и перераспределение рабочей силы организация эмиграции рабочей силы из-за границы и реэмиграции ее, и т. д.

Мы видим, что в этот комиссариат вошли задачи более или менее технические по отношению к труду, в том числе и прежние биржи труда. Весьма возможно, что новая хозяйственная политика внесет большие изменения в соотношениях задач Наркомтруда и В. Ц. С. П. С., который кое какие из своих функций и вернет Наркомтруду.

6. Наркомсоцобес.

Этот Комиссариат в своей нынешней форме является новым ведомством. Первоначальное его название было Нар-Ком. Социального Призрения, и лишь декретом от 30/17 апр. 1918 года он был переименован в Нар. Ком. Соц. Обеспечени. Его задача была первоначально принять на себя все ведомства призрения гражданского и военного характера, и только с изданием положения о соц. обеспечении (31 окт. 1918 г.) он получил те широкие задачи, которые ему подчиняют заботы о трудящихся за все время неспособности их к труду (по малолетству, белезни, увечью, старости и т. д.]. Нынешнее положение перечисляет эти задачи:

а) обеспечение в случаях временной или постоянной нетрудоспособности, безработицы, материнства, смерти, безвестного отсутствия *трудящихся* в том числе и лиц, привлеченных по трудповинности, и учащихся, а равно и членов семейств всех указанных категорий.

б) обеспечение инвалидов и семейств инвалидов, а равно и семейств призванных в Красную армию и лиц комсостава;

в) организация государственной и общественной помощи при стихийных социальных бедствиях;

г) содействие созданию органов социальной взаимопомощи среди сельского населения, ремесленников. кустарей и т. д., а равно руководство и контроль за деятельностью этих органов;

д) организация использования труда инвалидов и т. д.

е) защита правовых интересов обеспечиваемых.

Если мы сопоставим Наркомтруд и Наркомсоцобес, то можем сказать, что в общем первый ведает рабочею силою в производстве, второй,—рабочим населением в стадии и с точки зрения отсутствия трудоспособности.

7. Наркомпрос.

Народный Комиссариат по просвещению ведает всей научной, художественой и учебной деятельностью Р.С.Ф.С.Р. как общего, так и профессионального характера. Этот комиссариат ныне обнимает значительно более широкие

задачи, чем прежнее Министерство Просв. Началось дело с образования особой общественной Комиссии по народному образованию (12/XI—1917 г.) под председательством Наркомпроса. Постепенно в этот комиссариат передаются все культурные задачи, как гражданского, так и военного и духовного ведомства, все книжное и издательское, как и театральное дело. Ему сначала, совместно с Нар. Ком. Имуществ Республики (19 дек 1917 г.), а затем, с упразднением последнего, одному поручается заведывание и всеми делами бывш. Министерства Двора. Из скромной задачи „пропоганды Советского строя" (10 дек. 1918 г.) выросло такое громадного значения учреждение, как Главполитпросвет (Главное Управление внешкольного образования и политико-просветительной работы среди взрослых), который об'единяет и руководит всей государственно-агитационной и политически-просветительной работою среди взрослых.

8. Наркомздрав

Рядом с соц. обеспечением и нар. просвещением необходимо поставить заботы об охране здоровья населения. Здесь концентрируются все мероприятия, имеющие целью поднятие уровня здоровья населения и устранение условий, нарушающих здоровье или влияющих на него как среди гражданского населения, так и в армии. Как известно, при старом режиме напрасно вырабатывались подобные проекты, дальше Медицинского Департамента Мин. Вн. Дел дело не шло. Но цель, проведение фактически медицинской помощи трудящимся, при совершенно недостаточном количестве врачебного персонала пока не достигнута.

9. Наркомнац.

Народный Комиссариат по делам национальностей определяет свои задачи согласно „Положению" следующими словами:

а) обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен Р.С.Ф.С.Р., а также договорных дружественных советских республик;

б) содействие их материальному и духовному развитию, применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния;

в) наблюдение за проведением в жизнь национальной политики Советской власти.

Этот комиссариат — новое учреждение, мысль о нем прежде не возникала, а если возникла, то разве в виде какого-нибудь департамента об инородцах. Целая „Декларация прав народов России“ в виде декрета от 3 ноября 1918 года является введением для деятельности этого Наркомата, который ныне расширил свои функции в „Совете Нацианальностей“ при Нар. Ком. по делам национальностей под председательством Нар. Ком. Нац. (декрет 21 апреля 1921 г.). А для характеристики этой работы стоит взглянуть на „Коммунистический Университет Трудящихся Востока“ при Наркомнац в Москве (см. декрет от 21 апреля 1921 г.). Совет Национальностей не ограничивается заботами культурными, но имеет широкие политические, экономические и т. д. задачи. Здесь об'единяется посредничество со всеми автономными частями РСФСР, кроме лишь независимых республик, в роде Украины и т. п.

10. В. С. Н. Х.

Высший Совет Народного Хозяйства; председатель которого пользуется правами Народного Комиссара, был задуман, как „орган, задача которого — организация Нар. Хозяйства и Госуд. Финансов.“ Ему было поручено вырабатывать общие нормы и план регулирования экономической жизни страны, согласовать и об'единить деятельность центральных (Наркоматов и др.) и местных регулирующих учреждений и т. д. Этот план достигнут не был. Несколько раз перерабатывали компетенцию ВСНХ. Ныне „Положение“ определяет его задачи следующими словами:

„ВСНХ является высшим органом республики по *организации* и общему руководству *всей добывающей и обрабатывающей промышленностью* Республики, а также по управлению государственными промышленными предприятиями в соответствии с общим хозяйственным планом Р. С. Ф. С. Р.“. В. С. Н. Х., таким образом, получил характер Нар. Ком. Промышленности; а тот план, для составления которого первоначально был призван ВСНХ, перешел к другим учреждениям при Сов. Труда и Обороны, и ВСНХ обязывается работать в соответствии с этим планом. Можно сказать, что, пожалуй, его первоначальные планы пали

жертвою того „капиталистического засилия", которое в лице разных Главков и др. центров засело в рядах самого ВСНХ. Но конечно, и Главки и центры эти были исторической необходимостью, и без них проведение национализации не имело бы необходимого централизованного аппарата.

11. Нар. ком. зем.

Наркомзем имеет своею задачею „развитие и укрепление всех отраслей и видов сельского хозяйства Республики и реорганизацию его в направлении социалистических форм и отношений".

Наркомат земледелия разделяется на:

1) управление административно-организационное, при котором состоит секретариат посевной кампании;

2) управление землеустройства и мелиорации, при котором состоит коллегия по рассмотрению спорных земельных дел;

3) управление земледелия и советских хозяйств, при котором имеется отдел сельско-хозяйственных кооперативов и коллективных хозяйств;

4) главное управление коннозаводства и животноводства;

5) главное управление приписных хозяйств, которое действует на основании особого положения, утверждаемого по соглашению НКЗ и ВЦСПС;

6) ветеринарное управление;

7) лесное управление;

8) управление снабжения, ведающее выработкою и осуществлением единого плана снабжения Республики сельско-хозяйственным инвентарем, семенным материалом, удобрением и т. д.

9) управление сельско-хозяйственной экономики и плановых работ.

При Наркомземе состоят:

1) Федеральный комитет по земельным делам.

2) Учетный комитет сельского и лесного хозяйства.

12. Нар. Ком. Прод.

Народный Комиссариат Продовольствия занял место образовавшегося при первом „временном правительстве" Министерства продовольствия, вызванного условиями воен-

ного времени. Он сыграл в Сов. Республике гораздо более широкую роль и превратился в Наркомат Снабжения или Распределения. Новая хозяйственная политика снова несколько ограничит его функции, но таковые остаются достаточно широкими. Ныне „в круг ведомства Нар. Ком. Прод. входят: заготовка продуктов сельского хозяйства (продовольствия и промышленного сырья), выполнение заготовительных заданий иного рода и распределение заготовляемых или производимых государственными органами продуктов продовольствия и предметов первой необходимости среди населения". Подчинение Наркомпроду и в некотором роде огосударствление кооперации с Центросоюзом во главе ныне отменено с введением новой экономической политики, но Наркомпрод может им дать поручения в порядке соглашения или особых заданий высших учреждений.

13. Наркомфин.

Народный Комиссариат Финансов претерпел довольно много изменений за время своего существования. Получив в свое заведывание Министерство Финансов и вдобавок еще все национализованные банки и пр. кредитные учреждения, он имел пред собою сначала задачу *ликвидации* всего этого аппарата. Банки были постепенно закрыты, налоги отменены. Задачи Нар. Ком. Фин. сводились к составлению и утверждению смет отдельных ведомств и к снабжению их денежными знаками. Еще шли споры между тремя ведомствами (Наркомфин, Раб.-Крест. Инспекция или раньше Нарком. Гос. Контр. ВСНХ), кому подлежит ведать главною бухгалтериею всех рессурсов РСФСР, как наступила эра новой экономической политики; она восстановила банки, а равно и налоги. Но одновременно она выдвинула и задачу „проведения основ материального бюджета" и эту задачу поручила Наркомфину. Ясно, что одновременно с этим заданием в Наркомфине должна быть сконцентрирована и главная бухгалтерия РСФСР.

Положение ныне определяет задачи Нар. Ком. Фин. словами: „НКФ проводит финансовую политику Сов. власти и осуществляет финансирование всех сторон народно-хозяйственной жизни республики и государственного аппарата, переработку и об'единение смет всех ведомств в единый государственный бюджет, который подносится чрез Совнарком

на утверждение ВЦИК; далее, заготовление ден. знаков, хранение валюты и ценностей и регулирование налоговой системы".

14. Наркомпуть.

Народный Комиссариат Путей Сообщения об'единяет в своем ведомстве управление всеми жел. дор. и водными, внутренними и морскими, путями сообщения. Сюда относится и автомобильный, гужевой и трамвайный транспорт. Это об'единение жел. дор. и водных путей—дело лишь последнего времени и завершает давнишние проекты, до сих пор разбивавшиеся о сопротивления ведомств.

15. Нар. Ком. Почты и Тел.

Высшее управление и руководство почтовыми, телеграфными, телефонными и радио-сношениями, за исключением имеющих узко-специальный характер (военные и железнодорожные), на всей территории РСФСР принадлежит Нар. Комиссариату Почты и Телеграфов. С восстановлением работ этого Наркомата ему предполагается передать и функции учреждений Центропечати и т. д.

16. Нар. Ком. Внешней Торг.

Этот Наркомат первоначально назывался Нарком. Торг. и промышленности. Но его деятельность с упразднением частной торговли и с переходом промышленности к ВСНХ свелась почти к нулю. С об'явлением внешней торговли монополиею государства (30 апреля 1918 г.), этот комиссариат стал во главе ее и с 11 июня 1920 г. переименован в Нар. Ком. Внешней Торговли.

17. Раб.-Кр. Инспекция (Рабкрин).

Нарком. Государственного Контроля, как был первоначально назван этот комиссариат, заменяет прежний Госуд. Контроль. С 8 февраля 1920 г. Госуд. Контроль преобразован в Рабоче-Крестьянскую Инспекцию (собр. уз., № 16, ст. 94).

По еще не утвержденному проекту нового положения Нар. Ком. Раб.-Кр. Инсп., „Рабоче-Крестьянская Инспекция является единым органом контроля, через который Советское государство при непосредственном участии рабочих и крестьян осуществляет надзор за деятельностью всех государственных учреждений и предприятий, а равно общественных организаций в центре и на местах".

Рядом с Наркоматами существует еще целый ряд центральных учреждений, которые в том или ином отношении близко подходят к Наркоматам.

18. Бывшая В. Ч. К. ныне Особое Государственное Политическое Управление.

„Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контр-революциею, спекуляциею и преступлениями по должности является центральным органом, об'единяющим деятельность местных Ч. К. и планомерно проводящим в жизнь непосредственную борьбу с контр-революциею, спекуляциею и преступлениями по должности на всей территории РСФСР". (Собр. Уз. № 80, ст. 842—1918 г.). Она „является органом Сов. Нар. Ком. и работает в тесном контакте с Наркомвнудел". Хотя ее председатель в состав Совнаркома не входит, а состоит лишь членом коллегии Наркомвнудел., она является централизованным самостоятельным учреждением, в которое Наркоматы Внудел и Юст. делегируют своих представителей. С введением новой политики функции ВЧК сначала ограничиваются далее все суживаясь, и, наконец, совсем прекращаются ее судебные функции.

8 февраля 1922 года опубликован декрет о полном закрытии ВЧК, передающий уцелевшие ее функции Нар. Ком. Внудел в лице особого Государственного Политического Управления при Нар. Ком. Внудел. Эти функции заключаются в:

а) подавлении открытых контр-революционных выступлений, в том числе бандитизма;

б) принятии мер охраны и борьбы со шпионажем;

в) охране жел. дорог и водных путей сообщения;

г) политической охране границ РСФСР;

д) борьбе с контрабандою и переходом границ без разрешения;

е) выполнении специальных поручений ВЦИК и Сов. Нар. Ком. по охране революционного порядка.

19. Центральное Статистическое Управление.

Ведение статистики в Р.С.Ф.С.Р. возложено на централизованное управление, управляющий которым входит в Сов. Нар. Ком. с *совещательным* голосом. Его выбирает Сов. Нар. Ком. (Пол. 25 июля 1918 г.). Ему, между прочим, декретом от 28 окт. 1920 г. поручено статистическое наблюдение за всеми Наркоматами.

20. Центральный архив.

При В.Ц.И.К. образован Центральный архив (Центроархив), который заведует всеми архивными материалами Р.С.Ф.С.Р., составляющими единый Государственный архивный фонд.

21. В. Ц. С. П. С.

Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов является чисто *общественным выборным органом* проф. союзов, но играет определенную роль и среди центральных государственных учреждений. Так, напр., его представитель входит с решающим голосом в Сов. Труда и Обороны. Далее, на него возложен целый ряд чисто государственных функций: 1) декретом В.Ц.И.К. от 24 марта 1921 г. „из Нар. Ком. Труда и местных Отделов из'ято *центральное* и местное управление труда и передано в В.Ц.С.П.С." и местные его Советы; 2) того же числа из'ят и передан в В. Ц. С. П. С. *Тарифный отдел*. Декретом от 12 мая 1921 г. одновременно с управлением охраною труда на В.Ц.С.П.С. переходят права *издавать обязательные постановления* по гигиене труда и безопасности работ и жилья трудящихся и т. д.

22. Центросоюз.

Центральный Союз Кооперативов принял в известной степени роль центрального управления; ныне он восста-

новлен полностью в своей независимости, но по своей организации и своей роли сохраняет известные задачи обще-государственного характера.

В) Судебная власть.

„Судьи независимы и несут ответственность только перед законом". „Судьи назначаются на должность *пожизненно*. Они могут лишь в силу судейского решения и лишь на основании и в формах, установленных в законах, быть, вопреки их воле, временно или навсегда устраняемы от должности, переводимы на другое место или увольняемы в отставку". „Исключительные суды не допускаются. Никто не может быть из'ят из ведения своего законного судьи". Я здесь для примера выписал несколько строчек из новейшей и „самой демократической" республики, президентом которой состоит соц.-демокр. Вы догадываетесь, что речь идет о Германии. Но не покажется ли странным, если Вы в то же время прочтете о сотнях людей, осужденных за участие в мартовских „беспорядках" 1921 года именно в исключительных судах. Стоит Вам прочесть ст. 105 конституции, чтобы убедиться, что правило о „недопустимости исключительных судов„ „не распространяется на законоположения о военных и военно-полевых судах", а президенту республики сверх того принадлежит право отмены всяких гарантий и т. д.

Таково общее положение всех демократий со времени разделения властей: независимый несменяемый *), справедливый суд! Я в своей работе о праве в достаточной мере показал, что означает справедливость в классовом обществе: классовую справедливость и только! И лучшую критику судейской независимости дала Парижская Коммуна. Мы в „Гражданской войне" К. Маркса читаем: „Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... Они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми".

---

*) Я имею пред собою случайный № „Vossiche Zeitug", в котором юстиции советник Вертауэр с точки зрения буржразной демократии полемизирует против несменяемости судей. Требование сменяемости было реакционно, пока сменял кабинет монархический: оно не является таковым, когда власть находится в руках законного представительства народа (т. е. буржуазии). Этот последний довод, конечно, столь же лицемерен, как и противоположный—о фактической независимости суда.

Одною из самых трудных проблем пролетарской революции всюду будет вопрос о пролетарском следствии и суде. Не потому, чтобы эта область относилась к самым важным функциям государства (об этом можно спорить), но потому, что она представляет исключительные трудности разрешения. Я уже неоднократно указывал на то, как медленно удалось убедить своих собственных товарищей в правительстве, что необходимо провести решительную ломку суда. Колеблющиеся товарищи при этом ссылались на отсутствие необходимых законов. И когда я, уже после решения об отмене старого суда, предлагал делегации судебных деятелей Петербурга, состоящей из честнейших представителей прежней магистратуры, использовать наш декрет о допущении их к судейским должностям в новом суде, они мне с недоумением ответили то же самое: „Да у Вас нет же законов!“ Это был честный ответ, ибо они со своим классовым сознанием и чутьем буржуазии без декретов пролетарских за судейским столом могли быть только судьями старого режима, т.-е. буржуазии.

Сам народ, массы легче решили этот вопрос. Еще до Октябрьской революции их доверие к старому суду вырвалось наружу тем, что они стали просто бойкотировать старый и устраивать революционный суд, напр., в Выборгском районе, в Петербурге, в Кронштадте и в др. местах. Министерству Керенского пришлось еще до того сделать уступку и посадить к старым мировым судьям в Петербурге по одному заседателю из рабочик и солдат. Но эту меру Временное правительство под давлением буржуазии вскоре отменило. Мы знаем отношение масс к зданиям и канцеляриям судебных мест, к фабрикам „суда скорого и милостивого“, но строго классового, в феврале 1917 г. А после Октябрьской революции „Следственная Комиссия при Рев. Воен. Комитете“ была органом, к которому обращались по всем делам, начиная от политических и уголовных и кончая гражданскими и даже бракоразводными.

Дней чрез 10 в правительстве победила мысль „Декрета о суде № 1“, то есть об отмене всех прежних судов и об образовании единого народного суда из рабочих, одного народного судьи и двух заседателей, главною руководящею звездою которого должно быть его классовое сознание. Я уже указывал на то, что эту мысль должны будут позаимствовать у нас все пролетарские революции, по крайней

мере, на первое время. Но если при крутом течении революции, когда революционный народ действительно сжег все законы и провел быстро и решительно общую национализацию, общегражданские отношения настолько упрощаются, что, действительно, достаточно одного классового сознания, чтобы здравым умом решать их справедливо, с точки зрения победившего класса пролетариата,—то значительно труднее найти соответствующих следователей.

Хороший судебный следователь это „спец", обладающий большим опытом и недюженными способностями. Таких быстро „произвести" нет возможности. Старые же следователи, как в громадном большинстве своем сознательные члены класса буржуазии, конечно, не могут с такою же искренностью и с таким же искусством быть следователями против членов своего же класса. С другой стороны, у революционных рабочих, по крайней мере первого периода, было настолько глубокое недоверие к представителям старой следственной власти, что мои попытки поместить в следственные комиссии наиболее честных б. судебных следователей потерпели фиаско; может быть, играло роль и то обстоятельство, что рабочие сами не сознавали трудностей этой работы и слишком охотно поступали сами в разные следственные комиссии. Если общ-следственная часть старого режима была технически плоха, то нынешняя чисто технически еще отстает от прежней.

Но с некоторым отступлением назад к капитализму мы вносим вновь осложнения и в гражданские правовые отношения. Это осложняет и роль суда, который необходимо приурочить к чисто торговым и т. п. делам капиталистического мира. И эта роль остается трудна даже при наличности писанного закона, ибо суду придется решать весьма часто дела между членами класса, находящегося у власти, и класса экономически сильного, как, напр., иностранного капиталиста. Целый ряд специальных судов, как коммерческих, по вопросам труда, земельным и т. д., будет единственным исходом из создавшегося положения.

Г. Партия и государственная власть.

Кое-кому покажется странным, что в Советской Конституции нет ни одного слова о партии или о партиях, несмотря на то, что всюду открыто говорится о государ-

ственной власти Коммунистической Партии в РСФСР. Это представление основано на недорузумении, но на недоразумении весьма распространенном, почему я признал необходимым особую главу посвятить выяснению вопроса о партиях и их отношении к государству.

Для того, чтобы рассеять это недорузумение в самом начале, я скажу, что по нашей конституции никто никакой должности не занимает и вообще никакой государственной функций не исполняет в силу одного того, что он коммунист, т.-е. член Ком. Партии, но только в силу выборов или назначения в общесоветском порядке. Ставит его кандидатуру, проводит эту кандидатуру партия, и кандидатура эта праходит в силу партийной дисциплины и в силу влияния партии на массы. Результат как будто бы один и тот же. И спрашивается: если мы, в противоположность приемам буржуазных партий, не скрываем, а громогласно подтверждаем классовый характер нашего государства, партийный состав нашего правительста, то не означает ли подобное молчание, что мы просто впадаем в то-же лицемерие, в котором мы обвиняем буржуазию? Нисколько!

Во первых, когда состовлялась коституция, в Советах, а во время утверждения декларации—и в правительстве, участвовали не только коммунисты, но еще и вторая партия—левые эсеры. Я здесь не буду говорить о том, что существует и такая возможность, что кандидаты коммунистов в Советах не проходят и что правительство, таким образом, опрокидывается Советами, как это отчасти случилось, например, в Венгрии, но этот случай уже переходит в область контр-революции, а левые эсеры входили в правительство лишь потому и до тех пор, пока они признавали все революционные лозунги коммунистов. Единственная истинно-советская партия, таким образом, всегда была и есть Коммунистическая.

Во вторых,—и это главное,—мы тем, что составляем партийное правительство коммунистов, отнюдь не стремимся создать хотя бы видимость того, чтобы коммунисты, как таковые, пользовались какими-либо привиллегиями. Мы вспоминаем слова „Ком. Манифеста", которые так часто приводили к кривотолкам: „Коммунисты не составляют какой либо особой партии в противоположность рабочим партиям. *У них нет никаких интересов, отличных от интересов всего пролетариата*".

В каждом демократическом, т.-е. буржуазном государстве, правительство партийно; беспартийные правительства это—одна фикция или прямая ложь. Так мы видим чисто партийные правительства в таких классических странах буржуазной демократии, как Англия или Северная Америка. Эти страны известны своею двухпартийною системою. И напрасно ныне Каутский оспаривает классовый характер этих партий; такая наука никого не убедит. Но мы видим, что, действительно, появление пролетариата сближает и об'единяет все буржуазные партии, сплачивает их в действительно единый организационный класс. Так мы видели, что в России выступление пролетариата под знаменем победоносного большевизма об'единило *всю* буржуазию и все буржуазное под кличкою „кадетов". И самый умный из всех буржуазных политиков современности Ллойд-Джордж в своей речи в мае месяце 1921 года на банкете либералов призывает к тому же об,единению и в Англии: „Ллойд-Джордж требует ликвидации нынешней четырехпартийной системы и превращения ее вновь в прежнюю *двухпартийную* систему, которая нисколько еще не отжила своего века, если ее только применять правильно. Но чтобы двухпартийная система могла выполнять свои политические функции, то надо же сознать, что вообще только две партии возможны: одна большая партия, которая должна составляться из нынешней (буржуазной) коалиции (либералов и консерваторов) и *„партия, которая будет отстаивать интересы* рабочих" („Vossische Zeitung" 2/VII—1921 года).

Партийное правительство, борьба партий за власть—это является твердым завоеванием буржуазного государства. До того шла борьба сословий, групп, и она выражалась в борьбе лиц, клик, групп. Партии буржуазного общества сплачивают именно их классовый состав. Я не скажу, чтобы партии сознательно создавались классовыми. Напротив, классовый состав определяет программу и тактику партии, а *партия* в буржуазном обществе является одним из многих средств стушевания классовых различий и противоречий. Буржуазные партии всегда выставляют якобы общечеловеческие требования, проповедуют примирение классов, и они не могут иначе, ибо только этим путем они из незначительного меньшинства превращаются в большинство, т.-е об'единяют вокруг своих обманчивых и

лживых общечеловеческих и общегражданских лозунгов—своих слепых, бессознательных классовых противников. Примиренчество, общечеловеческое на словах,—угнетение узко-классовое на деле!

По той же дороге идут соглашатели с.-д., но только с другого конца: они об'являют себя представителями рабочего класса, значит, классовою партиею *на словах*, а в действительности, *на деле* отстаивают интересы буржуазии, т.-е. *примиренчество*. Тот же Каутский, который еще в 1906 году в статье „Классовые интересы" писал: „В действительности трем большим классам общества соответствуют также три больших партии, выступающие в политике современных государств: либералы, консерваторы и социалисты"—ныне в своей „Демократии диктатуре" из кожи вон лезет, доказывая азбучную истину, что партия не всегда совпадает с классом, т.-е., что класс может быть разделен на разные партии и что в партию входят и члены других классов. Он ломится в открытую дверь, но он не в состоянии опровергнуть факты, что все-таки *на деле* верно или неверно понятый и истолкованный классовый интерес определяет характер партии. Поэтому к партиям также относятся слова, что никто не оценивает человека по тому, что он сам говорит о себе, но по его делам, только заменяя последние слова словами: „по классовому составу".

Классовый характер современных партий настолько же несомненен, как и классовой характер современного государства. Это, конечно, большой плюс, если вместо более или менее сильной личности того или иного кандидата выступает партийный список, за которым не только известная программа—на *словах* (это для прикрытия действительности), но и *дела* данной партии. Пропорциональные выборы приводят к математическому подсчету голосов разных партий, в пределах которых *партии назначают* своих кандидатов, и дальше отвода против того или иного кандидата ни одна партия в свободе выборов не идет.

Кое-что из этих результатов развития буржуазной политической жизни переходит и в советский строй. Но сама жизнь вносит туда свои изменения, сначала чисто количественные, превращающиеся, однако, в качественные. Коммунистическая партия в момент революции, т.-е. до ее победы, всегда была и будет лишь *меньшинством* не

только своего народа, но и рабочего класса. Так в конце апреля 1917 года в Ком. Партии России было 80,000 членов, из них, наверное не более 25,000 старых. А ко дню Октябрьской революции и сейчас после нее безусловно за нею стояло громадное большинство не только рабочего класса но вообще трудящихся. После ухода левых эсеров (и до их вступления) Р.-Кр. Правительство было и есть *партийным* правительством коммунистов. Какова ныне роль партии?

Партия становится официальною властью, того не скрывая. Но она является партиею в смысле „Ком. Манифеста": „Коммунисты являются в практическом отношении наиболее радикальною, всегда движущею вперед частью *рабочих партий* *) всего мира". Те „беспартийные массы трудящихся, которые поддерживают коммунистов или идут с ними вместе, т. е. группируются вокруг них, становятся сами под их руководство, превращаются как бы в часть партии; только с этой точки зрения становится понятным то живое участие, которое принимают в процессе чистки Ком. партии безпартийные. Этой схемы конечно, не имел перед собою сознательно Ц. К. Партии, об'являя правила чистки партии, но среди целого ряда ненормальных явлений при чистке выдвигается и этот новый *характерный признак роли* Ком. партии в пролетарской революции, как нечто в высшей степени положительное. Я хотел бы, например, видеть попытку французского рабочего или хотя бы „беспартийного" буржуя, потребовать очистки правительственной партии, например, от Клемансо, как слишком обуржуазившегося, или же в Англии от Ллойд-Джорджа, как перебежчика из радикальной левой и т. д. Но только в таком сопоставлении выясняется истинное значение этих социальных фактов.

---

*) Интересна попытка новой фальсификации Маркса со стороны Каутского как раз на основании этого места „Манифеста", чтобы уговорить независимых Германии вернуться к Шейдеману, Каутский (в Венской Arbeiter Zeitung" от 3/1—22) пишет, что „Маркс никогда не хотел рабочей партии, из которой исключались бы *немарксистские* рабочие". А его критика Готской программы?—В „Манифесте" К. Маркс говорит только об организации рабочих *в класс и о сотрудничестве* Коммунистической партии с *прочими рабочими* партиями на почве классовой борьбы. Это не что-инсе, как линия „единого фронта" Коммунистического Интернационала, а не проповедуемая Каутским.

Итак, Рабоче-Крестьянское Правительство является правительством *партийным*, но в то же время *беспартийным*. Партия остается *частною* организациею, но в то же время становится *официальным* органом. Коммунистическая Партия делает по существу то же самое, что и всякая правительственная партия, но *условия ее власти придают этому действию совершенно иное освещение и иной смысл.*

IX. УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ.

Мы в главе о формах государства имели дело с различием между формами государства и формами правления или правительства. Мы в дальнейшем говорили о правительстве, как исполнительной власти в государстве. Но мы встречаемся еще и с выражением „управление государством"; старые выражения, как-то: „порядок управления" и т. п. перешли по наследству и к нам. Так, напр., Президиум В. Ц. И. К. по постановлению VIII С'езда Советов имеет право „издавать *в порядке управления* необходимые постановления от имени В. Ц. И. К."

Что же такое обозначает этот таинственный „порядок управления"? То ли самое, что слово „административный порядок"? В последнем случае слово взято из французского (administration), в первом случае—из немецкого языка (Verwaltung), и означает равно то же самое. Эти слова даже путают и „Verwaltungsgericht", буквально „суд по управлению", у нас известен под назвинием „административный суд". За каждым из этих слов, однако, стоит теория и история целой страны, давшие каждому из них особый смысл, по крайней мере, особый оттенок.

„В противоположность*) судоговорению и правотворчеству (законодательству, в широком смысле слова)—все прочие функции государства обозначаются многозначительным словом „управление" (Verwaltung),—пишет проф. Ленинг (Loening) в „Энциклопедии госуд. наук". Цан (в „Энциклопедии герм. госуд. и администт. права") говорит, что слово „управление государством" имеет двоякий смысл: 1) в противоположность его конституции, т.-е. в противоположность

*) При фактической невозможности определения, где кончается закон и начинается административное распоряжение, эта противоположность—простая фикция буржуазной науки и практики.

состоянию государства в покое, а 2) в противоположность его законодательной и судебной функции. В последнем смысле управление обозначает государство в действии, его деятельность, „управление его делами".

Мы здесь имеем перед собою отголоски того же разделения и неосуществимого разграничения властей Монтескье, о котором мы уже говорили. По этой теории управление или исполнительная власть заняты исключительно приведением в исполнение законов. Но ныне буржуазная наука сама (напр., тот же Ленинг) в общем признает такое мнение заблуждением. Мы же видели, что в действительности и в странах парламентских ныне исполнительная власть является „всею властью" и что разговоры о разделении властей, имеющие в виду не одно только техническое разделение функций,—не что иное, как разговоры праздные, с заднею мыслью обмана масс.

Эта «полнота власти» короче и называется правительством, и его функции—управлением государством, то есть реализациею господства класса. Для этой цели оно имеет свой аппарат, который делится технически на отрасли, и та часть аппарата, которая не занята законодательством и судоговорением, называется аппаратом управления в узком смысле слова.

Этого понятия не было или почти что не было в *сословном* государстве. Аппарат подавления масс и собирания с них дани мало похож на нынешний аппарат управления. Власть господствующего класса, тогда в форме сословия, была плохо и слабо организована. При помощи бога (церкви)—как аппарата убеждения, и кулака, т. е. беспощадных мер принуждения,—осуществлялся „порядок" тогдашних социальных отношений. Только в городах развились новые функции управления, которые воспринял и развивал дальше абсолютизм. Еще в срядние века слово „полития" („политейа"—у греков в смысле демократии или же конституции) воскресло в учреждении *полиции*, охватывающей, особенно в Германии, всю область управления. А вскоре этот полицейский способ управления поглотил все остальные функции государства в форме полицейского государства, т.-е. государства с широко развитым вмешательством во все «частные дела». Буржуазная революция, давшая победу, полную или компромиссную, буржуазии, внесла громадные изменения в жизнь человечества: она разделила все „обще-

ство", всю совокупность людских отношений, на две области: на область публичного и область частного права. Она разделила каждого человека на две части: гражданина государства и частное лицо, «свободное» от вмешательства государства, живущее в «анархии» капиталистического производства. Ясно, что необходима была полная переорганизация и управления государством соответственно цели государства, как орудия нового способа господства. «Но, говорит буржуазная наука, государственная власть не только заботится о «безопасности» (знаменитый «süreté») права собственности и прибыли имущих классов, она сама «вступает в частно-правовые имущественные отношения со своими же подданными» («mit den Beherrschten», см. Цана) Все это изменяет коренным образом понятие и вид управления государством. Вместе с пролетарской революциею опять должна наступить *новая эра* и в методах управления государством, ибо Советская власть не может ограничиться лишь изменением формы государства и формы правительства.

Поэтому и мы не можем обойти молчанием этого вопроса.

1. Бюрократия и буржуазный парламентаризм.

Л. фон-Штейн, впервые в буржуазной науке серьезно поставивший вопрос о государственном управлении, исходил при этом от государства, как личности, имеющей свою волю в лице правительства. Он таким образом, как бы чисто дедуктивно, абстрактно построил свою систему управления. Его теория, конечно, не что иное, как теоретическое изложение вполне конкретного факта централизованного абсолютизма с „хозяином"-правителем во главе. Но Штейн в то же время уже признает и классы, а на общество смотрит, как на некоторое „состояние борьбы интересов, вследствие свободного самоопределения личности". Значит, ему приходится допустить и так называемое „свободное управление", где государственная *воля* представляется коллективом, „собранием", а воплощение деятельности относится к „управе", т.-е. исполнительной власти.

Мы, рассматривая государство, как организацию господства класса, конечно, этот класс не можем себе представить в виде единой личности или простой совокупности

личностей. Но вопрос об аппарате для осуществления этого господства и о движении этого аппарата чрезвычайно важен как раз для нас. Мы к вопросу должны подойти чисто эмпирически, на твердом основании фактических данных.

Первоначальный государственный аппарат (в целях взимания „дани“) весьма несложен; я на нем останавливался несколько подробнее в своем „Учении о праве“. Это первобытный военный аппарат с параллельным или совместным религиозным (церковным) аппаратом. Значит,— аппараты „принуждения“ и „убеждения“ при полном или почти полном отсутствии управления! Управление было еще целиком „на местах“, в руках общины, еще неразрушенной. Но уже в византийском периоде мы видим громадное чиновничесвто (бюрократию), как светского, так и церковного аппарата.

В своей „Экономике переходного времени“ тов. Бухарин говорит, что „каждый производственный тип имеет и соответсствующий тип государства“. Значит, и соответственный тип управления. Я сказал бы, что в каждой данной производственной среде все формы производства, а равно и формы отношений производства и господства *кристаллизуются* по господствующему типу организации: в обществе рабовладельцев – по феодальному, в капиталистическом—по капиталистическому. Но только в тенденции, ибо как раз *в государстве*, как в продукте истории, весьма важную роль играет история, традиция. Это яснее ясного видно при столкновении бюрократической системы с парламентской.

Не удаляясь слишком в историю, мы берем феодальный строй. Тут тот же простой аппарат. Управление переживает свой кустарный период. Общинное управление постепенно переходит в руки феодала, в городах—в цехи, гильдии. А центральная власть сюзерена, кроме своей дружины и своего „двора“, особого аппарата пока не имеет. Но с уселением центральной власти около монарха разрастается чиновничество. Название их указывает, откуда они взяты: маршалы (marechal—заведующий конюшнями), камергеры (camerarius—постельничий) и т. д. Это те же бароны, потерявшие свои „вотчины“. Происходит централизация управления, и одновременно наступает разделение государствен-

ной власти *на ведомства*, деление, которое *предшествует* правовому понятию „разделения властей". Вы замечаете, что в правительстве повторяется то же самое, что в промышленности—*в системе мануфактуры*. Этот мануфактурный период правительства и является *расцветом бюрократии*.

Слово бюрократия одни производят от слова „bure" (сукно), которым покрывается стол в бюро (откуда и выражения: „под сукно" и т. д.) Другие производят его от слова „бюро", т.-е. контора, канцилярия. Оно означает управление *чиновничества*, при том чиновничества, основывающегося исключительно на бумажном производстве. Оттуда вера в бумагу: „чего нет в деле, того нет на свете", „протокол, составленный согласно форме, оспариванию не подлежит" и т. д. Бумага заслоняет, вытесняет действительность. Вы можете сами понять, что получается, если в бюрократическом режиме вся государственная жизнь разделяется на известное количество обособленных ведомств, которые соответственно тому разделяют и централизуют всю общественную жизнь в совокупности, при чем аппарат, назначенный сверху и независимый от низов, превращается в нечто самодовлеющее. Это, конечно, не класс, а скорее сословие или каста, построенная по строго иерархической лестнице. Ведомственность превращает чиновника в „долевого работника" и, соответственно тому, калечит его, как и мануфактурного работника. А своею строго иерархическою формою субординации (подчинения и начальствования) и своею специализациею аппарат превращается в большую силу. Но разоряющийся класс дворян, с одной стороны, дает все более многочисленный состав чиновничества. Одновременно появляется требование на специалистов—интеллигентов.

С отчуждением монарха от народа, т. е. господствующего тогда класса, это отчуждение проявляется в усиленной степени и в бюрократии, которая становится выше „народа" и усиленно проводит ту же линию балансирования между классами, благодаря которому создается на время как бы безклассовый абсолютизм. Одновременно происходит известное расслоение и среди самой бюрократии. Особое профессиональное образование, чинопроизводство, разница в окладах и пенсиях—разделяет бюрократию резко на господствующую часть и на „канцеляристов", канцеляр-

ских „крыс“, рабов, или как хотите их назвать. Юридическое образование превращается в *специфическое* образование бюрократии; сама бюрократия проходит эру „обуржуазения“, ибо, как отмечают буржуазные писатели — „бюрократия легче всего приспособляется, в правовых государствах, ныне она в большой или меньшей степени *примыкает к партиям*“ (Дживелегов). Не становится ли вам после того более понятным, почему в таком большом количестве чиновничья интеллигенция в пролетарской революции об'являет себя социал-демократами—меньшевиками или независимыми?

Значит, бюрократический способ управления основывается на количественно большом чиновничестве и главными признаками его являются:

1) Назначение в порядке иерархической лестницы подчинения и начальствования, на твердом жалованьи, с повышением по службе (по чину или по классу), выслугою и пенсиею. Оно не сминяемо, за исключением лишь назначающего его лица или органа: оно безответственно, за исключением лишь ответственности перед начальством.

2) Канцелярщина, бумажное делопроизводство, без которого ни одно дело не должно быть решено, и которое вытесняет всю действительность. В романе писателя крестьянской норвежской страны Кьелланда („Работники“) эта характеристика метко выражается в сравнении бюрократической системы с беспрерывным листом ротационной бумаги.

3) К этому присоединяются ведомственная специализация и известное профессиональное образование. И осложнение жизни, особенно с наступлением и развитием буржуазного общества, еще способствует развитию этих тенденций и укрепляет ее роль.

Пока государство необходимо, совсем без подобного аппарата не обойтись, особенно, если не удастся уничтожить искусственные „наросты“ и „надстройки“ буржуазного общества. Весь вопрос, значит, для буржуазии заключается в том, как его обезвредить и приспособить к господству буржуазии. Бюрократия сама щеголяет своею *рутиною*, а обыватель как раз больше всего проклинает эту мертвую *рутину*, превращающуюся в пустой формализм.

Ждали искорения зла от революции, от „народовластия“, т.-е. от живого участия народного элемента в

управлении. И буржуазия создала такой аппарат *в парламентаризме*. Вытеснил ли парламентаризм бюрократизм? Нет! Напротив, развитие капиталистического общества развило исполнительную власть до небывалых размеров, как это прекрасно изложено у К. Маркса в его „18 Брюмера“: „Всякий более общий интерес немедленно отделяется от общества и в виде всеобщего интереса высшего порядка уже становится на противоположный обществу полюс; он вырывается из рук самостоятельного общества и делается частью правительственной функции“. Мы уже видели выше, что исполнительная власть заменила могущество всех прочих властей (короля, парламента и т. д.).

Великая французская революция очень бережно сохранила старую бюрократическую систему. Она ее еще расширила, окончательно упразднив феодальный суд и введя свой республиканский, бюрократический суд. Она переменила лишь *личный* состав чиновничества, и эту работу продолжал Наполион I, а завершила реакция до Бонапарта включительно. Конечно, революция внесла кое-что новое и здесь, но система сохранилась.

Говорят, что в Англии нет бюрократизма. Но, когда в Англии происходит смена министерства, т.-е. смена классов или групп одного класса у власти, то уходят в отставку все политические, т.-е. партийные деятили, не только министры. Но аппарат управления, т.-е. бюрократия остается и переживает с незначительными изменениями смену партий, групп, классов. Почти то же самое мы наблюдаем во всех парламентских странах старого света. Эта-то бюрократия и управляет фактически страною, а министры только „дают направление“ и „отвечают“ пред парламентом, т.-е., когда недовольство достигло известных размеров, получают „выражение недозерия и выходят в отставку“. А это „направление“, конечно, соответственным образом и иногда в незаметном виде изменяется бюрократиею. Если, например, министерство в Англии желает внести законопроект, то проект этот изготовляется в особом учреждении—при Министерстве Финансов. Оно называется „Parlamentary Consel's office“, но оно состоит из одного советника и известного количества канцелярских служащих (клерков), которые все служат по назначению *от правительства*.

Мы знаем, как недовольны были юнкера Германии бюрократами национально-либерального типа 48-х и 60 х годов, из-за их, хотя и крайне умеренных, либеральных тенденций, но все-таки „либеральный тайный советник“ оставался. А там, где появились „великие коалиции“ военного времени или малые коалиции с социалистами послевоенного периода, чрезвычайно усилилась как раз бюрократия. Доходило даже до чисто „бюрократических кабинетов“ и требование министерства из специалистов сделалось лозунгом целых партий *).

Мелкобуржуазная демократия, в случае победы, увеличивает чиновничество до небывалых размеров, ибо она смотрит на свою победу, как на средство обеспечить своих партийцев должностями. Особенно ярая борьба из-за этих мест разгорается в странах со смешанным национальным составом, где она принимает характер националистической борьбы, напр. в Чехословакии, Латвии, Эстонии, отчасти и Финляндии. Так, например, в Латвии после победы латышской мелкой буржуазии, чиновничество при 1.500,000-ном населении, достигает 40,000 человек, в Эстонии на 1 милл. жителей — 23,000 и т д. То же самое мы видим в Германии, где с.-д. шейдемановцы поспешили после ноября 1918 года занять не только места ландратов и разных президентов центральных и местных, но и полицейских управлений, охранных отделений и шуцманов. И только верхи бюрократии, как незаменимые спецы, остаются. При неопытности нового чиновничества и при голоде и военной и революционной разрухе, получается небывалый разврат и вырождение (взяточничество и т. д. **).

Но в Америке? И Америке не чужд бюрократизм. При тамошней „системе военной добычи“ („spoil system“) победившая партия своею армиею чиновников заменяет весь

---

*) Во Франции особенно резко критикуются цивилисты в роли военных министров. Один французский политик остроумно высмеивает их роль, описывая, как специальные вопросы проходят низшие инстанции из людей сведущих, поднимаются в высшие учреждения, где таковых все меньше и меньше (междуведомственные совещания), а окончательно решаются человеком, ровно ничего в деле непонимающим, т. е. министром.

**) „В демократической республике—пишет Энгельс—богатство пользуется своею властью косвенно, но зато тем вернее,.. во первых, по средством прямого подкупа (Америка), во вторых, посредством союза между правительством и биржей“.

аппарат бюрократии. Но, надо сознаться, что она не столько страдает *рутиною*, ибо не имеет собственных вековых традиций и более построена соответственно торгово-промышленным образцам управления.

Парламентаризм не победил и не вытеснил бюрократизма. Введя известную ответственность, он только смягчил его в одном месте, чтобы усугубить его в другом. И в то же время, когда буржуазия уже почти поголовно разочаровалась в парламентской говорильне („Schwatzhaus"), не только практики, но и теоретики ищут спасения в реформе бюрократии, в „бюрократическом парламентаризме" из спецов. И „система советов" на паритетных началах (буржуазии и рабочих), представительство по профессиям и тому подобные проекты наполняют толстые томы буржуазной науки не одной только Германии.

2. Бюрократический режим и буржуазное самоуправление.

Цитированный уже раньше проф. Макс Вебер приходит к заключению, что „во всяком современном государстве господство,—как осуществление управления, находится в руках чиновничества, и в дальнейшем развитии *бюрократического чиновничества*, основанного на назначении, жалованьи, пенсии, повышении по службе (avancement), профессиональном образовании и разделении труда, твердо установленной подведомственности (компетенции), системе бумажного производства („aktenmässig") иерархическом подчинении и начальствовании, заключается определенный масштаб степени модернизации данного государства". Значит, по мнению этого буржуазного профессора, *„бюрократии принадлежит будущее"*.

Таково одно направление. Но имеется еще направление в буржуазной науке, восстающее против бюрократического способа управления *во имя самоуправления*, по крайней мере, в местном значении, ибо это местное самоуправление естественно должно отразиться и на центральном управлении.

Что понимается под словом „самоуправление?" Различают, прежде всего, автономию и просто местное самоуправление, при чем под первой—понимают в буржуазной науке более широкий вид самоуправления, более всестороннюю самостоятельность „с правом *известного рода*

законодательных функций", но это различие и в буржуазном понимании самоуправления количественно трудно уловимо.

В самоуправлении одни усматривают просто *децентрализацию* в противоположность централизму, как „требование большей (чем где?) самостоятельности местных органов для *заведывания государственными делами* на месте". Другие в самоуправлении подчеркивают „большее (опять-таки сравнительная степень!) допущение участия *народа* к исполнению государственных функций при управлении местностью" (Кульчицкий). Но все эти крайне неопределенные пояснения, конечно, никакого определенного понятия нам не дают. И только краткий обзор развития и указание на реальные типы самоуправления нам могут выяснить эти споры и разногласия.

С одной стороны, мы имеем перед собою целый ряд типичных примеров систем самоуправления: *английское, так называемое, самоуправление* и развившееся из него *американское действительное самоуправление*, наконец *французский централизм с мнимым* самоуправлением.

С другой стороны, мы можем вопрос проследить вкратце исторически как в теории, так и в действительности. Это много места не займет, но даст нам верную оценку этих систем.

Учение о государственном управлении вообще, а равно и о самоуправлении больше всего развито в германской науке. Там не только отец учения об управлении Л. Ф. Штейн, но там и первый основательный исследователь английской системы самоуправления Р. Гнейст, правда, не совсем верно понявший эту систему, но внесший весьма ценный вклад в буржуазную науку о самоуправлении.

Последовательно мы в науке о самоуправлении находим три течения:

1) Общественную теорию общины (Ротган, Мауренбрехер, Аренс).

2) Органическую теорию (Гирке, Прейс и др.).

3) Государственную теорию (Л. Ф. Штейн и Р. Гнейст) и разветвление последней на юридическую и политическую. Я только вкратце передам сущность каждого течения в связи с реальными фактами, послужившими базою для каждой из них.

Мы знаем, что Великая французская революция выдвинула в противовес центральному буржуазному правительству—местные коммуны. Интересно, что этот новый тип самоуправления получил свое первоначальное оформление в организации, образовавшейся из *выборщиков* для *двухстепенных* выборов в центральное представительное собрание. Мысль была проста: отменяемую власть феодала на местах надо было чем-нибудь заменить; а в это пустое место весьма пригодилась организация, образовавшаяся *революционным* путем из *нерасшедшихся* после выборов выборщиков. Эти коммуны сыграли важную роль в Великой революции, а новые самоуправления в несколько сокращенном виде на местах просуществовали до переворота Бонапарта.

В 1831 г. эта организация общины вошла в Бельгийскую конституцию *) и оттуда попала в Германскую науку, как *общественная* теория самоуправления. Эта теория 30—40 годов прошлого столетия заключается в том, что *община—это государственная власть*, как государство по отношению к государству, значит, как бы федерация общин-государств. Из этого положения вытекает необходимость организации *надзора* за общиною, а для надзора этого создаются единицы высшего порядка. Значить, власть общины *собственная*, а не делегированная (препорученная) свыше власть **). Мы знаем из первых глав, что такова и была идея первоначального об'единения общин-родов или феодального волостного государства. Значит, теория излагает только реальную действительность, наступившую вместе с отменою феодальной местной власти.

Но экономическое развитие привело к централизации, к образованию все более и более централизованной власти. Как это отразилось в теории? Прежде всего, в *органи-*

*) Наука вообще так плохо была информирована на счет местной жизни разн. стран, что не только Гнейст мог неправильно понять специально исследованную им Англию, но и Маркс и Энгельс впали в ошибку насчет отсутствия самоуправления во Франции со времени Великой революции вплоть до 18 Брюмера (см. новое издание „Разоблачение насчет процесса коммунистов в Кельне", Цюрих 1885 г.).

**) Бельгийская конституция 7 февраля 1831 г. повторяет радикальную терминологию Французской революции. Поэтому она, утверждая конституционную монархию, прибавляет, что „власть эта королю делегирована (препоручена) народом". Но прерогативы (преимущества) ему предоставлены чисто королевские.

ческой теории самоуправления. Эта теория как бы ни была наивна, является большим шагом вперед. Она все *государство* приравнивает *живому организму*. Государство это—сложная личность (Gesammtperson). Нисшая его организация это—община. Хотя и нисший социальный организм, она обладает целым рядом публично-правовых полномочий, *не делегированных* от государства, а *принадлежащих* ей самостоятельно, по собственному праву, как социальному организму. Таким образом, органическая теория держится той точки зрения, что одни социальные организмы могут входить в состав других организмов и составлять часть их, не теряя в то же время своего самостоятельного существования, как социальный организм. На первый же взгляд видно, что популярность органической теории (а отдал ей известную дань и К. Маркс) об'ясняется именно тою постановкою вопроса, благодаря которой получается живая органическая связь между отдельными частями государства, центра и мест, чего механическая общественная теория не дала.

Но централизм усиливается; община и вообще местное самоуправление превращаются в прислужников центральной власти. Создается новая теория самоуправления—*государственная*. Самоуправление это—государственное управление (Selbstverwaltung-Staatsverwaltung). Нет принципиальной разницы между государственною и местною властью, все общинные дела—дела государственные, только одни из них—*общие*, другие—*местные*. Из представителей этой теории Л. Штейн еще близок к органической школе; он отстаивает *выборность* местного самоуправления и достаточную самодеятельность его на правах юридического лица публичного права. От Штейна идет направление *юридическое*: Лабанд, Еллинек и др., у которых от Штейна осталось собственно только то положение, что самоуправление, хотя и выборное, имеет права не собственные а *производные*, *делегированные*, *препорученные* от центра.

Другое течение государственной теории самоуправления, *политическое*, берет свое начало от Р. Гнейста *).

*) См. Гронский „Общинное управление", 1910 г., и Свешников „Типические черты местного управления в Англии, Франции, Пруссии", 1891 г.

Гнейст на основании изучения старого английского „самоуправления“ приходит к заключению, по которому сущность правильного самоуправления заключается в том, что власть на месте осуществляется не через чиновников-бюрократов, но через бесплатно исполняющих свои обязанности почетных представителей мест, каковыми были, например, английские мировые судьи, назначенные королем пожизненно из местных дворян по представляемым ему спискам, на началах повинности. Он против *выборных* и за *почетные* должности местного самоуправления. Он называет этот „идеальный английский порядок местного управления“ *начальственным видом самоуправления*. Мы назвали бы его *помещичьим* (или смешанным помещичье-буржуазным, ибо в мировые судьи попадают и фабриканты и капиталисты-землевладельцы), *классовым* самоуправлением, тогда как первое течение представляет чисто буржуазно-демократическое самоуправление. Последователи Гнейта смягчили его теорию, требуя не *чисто* почетных должностей, но лишь того, чтобы они были *больше* почетными должностями, чем профессиею (Beruf), т.-е. как бы *побочною* профессиею и т. д. Сам Гнейст, при всей его добросовестности, незаметно для себя внес в английскую действительность свои германские юнкерские классовые взгляды.

Англия не пошла по дороге указанной Гнейстом; напротив, закон 13 августа 1888 года ввел выборные графские советы, но и они исполнительный орган выбирают совместно со с'ездом мировых судей. Медленно, но все-таки пробивает себе путь и в Англии выборное самоуправление. Эта поправка сразу была внесена в английскую систему самоуправления в Сев.-Амер. Соед. Штатах и в английских колониях, как в Австралии, Канаде и т. д. Там все должностные лица, как то губернаторы, судьи и прокуроры и т. д. обыкновенно выборные. Там нет на местах вообще назначенных от центра представителей власти. Местные органы являются одновременно *местною* властью и исполнительными органами центральной власти. Это действительная демократия, но строго капиталистически-буржуазная демократия.

Если ознакомиться подробнее с порядком выборов в местной общине (тауншип) на общих собраниях (они

называются избирательными митингами *), то мы там находим много общего с нашими местными советами, только без выделения буржуазии, а, напротив, как раз с перевесом мелкой и крупной буржуазии. А где проникает капитализм, там все дела решают буржуазные партийные организации („Caucus" (lat)—фракции), и собрание превращается в пустую формальность.

Это и есть тот демократизм, который К. Маркс в своей критике Готской программы противопоставляет европейскому бюрократизму, но с тех пор он принял другую форму; та же атмосфера партийной коррупции, какая охватила всю буржуазную Америку, проникла, конечно, и в самоуправление, что ухудшается еще продажностью старых вождей рабочего класса.

Во *Франции* господствует противоположный тип местного управления—крайний централизм. Имеются местные департаментские и общинные выборные учреждения, но они имеют в значительной степени лишь *совещательный* характер, ибо *утверждение* всех постановлений зависит от центра или от представителя центра, префекта и т. д. Отсюда копировалось Всероссийское земство и самоуправление многих других стран. И в этой атмосфере возникла *несколько странная постановка вопроса*, что „разрешаемая центром местному самоуправлению компетенция зависит от того, насколько *центральная власть может доверить* органам самоуправления". А не наоборот!

Конечно, основной вопрос в каждом самоуправлении чисто классовый: какие общественные группы призваны, какие интересы представлены в самоуправлении, т.-е. о его классовом составе. Если те же самые, как и в центральной власти, то получается гармония, сотрудничество: если нет, то возникает вопрос „о доверии", а вместе с тем и о *контроле* (о степени его и о форме) центра *над самоуправлением*.

Централизованная буржуазная государственная власть, конечно, заинтересована лишь в том, чтобы капитализм

---

*) См. Фэрли „Местное управление в С.-А. Соед. Шт."—1910 г., стр. 133: „Живые и поучительные прения—вот наиболее характерная черта таун-митинга. В каждом таком собрании половина всех речей приходится на 4—5 лиц, но каждый имеет право делать указания, вносить поправки, иногда даже избирателям разрешается сделать сообщения, а прения часто бывают весьма интересны..."

свободно мог подчинить своему влиянию всю страну, и для этого стремится назначать на места своих политических, административных и судебных представителей, для проведения буржуазного правопорядка, буржуазной законности и т. д. Под надзором этих лиц она согласна предоставлять местам известную долю „автономии“, *по чисто экономическим*, иногда и политическим вопросам (охрана безопасности буржуазии!). Отсюда и фикция противоречия центрального управления и местного управления, игравшая такую роль в спорах о преимуществах муниципализации над национализациею и т. д. (ныне этот спор уже исжит).

Самоуправление и государственное управление, понятное дело, относится как часть к целому *в единой организации классового господства*, т, - е. в государстве, всякие трения и антогонизмы, вытекающие из различных ступеней развития разных частей страны, в этом ничего не изменяет. Мы еще увидим, что Советская власть в этом отношении дает идеальную схему. Но здесь не о том идет речь.

Здесь пред нами вопрос о системе самоуправления, как более совершенном методе управления. Мы знаем, что у нас земское управление во всех прогрессивных, оппозиционных и даже революционных кругах ставилось, как идеал, в противовес бюрократическому режиму. А в чем была сила нашего земства? В его *третьем элементе*, т.-е. как раз в специалистах-сотрудниках, взявших верх над „земскими парламентами“ и их исполнительными органами. В нашем обрезанном земстве девяностых годов помещичьи, а в городах—капиталистические интересы взяли настолько верх, что единственное отрадное явление осталось в виде, третьего элемента. Без этого и земство превратилось бы в ту же испорченную бюрократию определенного классового характера. Начались преследования III элемента, где он не поддавался полному порабощению со стороны классового господства.

Но и этот третий элемент переживал свою историю и свое расслоение. После кратковременного увлечения „хождением в народ“ наступил период земской статистики, земской агрономии, земской медицины из разночинного элемента. Тут происходило безусловно расслоение, история которого еще не написана. За время войны городские и земские самоуправления об'единились в громадные союзы,

земский и городской. Но что они не *завоевывали доверия* населения, видно из событий за период с марта по ноябрь 1917 г., когда созданные революционным путем самоуправления прогнали и сменили всюду эти старые учреждения, *как негодные.*

Но, как бы то ни было, *третий элемент* был, в конце концов, не выборный, но *бюрократически* приглашенный элемент. Вопрос о способе управления не решен самоуправлением. И в России мы видели, что сделалось со всеми этими земскими „спецами“ в первый же день после Октябьской революции.

3. Бюрократизм и Советская власть.

„Ныне мы достаточно сильны, чтобы перенести и переварить любое количество этой интеллигентной дряни (Gnark), и я предвижу, что мы будем в состоянии чрез 8—10 лет навербовать собственных молодых техников, медиков, юристов, учителей, а также передать крупные имения в управление от имени нации своим членам партии. В таком случае наше вступление во власть будет протекать гладко. Но если мы благодаря войне преждевременно (vorzeitig) станем у власти, то *техники* (у нас „спецы“) *будут нашими специальными противниками и будут обманывать и предовать нас, где только смогут.* Нам *придется применять террор* (den Schrecken), и нас всетаки обманут. Это в небольших размерах (in Kleinen) *всегда случалось со всеми французскими революциями.* Им даже в самых обыкновенных управлениях пришлось на действительно работающие нижние аппараты насаждать старых реакционеров, и *те „саботировали и подрывали все* (hemmten und lähmten Alles)“.

Так писал Ф. Энгельс в 1891 году. Это было время наплыва в германскую с.-д. массу молодой интеллигенции. И Энгельс с небывалою дальновидностью нарисовал возможную картину первых шагов победившей пролетарской революции, дословно изображающую действительность нашего 1918 года. Эта цитата не могла быть неизвестна Каутскому, когда он писал свои злостные нарекания на Советскую Россию и пророчествовал падение большевиков уже по одному тому, что за ними не идет слой интеллигенции и что они не имеют в своем распоряжении „ста-

рого опытного аппарата господства". „Совсем без или даже против интеллигенции организация социалистического производства невозможна".

Всем памятны первые шаги победившей пролетарской революции. Она нашла более дюжины старых ведомств, в которых надо было или продолжать работу по новому, или, по крайней мере, ликвидировать их. Среди них были такие сложные аппараты, как министерство финансов и капиталистические банки. Все чиновничество, почти без исключения, об'явило забастовку по команде контр-революционной буржуазии и отчасти на средства международного финансового капитала. Новое рабоче-крестьянское правительство вынуждено образовать совершенно новый аппарат, вместо вековой бюрократии, из менее опытного материала, вследствие чего получается аппарат, во многом хуже прежнего.

Может быть, эта забастовка, с одной стороны, и была счастьем для революции, ибо без нее еще в большей степени случилось бы то, что предсказал Энгельс относительно саботажа старых „спецов". Но, с другой стороны, она была громандым несчестьем, ибо для работы (хотя бы ликвидационной) пришлось пригласить новый состав чиновничества, конечно, также не из рабочих или по крайней мере, далеко не целиком из рабочих. Этот новый состав был менее опытен и часто ниже по своим моральным качествам, чем прежний. Поэтому для той же работы потребовалось больше народа, чем прежде; а когда кончилась забастовка, то число чиновников сразу чуть ли не удвоилось. Вдобавок голод и материальная необеспеченность служащих не дали им возможности работать и превратили их массами в саботажников, мешечников, даже взяточников, или довели честную их часть до полного истощения и упадка.

Но и в смысле работы результаты были далеко не удовлетворительны. Вступая в новую работу бюрократического режима, новое чиновничество не внесло и не могло внести сразу ничего нового, но, напротив, попадало под влияние старой закваски и довело бюракратизм до невероятных пределов. У него *не было системы и плана, но не было и рутины.* А ломка во время беспрерывного фронта сразу невозможна была не только в военном ведомстве, но и в весьма многих других. Надо сознаться, что об умелом строительстве нам приходится говорить лишь

изредка. *И не смотря на все это*—Рабоче-Крестьянское правительство вышло победителем. Это такое доказательство правоты дела коммунистов, что никакими доводами его не опрокинуть.

Как известно, всякая революция в сокращенном виде переживает все пред'идущие стадии развития. Так мы видим, как центральное управление быстро переживает примитивный демократизм (общих собраний служащих, митингов, с'ездов без конца), увлечение коллегиальною системою и останавливается на чисто деловом принципе единоличия, на основах демократического централизма.

То же самое мы видим в местном управлении: быстро переживается период местного всемогущества, т. н. сепаратизма (см. общественную теорию общины), затем перескакивают на противоположный принцип чрезмерного централизма (см государственную теорию самоуправления), период всяких ведомственных и Ц.И.К-овских специальных уполномоченных из центра, пока не наступает постепенное урегулирование отношений мест к центру на том же принципе демократического централизма, на основах созданных общих норм.

Если сущность всякого государства заключается в более или менее совершенной организации классового господства, то для Советского государства, имеющего в виду переорганизацию труда и хозяйства в государственном масштабе, потребовались великие *организаторские* силы. Современная социальная наука, а равно и политическая экономия вообще приписывают в человеческом развитии крупнейшее значение организатору. „Мудрость современного общества заключается в том, что она содержит в себе известный аппарат или механизм естественного подбора (Auslese)... У нас конкуренция проявляет *прирожденных организаторов*". (Аммон „Философия общества"). Я эту цитату привел ни для того, чтобы с ней согласиться, ни для того, чтобы с нею полемизировать, но лишь для того, чтобы показать общепризнанное значение роли общественного организатора. Важнейшим недостатком и самым слабым местом российской революции, вполне естественно, был как раз крайне ограниченный количественно и качественно состав организаторов. II С'езд Советов на скорую руку об'явил *„всю власть Советам"*, назначил Совет Нар. Комис. и предписал ему провести эту программу

„в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих".

Этот верный лозунг, прошедший чрез призму масс, получил самый различный вид. Еще до революции, при крайней слабости Врем. Правительства, власть на жел. дор., в министерстве продовольствия, на фабриках и т. д. находилась в руках массовых организаций рабочих и служащих, но чисто или смешанно-синдикалистских организаций. Не даром железнодорожники претендовали на *своего* выборного министра, профсоюзы вообще на *своего* министра труда, служащие министерства продовольствия на *своего* „выборного" министра продовольствия и т. д. Это синдикалистское направление получило выражение не только на практике, но и в теории: в конституционную комиссию были внесены два проекта (прив.-доц. Ренгартена и организации максималистов), выработанных—первый в чисто синдикалистском духе, а второй—в смешанном анархо-синдикалистском. Железные дороги—железнодорожникам, водные пути—водникам, фабрики—рабочим данного предприятия, земли—крестьянам данного имения и т. д. Это *первая тенденция*. Стоило не мало труда, чтобы взять верх над этими течениями. Но революция сама себя критикует, и она быстро победила.

Конституция, кроме принципиального лозунга: „вся власть Советам", никаких указаний для управления не дает. Только для Народного Комиссара она уже вносит *единоличный принцип* с образованием при нем коллегии, которая имеет лишь право совещания и внутреннего контроля (право жалобы, не останавливая исполнения постановления Нар. Комиссара). VIII С'езд Р.К.П., принимая в 1919 г. программу партии, уже подчеркнул необходимость использовать буржуазных специалистов: „Задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцаниями и навыками"... „Саботаж в общем сломлен"... „Бороться беспощадно с мнимо-радикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы рядом с ними",

Мы видели, что уже в конституции (т.-е. летом 1918 г.) обязанности Наркомиссара понимались как *единоличные* с контролирующей Коллегиею, имеющей право обжалования действий Нар. Ком., но без права приостановления. Значительно труднее эта борьба была в области хозяйственного управления, где еще поныне имеются поклонники коллегиальной системы, как более „демократической".

IX Съезд Р. К. П. (в апр. 1920 г.) в этом отношении принял определенное решение: „В целях более простой и точной организации управления производством, а также в целях экономии организаторских сил, Съезд считает необходимым приблизить управление промышленностью *к единоличию*, а именно: установить полное и безусловное единоличие в мастерских и цехах, итти к единоличию в заводоуправлениях и к сокращенным коллегиям в средних и высших звеньях административно-производственного аппарата". Но там же рекомендуется целый ряд мер, как привлекать к делу управления рабочие массы.

Борьба эта не совсем окончена, и некоторые все еще думают, что борьба против коллегиальности как раз усилила бюрократию. Это очень узкий взгляд, увлекающийся внешним видом „демократии". *Коллегия* сама по себе не есть демократический способ управления, и как раз *наиболее вредный бюрократизм* проявляется в форме коллегиального управления, где коллегия обсуждает *чисто бумажные* доклады и по ним медленно решает вопросы живой действительности.

Но в действительности, как я уже отметил, бюрократизм мы получилили в наследство от прежнего строя вместе с его учреждениями, не упразднив, но, напротив, во многих отношениях ухудшив его. В результате получились ужасающие цифры численности чиновников. Эти цифры, конечно, не сравнимы с цифрами буржуазных государств, так как у нас в число служащих входили не только лица, исполняющие административные функции, но и весь аппарат хозяйственной администрации. Все-таки эти цифры безусловно чрезмерны, и аппарат работал чрезвычайно неудовлетворительно.

Таково создавшееся положение в советской бюрократии! Какой выход? И возможен ли вообще „мирный", т.-е. не связанный с насилием, выход? Как уменьшить естественным путем перенаселение канцелярии? Мой личный опыт убеж-

дает меня, что эта задача трудна. Всякий раз, когда я увольнял кого-либо из служащих, ну, скажем, за неспособностью, на другой день он или она приходили за необходимою „бумажкою" для найденного уже нового места. Всегда увольняемые получали однородные занятия в другом месте хотя бы в каком-нибудь учреждении для сокращения или, упразднения штатов. Мне всегда непонятно было это стремление, охотнее работать плохо на пишущей, чем хорошо работать на швейной машине, подшивать замаранную бумагу и старые дела, чем заново шить чистое белье и новые платья. Чем одно почетнее другого? Это влечение несколько указывает на мещанское происхождение, но не только. VIII Съезд постановил: ускорить начатое упрощение сов. аппаратов в целях перевода служащих *на производственный труд*. Мысль верна, но ясно, что в таком случае одновременно с увольнением*) необходимо служащим, признанным негодными, предоставить возможность посещать профессиональные курсы для обучения более подходящим занятиям, определяя их на такие курсы *на определенный срок*, взамен занесения их в биржу труда в качестве безработных, но по собственному влечению. Без такого шага от этой создавшейся резервной армии безработных, обыкновенно неспособных к данной работе, при одновременном недостатке рабочей силы вообще, повидимому, не освободиться. Ведь законное материальное положение служащих все время у нас в общем было ужасно, и даже оно не побудило их уйти со службы. Удастся ли это новой политике?

Переходя на новую экономическую политику, безусловно такое сокращение необходимо *в несравненно больших размерах*. Перевод учреждений на хозяйственный расчет безусловно кое-что сделает в этом отношении, но это нововведение имеет и другую сторону: оно создает более выгодную службу в трестах и др. привиллегированных ведомствах, с естественным понижением уровня остального персонала. Уйдет из канцелярии и значительная часть рабочего элемента назад на заводы, что понизит и классовый состав служащих и т. д.

---

*) Если ты признал человека неподходящим для его поста, то „лучше отправить его на покой с сохранением оклада, чем оставить его на месте, ибо он привинит много вреда не только тебе и себе, но и бесчисленным посторонним лицам". („Тезисы для деловых людей"—Вальтера Ратенау, собрание сочинений т. IV).

27 октября 1921 года Президиум ВЦИК (Собр. уст. № 72, ст. 584) создал особую комисию по пересмотру учреждений РСФСР. Ее задачею является пересмотр всех учреждений РСФСР с целью *упразднения целых учреждений и частей* их, какие только возможно упразднить без крайнего вреда для государства. Соответственно тому *образуются комиссии* и в областях и губерниях.

Еще для IX С'езда Советов был составлен доклад о намеченных этою комиссиею сокращениях, который обещает значительные результаты. Я приведу лишь примерно несколько цифр:

По РСФСР без Украины, Закавказья и Туркестана.

	ВСНХ	НКПС	Н. К. Зем.	Н. К. Прос.	НКВН	Н. К. Прод.	Н. К. Фин.	ВСЕГО
На 1 октября было на лицо на жалованьи в тысячах	1503	1834	1164	1053	1183	326	63	7126
Предполагается после сокращения	1337	1160	325	513	273	170	55	3833
Убыль	166	674	839	540	910	156	8	3293

Значит предполагается сократить всего на 3,845,000 лиц. Здесь неимеется данных для целого ряда других ведомств, по которым число лиц, получающих жалованье от государства, составляло, по мнению Комиссии, до 500,000. Кроме того, не показаны переименованные федеративные республики, на которые необходимо прибавить не менее 25%. Но надо заметить, что эти сокращения в значительной степени достигаются переходом *на новую политику* (напр., в Наркомземе сокращение на 839.000 чел.), далее— вследствие упразднения целых учреждений, как, например сокращения сельских и волостных исполнительных органов (уменьшение на 570,000 человек) и т. д. Весьма мозможно, что многие из этих механических сокращений и не оправдаются. Но все-таки останется еще чрезмерно много бюрократии, и увольняемые в одном месте продолжают поступать *на новые штаты и новые должности*, вызванные новою политикою или просто перегруппировкою. Я читаю сегодня в „Известиях", что по Наркомздраву достигнуто сокращение штатов на 40%, и будет всего (не считая Украины, Туркестана и Закавказья) 54,335 служащих а по Наркомюст 87,000 (Изв. ВЦИК от 14 февр. 1922 г.)

40%, как общую цифру, я считаю еще весьма незначительным сокращением при переходе к частному хозяйству. Если оно во многих ведомствах не достигнет 80%, то придется учреждать такие же комиссии еще и еще, пока не будет достигнут упрощенный советский, т.-е. чисто-деловой аппарат управления. Пока и советский строй еще не упразднил бюрократии.

Весьма интересная попытка освежить наш советский аппарат проводится декретом от 24 июня 1921 г. (Собр. узак. № 66, ст. 353), по которому, в целях „укрепления аппарата РСФСР новыми силами и подготовки новых кадров советских работников из *рядов рабочей и крестьянской молодежи*“ — вводится „система практиканства членов Р. Ком. Союза Молодежи во всех государственных учреждениях“, в первую очередь тех, которые обслуживают труд, быт и воспитание трудящегося юношества, в экономических и административно-промышленных органах и в Раб.-Крест. Инспекции. Привлекается к такому практиканству молодежь, окончившая партийныя школы и т. п. Предельный срок практиканства 6 месяцев. Все сказанное выше послужит достаточным предостережением для нашего молодого поколения, чего больше всего следует опасаться в работе управления советским государством. Положительных указаний я, к сожалению, могу дать лишь немного в следующих строчках и то не на основании реального опыта нашего, но лишь в виде книжных соображений.

4. Деловой метод управления.

„Проверить людей и проверять фактическое исполнение дела в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики“. (Речь Ленина 6/III—1922 г.).

Я еще в первых главах своей работы указал на то, что человечество или, вернее, класс, господствующий в данную эпоху, и государство, т. е. аппарат своего господства, строит по своему же образу и подобию. Следовательно, капиталистическое государство должно иметь аппарат управления, более или менее делового характера. Но я также указал на то обстоятельство, что в институте государства наиболее сильны традиции прошлого, исторические, если не доисторические, пережитки. Здесь больше, чем где бы

то ни было, в силе пословица: „Le mort saisit le vif“, „мертвое пленяет живое“. Итак, бюрократия прошлого одолевает новые, как государственные, так чисто общественные учреждения, как то: профсоюзные, партийные и даже коммерческие. Необходима целая революция, чтобы стереть эти старые остатки с лица земли.

Первая стадия пролетарской революции разыгрывается в атмосфере капитализма. В борьбе за роль в производстве господствующее положение, вместо класса капиталистов, завоевывает пролетариат, присваивая себе одновременно все титулы власти, уничтоженного им окончательно класса крупных земельных собственников. Капитализм целиком или отчасти превращается в государственный капитализм. Управление берет в свои руки класс пролетариата.

К. Маркс, уже раньше глубоко изучавший организацию труда и общественных отношений в связи с революциею и давший великолепную характеристику и критику бюрократии в „18 Брюмера“, в момент самого переворота, дает нам такую же блестящую картину изменений в организации управлений в первой пролетарской революции, в Парижской Коммуне, чуть ли не в самый день этого переворота, в своей „Гражданской-Войне“.

„В особенности Коммуна доказала, что рабочий класс *не может просто овладеть готовою государственною машиною и пустить ее в ход для своих собственных целей*“ (см. предисловие к „Ком. Маниф“.) „Париж... вместо армии, сформировал, *главным образом из рабочих*, национальную гвардию“... „Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его *вооруженным народом*“...

„Коммуна образовалась из избранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были *ответственны и в любое время сменяемы. Большинство* состояло, само собою разумеется, *из рабочих или признанных представителей рабочего класса*. Коммуна была не парламент, а *рабочая организация*, об'единяющая в себе и исполнительную и законодательную власть“. „Полиция, бывшая до сих пор орудием государственного правительства, была лишена своих политических функций и превращена в *ответственный орган* Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое *чиновники всех* остальных отраслей управления“...

„Разумеется, что Парижская Коммуна должна была стать примером для всех крупнейших центров Франции. Раз коммунальный строй был бы введен в *Париже* и второстепенных *промышленных центрах*, и в провинции старое централизованное правительство должно было бы уступить место *самоуправленню производителей*".

„*Не многие но важные функции*, которые оставались бы еще за центральным правительством, постановлено было не *уничтожать*,... но предоставлять *коммунальным*, т.-е. *строго ответственным чиновникам*... Уничтожая все органы старого правительства, которыми эта старая власть пользовалась только в целях угнетения, Коммуна вырывает из рук этой власти, стремившейся стоять над народом, ее законные функции и передает таковые *ответственным чиновникам общества*... Теперь *всеобщее право голосования* должно было служить *организованному в Коммуны народу* так же, как *индивидуальное право выбора* служит *работодателю* когда *он ищет для своего предприятия рабочих, надзирателей и бухгалтеров*. И всем достаточно известно, что общество само так же хорошо умеет, как и определенные лица, найти *подходящего для своего практического дела человека, а если оно ошиблось*, оно *сумеет это быстро исправить*. Но... для Коммуны не могло быть ничего более противного, чем, вместо всеобщего *права выбора, ввести иерархическое назначение*.

...„Уничтожая обоих потребителей самых крупных средств государства, армию и чиновничество, Коммуна привела в исполнение идеал буржуазной революции—создала *дешевое правительство*. Уже ее существование означает отрицание монархии, бывшей, по крайней мере, в Европе тяжелым балластом и маскою для классового правительства. Коммуна однако не поставила себе целью ни „дешевое правительство", ни „истинную республику", которые появились сами собою".

Эта длинная выписка необходима была, чтобы вполне усвоить себе глубокий ее смысл. Кроме *ответственности и отзываемости* каждого служащего Коммуны, которые подчеркиваются и в нашей Конституции, и выборности его снизу, там подчеркивается именно *внесение чисто делового момента в управление государственными делами*. Уже в *выборе* служащего низы должны руководствоваться теми же принципами и методами, какими руководствуется ныне

работодатель *индивидуально*, т.-е. его соответствием чисто деловым, а не по родственным, товарищеским или иным побочным соображениям, *быстро и прибавим, беспощадно исправляя свою ошибку*. Но если проверить этот последний момент — выборность по чисто деловым соображениям — в таких современных государствах, как в Америке, то мы видим, что там партийное кумовство буржуазных классовых партий взяло верх над всякими деловыми соображениями.

Но в чем же заключаются основные принципы делового управления? С одной стороны, я уже указал на то, что торгово-промышленная жизнь, наоборот, много заимствовала от государства прошлого. Всякая новая организация в буржуазном обществе прокладывает себе дорогу только путем конкурренции, борьбы за существование, как бы, говоря словами Маркса, по естественным законам природы, а отнюдь не сознательно.

Лишь недавно появилась в Америке система научной постановки организации труда (scientific managemnt) в системе Тэйлора, но и то прежде всего и пока почти исключительно в области физического труда и еще службы жел. дороги. Правда, при Тафте Соединенные Штаты образовали особую комиссию для исследования способов применения этого нового научного способа „бюджетирования рабочей силы“ и к государственной службе, но о результатах работы этой комиссии мне читать не приходилось.

Но и в процессе производства количество персонала служащих конторы сильно возрастает по отношению к рабочим, и, напр., в Сев. Америке уже в 90-ых годах прошлого столетия составляло 9,2 человека на 100 занятых в предприятии лиц, значит, почти 10% (см. Короля Райта — „Эволюция пром. в С. Америке за 100 лет“). Отчасти это, конечно, означает громадный род производственных сил, но, с другой стороны, мы читаем у Тэйлора — Росслера речь одного американского представителя ж. д., что „сбережения путем введения новых принципов в управлении и эксплоатации всех железных дорог Соединенных Штатов составляли бы *один миллион долларов* в день“. Я должен оговориться, что тут в Америке, и вообще в капиталистическом обществе, весь вопрос идет лишь о способе использования каждой минуты *оплаченной* рабочей силы, и известно, как Тэйлор, увидев, что его рабочий

после фабричной работы еще может работать 2 часа в своем садике, заявил, что рабочий у него украл эти два час, и что он, значит, *нечестный рабочий*. Это означает научный способ борьбы против рабочего и против всяких профессиональных его организаций, и такая точка зрения отпадает только с победою пролетариата.

Поэтому вся научная система Тэйлора, главным образом, занимается „стандардизациею" труда, т.-е. получением standard'a—нормы выработки, доводя ее до минимума затраты энергии, и сущность ее заключается в исследовании производительности, продуктивности (efficiency).

Нас прежде всего здесь интересует сторона организации. Являются ли способности организатора прирожденными способностями или они даются только наукою, выучкою, навыком? В капиталистическом мире, как мы уже видели, лишь конкурренция „обнаруживает этих прирожденных организаторов". Но, не решая вопроса, прирождены ли эти организационные таланты или они лишь вырабатываются,— надо *стремиться выбрать*, как Маркс указал про Коммуну, *подходящих* людей. Если мы любому современному капиталисту представим список лиц, он не возьмет первых попавшихся 10 на одну и следующих 20 на другую работу, он поинтересуется их качествами, их склонностями и способностями и в лучшем случае согласится осторожно их поставить на работу для испытания, но он и легко „исправит свою ошибку". Это является единственным способом и для Коммуны в Париже и для всякого иного рабочего правительства.

Деловой способ управления выдвигает, вместо *рутины систему и организацию*. Правда, „есть многие, смешивающие систему и организацию с рутиною... но они не похожи друг на друга даже с внешей стороны. *Система* это—урегулированное соединение или совмещение отдельных частей или предметов в единое целое, *основанное на разумных началах; организация* для такого соединения требует еще *планомерности*, тогда как *рутина* является *застывшими ловкостью и искусством*, основанными исключительно *на навыке*" (Др. Р. Гримсгард—„Организация").

„Понятие *организации* включает в себе понятия: *порядок* (Ordnung), *разделение труда и контроль*", пишет доцент коммерческих наук Г. Обст. *).

*) См. Др. Георг Обст. Das Bankgeschäft, Leipzig 1914.

Порядок, это, прежде всего,—планомерность, но, во вторых, и точное проведение и крайняя аккуратность в проведении плана (peinliche Ordnung). Всякому развитому рабочему, напр., металлисту, это понятие вполне вразумительно, его надо только перенести из области производства в область организации управления. Накопившуюся организационную энергию из производства, а равно и из рабочей и партийной организации надо перевести, переработать в *организационную* энергию применительно к управлению. И этими способностями не следует пренебрегать, как „буржуазным предрассудком". В том и заключается тот большой плюс для революции на Западе, что там имеется такая накопившаяся энергия, которой у нас почти что не было.

Планомерность, чистота, аккуратность исполнения— таковы моменты, тщательно проводимые в жизнь в любом примерно поставленном торгово-промышленном управлении. Разумное распределение служащих и часов их явки на службу, чтобы служащие не слонялись зря без работы. Для этого, напр., тот же Обст, вопреки нашей привычке, что „начальствующие лица" приходят позже, — сообщает, что по общему правилу за полчаса до начала занятий по очереди является один из распорядителей (владельцев фирмы или „прокуристов") для присутствия при разборке и распределении корреспонденции. Сюда относятся и строгий учет всех необходимых, и только необходимых, сил с устранением всего лишнего. Значит, назначение на должности по *надобности*, а не по наперед установленным по шаблону штатам. Это есть сущность всякого бюджетирования человеческой силы, удаляя все лишнее из области управления в область производства, если не иначе, то в категорию не обученного труда.

Второе требование — *разделение труда*. Мы видели, что сами ведомства возникли по простому разделению труда, но только не научному, а весьма случайному и даже исторически нерациональному: „Сущность научного определения производительности основывается на двух мыслях: 1) на развитии и руководстве всякого рода промышленной деятельности с точки зрения *разделения всех процессов на мелчайшие и простейшие элементы* и 2) на определении и проведении в жизнь экономических мероприятий". (Tauler—Walliches, „Die Betriebslehre", 1919).

Всякое разделение труда, кроме разделения процесса на элементы, требует и нового планомерного соединения, правильного расставления этих элементов. Это весьма существенное требование, но к нему следует прибавить основное правило, выдвигаемое всеми „тэйлористами" единогласно, что *частая* ломка недопустима, и необходимо медленное, постоянное проведение этих новшеств.

В связи с разделением труда находится деление на специальности, о которой мы еще поговорим ниже.

Во третьих—*контроль*. Деловое понимание контроля заключается в хозяйственном способе его применения. „Контроль должен оплачиваться". И если контроль обходится дороже, чем предупреждаемое зло, то контроль подлежит отмене. Его надо понимать, прежде всего, как внутренний контроль, известный фабричному производству, где само производство (машина или процесс труда) контролирует работу. Правильное течение бумаги и внутренняя проверка течения ее—таково первое требование. Например, Баллевин—Левин (Fabriksbetrieb) предлагает: для контроля действительного разрешения всей переписки—ежедневное сообщение в исходящий пункт списка всех неразрешенных еще бумаг. Вообще, в видах контроля и экономии труда—регистратура должна занимать *не последнее*, как ныне в правительственных учреждениях (не даром „коллежский регистратор"—низший чин), а *весьма ответственное* место. Мы видели, что в банковском деле Обст требует при разборке корреспонденции присутствия ответственного распорядителя. Другой (Баллевин—Левин) говорит то же самое: поступающая почта записывается и тут же проверяется одним из распорядителей („прокуристов") или заведующих отдельных отделений.

Контроль должен быть действителен, дешев и приурочен к самому удобному моменту процесса работы. Еще маленький пример для характеристики разницы между деловым способом контроля и бюрократическим. По последнему, как известно, всегда требуется 3, и не менее 2 подписей, при чем высшая подпись обыкновенного кладется по привычке, просто потому, что предыдущая уже имеется. Между тем, в банковом деле часто практикуется лишь *одна подпись*, напр., из 2 кассиров подпись не принимавшего деньги, а того, кто проверял, при чем соответственность первого просто предполагается.

Остается нам еще коснуться вопроса *о категориях служащих*. Их делят на *ответственных работников, исполнителей* (секретарей, делопроизводителей и т. д., и т. д.) и *низших служащих*. Но это деление слишком часто проводится исключительно с точки зрения желательного оклада, а не рациональной постановки дела.

Деловой метод управления не злоупотребляет понятием *ответственного работника* *). В общем смысле слова ответственным должен быть всякий служащий в пределах своей должности. Но если мы говорим об „ответственных работниках" в торгово-промышленом деле, то под этим понимаются не мнимые „управляющие делами", а действительные распорядители, т.-е. те „немногие, но важные функции", о которых говорил выше К. Маркс, где или требуются исключительные способности и познания и т. д. („спецы"), или быстро соображающие директора, руководители, распорядители и т. д.

Второй разряд—это *исполнители* „Эта работа, вследствие все большего разделения труда, становится односторонней, но все-таки было бы ошибочно посадить на эти посты неквалифицированного (unlearned) работника, хотя бы он в несколько дней и мог научиться этой работе..., ибо он не должен потерять из виду организации управления предприятием в целом". (См. Обст, цитированная работа). Тут, конечно, должна быть самая сложная специализация и т. д. И эта часть, пожалуй, представляет наибольшие трудности.

Третий элемемт это—низший исполнительный аппарт, состоящий из профессиональных работников (как машинисты, конторщики и т. д.) или из необученных чернорабочих для самих простых, механических функций. Здесь оценка должна быть чисто деловая и за соответствующую оплату. Напр., машинист должен оцениваться не столько

*) Тов. Ленин в речи от 6/III—22 г. (у металлистов) говорит о коммунистах, мнящих себя администраторами: „Я знаю многих „ответственных" организаторов, которые воображают себе, что они должны *все сами* делать. Я их всегда считал хорошими исполнителями, но отнюдь не организаторами". Так же Вальтер говорит: „Мы должны знать все органы и за ними постоянно наблюдать, но никогда не делать сами того, что эти органы сами могут исполнить. Ибо важнейшею работою является та, которой никто иной делать не может и таковой всегда достаточно. Требуй, чтобы каждый из твоих людей имел заместителя а никто не имел бы ад'ютанта" (см. его тезисы).

по каличеству языков (что обыкновенно играет роль средства для поднятия расценки); но по свойству работы, напр., по каличеству букв в минуту, беспощадно устраняя из разряда машинистов все негодное, только портящее бумагу, но соответственно тому оценивая эту специальность в одном разряде с первостепенными наборщикам и т. д.

Что не следует гнаться за дешевизною рабочей силы во что бы то ни стало, это известно уже всякому капиталисту, но зато следует принять все меры для рационального использования этой силы. И в этих видах стремятся достигнуть „механизации работы". Я здесь для примера приведу из книг Паркгоста („От директора распорядителя до рассыльного" 1919 г.) несколько слов из инструкции для привратников

При указании ежедневных обязанностей привратника против каждого пункта проставляется в минутах время, в течение которого должны выполяться разного рода элементарные операции. Такие данные, основаны на фактических наблюдениях с помощью секундо-метра. и, по подведении итога для времени всех отдельных элементарных операций, этот итог указывается в часах и сотых долях часа и представляет нормальное время кажрой операции". По этой системе распределяются поочередно все операции, а равно и необходимый отдых, время для еды, время прихода и ухода. Так достигается точное и своевременное исполнение всех возложенных обязанностей, и только так достигается непереутомление.

Комбинация всех отдельных частей процесса труда является, таким образом, отдною из самых существенных задач. „Каждый служащий должен иметь вполне *определенные обязанности* и совершенно ясно формулированную ответственность", таков принцип для системы управления, рекомендуемый тем же Паркгостом.

Эти примерно перечисленные указания теории, в связи со словами К. Маркса о Коммуне, должны служить руководящею нитью для исправления нашей практики управления. В своей речи тов. Каменев на осенней конференции Р.К.П. 1921 г. показал, что Рабоче-Крестьянское правительство является *дешевым* правительством, сравнительно хотя бы с царским правительством, и поэтому оно вполне приемлемо для крестьян. Трудно, конечно, проверить подобные расчеты, но довод этот силен. Мы видели, что по

Марксу Коммуна оказалась дешевым правительством, идеал недостижимый для буржуазии. Но он там же прибавляет: „Коммуна, однако, не ставила себе целью „дешевизны государсува"... которая появилась сама собою". Эти слова надо себе отметить. Не дешивизна одна должна руководить при организации управления. Как бы не вышло, словами поговорки, „дешево, но сердито".

X. ВЛАСТЬ НА МЕСТАХ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ.

А. Общее значение власти на местах.

Мы видели, что борьба за „суверенность" государственной власти с местным владычеством дворян-феодалов, завершившаяся современною буржуазною демократиею, привела к максимальной централизации властей, в первую очередь, исполнительной власти. Буржуазная революция окончательно распылила все „общество", разрушив все местные связи, не только в деревне, где вместо прежнего об'единения крестьян под властью феодала, как посредника, создалось безконечное количество независимых мелких крестьянских хозяйств, как самостоятельных ячеек, но и в городах, где одновременно с отменою цехевого устройства было запрещено об'единение рабочих.

Но для проведения мероприятий централизованной власти необходимы были *представители этой власти на местах*, и она для этой цели назначала туда своих особых уполномоченных или „управляющих": губернаторов, (дословно именно: управляющих), префектов, комиссаров и т. д. с целым штатом подчиненных им и обыкновенно назначаемых ими же чиновников. Местами этих своих представителей центральная власть выбирала из местных людей (местных землевладельцев или капиталистов), и там образовалось, как в Англии, так называемое местное *самоуправление, назначенное* из центра. Все это мы уже видели в отделе о государственном управлении и бюрократии.

Местами *хозяйственные* функции передавались выборному представительству местного населения, но и в этих случаях функции самоуправлений считаются лишь делеги-

рованными, препорученными от центра. Естественно, что между центром и местным самоуправлением возникают бесконечные споры, борьба за власть, как мы это особенно ярко видели у нас на прежних земских самоуправлениях, пока таковые были учреждениями чисто выборными. Но это явление отнюдь не было явлением одной только царской России, но явлением, по крайней мере, общеевропейским, и, можно сказать, что этот антогонизм между центральною властью и ее представителями и местным самоуправлением является одною из основных составных частей современной демократии. Ею возбуждаются вздорные иллюзии об особом демократизме местного самоуправления, откуда возникают всякие планы муниципализации, муниципального социализма и т. д., противопоставляемые национализации, государственному капитализму и т. д. Но трезвая действительность, как мы уже видели во главе об управлении, показывает, что самоуправление есть лишь составная часть всего аппарата классового господства, к которой в центре относятся с большим или меньшим недоверием в виду классовой борьбы, в первую очередь — между классом земельных собственников и капиталистов. Поэтому *вся* власть на местах принадлежит *представителям, назначенным из центра, а местным самоуправлениям доверяются* лишь ограниченные функции определяемые обыкновенно словами — „хозяйственные функции“ и заключающиеся, главным образом, в разных возложенных на них обязанностях, т.-е. в исполнении „предначертаний“ центральной власти.

Наше советское устройство в этом отношении придерживается другой системы. И оно является централизованною властью, как это еще более необходимо при переходе к планомерному хозяйству, вместо анархии частного капиталистического хозяйства. Но оно не имеет, как общее правило, особых представителей центра на местах, а местные советы являются *всею властью на местах*, т.-е. они являются одновременно *местною самостоятельною властью и единственными исполнительными органами центра*. Тут нечего скрывать, что эта задача чрезвычайно трудно разрешима, да еще в таких грандиозных размерах, при российской отсталости и при крайнем разнообразии местных условий. Но для всякого ясно, что только так может быть решена задача получить работающий без трений аппарат, в котором, как в правильном механизме, согла-

сованы были бы отдельные частицы механизма для общего действия.

Проблема *отношений центра и мест* вообще является самою сложною проблемою самоуправления, ибо требует согласования самых различных местных и общих интересов. Развитие и осложнение буржуазного общества с ростом капитализма создает массу централизованных, всеобщих интересов, противопоставляемых отдельным местным интересам. С одной стороны, тенденция к чрезмерной централизации, с другой стороны, так называемый местный сепаратизм, „местная колокольня". Известно, что, напр., самая действительно демократическая конституция Европы, швейцарская, предусматривает даже экзекуции, т.-е. насильственные меры против отдельных кантонов вооруженными силами соседних кантонов по поручению центра. В газетах мы читаем о резком столкновении между Баварией и Германскою Республикою и т. д. Вполне естественно, что все эти явления повторяются и в России, особенно после того, как и царский и шедший по его стопам режим Львова-Керенского придерживались принципа безусловного подавления силою всякого проявления местного сепаратизма.

Этот местной сепаратизм должен был даже усилиться в первое время после Октябрьской революции, когда чрезвычайно развивались синдикалистские стремления (часто прикрывающие мелко-буржуазное шкурничество), об'являющие жел. дороги—монополиею железно-дорожников, пароходы—достоянием водников и т. д. И мы через 4 года можем с некоторым удивлением констатировать, что эти стремления в хозяйственной области уже в значительной степени исжиты.

Эта наша система в капиталистическом мире проведена в Северной Америке, Канаде, Австралии и некоторых других английских колониях, где также нет на местах назначаемых из центра чиновников, а губернаторы и т. п. представители власти выбираются, в местные органы, таким образом, являются не только самостоятельными местными органами, но и исполнительными органами центральной власти (см. главу об управлении). Но там получается согласованный центральный и местный режим класса капиталистов, тогда как только советская система гарантирует единство Рабоче-Крестьянской власти.

Обращаясь к практической постановке вопроса, мы для наиболее яркой характеристики буржуазной системы недоверия к местам приведем опыт революционного времени правительства Львова-Керенского. Сейчас после февральской революции Времен. правительство назначало всюду своих комиссаров из бывших тузов земского и городского самоуправления, не взирая на протесты с мест, выражающиеся местами в арестах этих земско-городских комиссаров и в выборе своих революционных комиссаров. Был созван даже с'езд комиссаров, и на нем лишь при давлении Времен. правительства проведен принцип назначения: „вся власть на местах принадлежит комиссару Времен. правительства".

Но одновременно прошла по всей стране волна революционных выборов органов самоуправления. Только под давлением этого факта и с целью сужения функций самоуправления, и то лишь 1 мая 1917 года появилось постановление о городских выборрх, 30 мая—о волостном земстве и 14 июня—о губ. и земских выборах. Наконец, 8 июля (Собр. узак., ст. 869 и 870, 1917 года) вышли положения о гор. и земском самоуправлениях. Эти положения можно назвать *самыми позорными* актами этого правительства, ибо они ограничились тем, что переработали с чисто внешней стороны—прежние царские земские и городские положения 90-х годов. Кто-то из старых царских чиновников, просмотрев по поручению „революционного" Времен. Правительства прежние положения, так и написал: „такие-то статьи положения 1892 г. отметить, изменить, дополнить или изложить в следующем виде". Значит, *изложить революцию 1917 года в словах* царского режима! Стоит только вычеркнуть эти дополнения - и старая власть восстановлена. И на подобное издевательство решились в то время, когда на местах почти всюду уже образовалась *революционная власть на местах!* Вместо надзора и утверждения губернатора ввели надзор и утверждения комиссара—и „революционный порядок" установлен.

Старая система самоуправления состояла в простом перечислении всех дел, *„возложенных* на земское и городское самоуправление"—без утверждения или с утверждением начальства. Насколько мелочен это перечень, видно из пары примеров.—„Гор. Дума может издавать обязательные постановления (следуют 34 пункта): 14) о порядке

нумерации домов, а также об освещения нумеров; 33) об установке вывесок; 19) об очистке дворов, об устройстве и содержании помойных ям... и *отхожих мест* и т. д., и т. д.". Меньшевики из коалиционного правительства (Церетелли тогда уже был министром почт и телеграфов) буквально помнили мечты ревизионистов 1890-х годов о муниципализации писсуаров, столь едко высмеянных еще Каутским старых, добрых времен.

Сопоставьте с этими многословными положениями чрезвычайно простые статьи главы XII нашей Советской Конституции о предметах ведения органов Советской власти на местах. Ст. 61 гласит: „Областные, губернские, уездные и волостные органы Сов. власти, а также Советы Депутатов имеют предметом своей деятельности:

а) *проведение* в жизнь *всех постановлений* соответствующих высших органов Сов. власти;

б) принятие *всех мер* к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях;

в) разрешение всех *вопросов*, имеющих чисто местное (для данной территории) значение;

г) *об'единение всей советской деятельности* в пределах данной территории.

Надо сознаться, что формулировка этой статьи слаба и во многом даже напоминает старые законы, но основная мысль их проста и ясна, что местные с'езды советы и исполкомы являются *всею* властью на местах (разрешение *всех*, а не только хозяйственных вопросов местного значения), а одновременно единственными исполнительными органами центра на местах. Это означает, что в пределах общего законодательства, общих правил и инструкций—местные органы имеют всю местную власть нераздельно; и законодательную (местные постановления, не нарушающие общих декретов) и исполнительную, и судебную (выборы нар. судей и т. д.). Правда, конституция обходит молчанием самый сложный вопрос о пределах местной „автономии", т.-е. тех пределов, которые поставлены центральною властью, но это вполне естественно, раз конституция лишь „написала то, что пережито". Распределение властей—это вопрос длительного развития. Но конституция ясно и отчетливо ставит вопрос о единой местной власти, как политической, так и экономической.

Ст. 62 определяет *право контроля* с'ездов и их исполнительных комитетов над деятельностью местных советов всего района, а областным и губ. с'ездам и их испол. комитетам, кроме того, принадлежит право отмены решений действующих в их районе советов с извещением об этом в важнейших случаях центральной Сов. власти.

Этою простою формулою конституции, конечно, не исчерпан такой сложный вопрос компетенции (подведомственности), который и у нас уже имеет свою историю. Первый период нашей власти был, с одной стороны, периодом чрезвычайно широкой местной власти, с другой же стороны, периодом обильного делегирования центром своих ведомственных представительств и всяких чрезвычайных и регулярных уполномоченных центра на местах.

Первое явление было естественным последствием революции. Чем интенсивнее в том или другом месте была революция, тем она шире развертывала свою инициативу и свою власть: местные декреты самого общего характера, конфискации, контрибуции и др. налоги и т. д. Это—период разрушения старой власти, который естественно создал стремление к автономным действиям, степень которого определяла именно степень революционности. (Бывали изредка такие же стремления в обратном направлении, т. е. в направлении контр-революции). Второе явление имело две причины: а) вытекающее из системы централизации вмешательство центра в местные дела (пока за отсутствием общих декретов—чисто фактическое), б) вытекающее из перенятой от старой власти системы ведомств чисто бюрократическое стремление *механически* подчинять себе места. Вмешательство центра, значит, происходило или путем уполномоченных, или с установлением более или менее правильной сметной системы, путем ведомственной бюджетной зависимости местных отделов. Эта последняя зависимость осуществлялась просто тем, что отдельные Народные Комиссары назначали или, по крайней мере, влияли на назначение заведующих, а то и всего состава своих местных отделов и держали эти отделы в зависимости от Нар. Комиссариата путем сметы: не выполнил того или иного требования, наказа или т. п.,—угроза *закрыть кредит*. Надо признаться, что известную долю вины несет очень неловкая формулировка. Ст. 63 Конст., что „*при* советах образуются (местные) отделы", вместо того, чтобы

сказать, что Исполн. Ком. делится на Отделы или что в его состав входят Отделы. Все эти явления были сначала чисто фактического характера, и только опыт выкристаллизовал те два определенных и противоположных течения, которые дали себя заметить с первым днем успокоения фронта, и которые закончились известным компромиссом на IX партийном с'езде и на VII, VIII и IX Всероссийских С'ездах Советов.

Часть этих разногласий, относящуюся к бюрократизму, мы уже рассмотрели выше. Здесь мы вкратце отметим борьбу за местную инициативу, за местный контроль и за местную власть. Эти требования многим показались чуть-ли не контр-революциею, по крайней мере, влиянием крестьянства, т.-е. мелкобуржуазной стихии. Не будем отрицать, что и эти причины играли известную роль, но корнем этой борьбы была просто *борьба за местную Советскую власть*, которая весьма многим товарищам, застрявшим в прежней идеологии, показалась запретною, не говоря уже об удобствах прежней системы для бюрократа-централиста: нажать кредитную кнопку и готово; а там переписывайся, агитируй и т. д.

Но революция не признает легких решений вопросов; она является суровым и беспощадным критиком. И решения 7 и 8 С'ездов Советов являются тому ярким доказательством. То, что робко прошло на 7 С'езде, было решительно подтверждено на 8 и 9-ом. Решение, как я уже сказал, было компромиссным, и, вероятно, не раз еще в будущем придется изменять эту схему. Но если можно говорить *о демократическом централизме*, как системе, то он осуществляется именно в советском строе.

Основные принципы достигнутого компромисса между центром и местами заключаются:

1. В определенной и окончательной формулировке положения, что местные Советы и С'езды, а между С'ездами и Исполнит. Комитеты, являются *быстими органами власти* на месте, а одновременно *и единственными исполнительными органами центра*, при чем центральные управления, по общему правилу, ведут все дела *через местные Советы* и их Отделы, упраздняя неподведомственные местным Советам отделения и специальные управления (не исключая и временных для ударных работ).

2. Исключения из этого принципа допускаются лишь по постановлению В.Ц.И.К. или его Президиума для отдельных учреждений, а затем отдельных ведомств, как, напр., военного, жел.-дор. и т. п., и для трестированных и особо важных государственных предприятий, и впредь подчиненных своим центральным правлениям. Но Губ. Исполком имеет право контролировать и ревизовать деятельность всех правительственных учреждений, как временного, так и постоянного характера, не входящих в состав Испол. Комитетов (за исключением армии), немедленно доводя об этом до сведения соответствующего центрального управления.

3. Для исполнения всей местной работы и для проведения постановлений вышестоящих Исполкомов и центральной власти Исполкомы образуют соответствующие Отделы и ставят во главе их избираемых Исполкомом заведующих, при чем соответствующий Нар. Комиссар имеет право отвода. В случае разногласия вопрос решает Президиум В.Ц.И.К.

4. Непосредственно Исполкомам и их Президиумам могут давать предписания только вышестоящие Исполкомы (в том числе В.Ц.И.К.) и их Президиумы и Сов. Нар. Ком. Им же только, а равно и вышестоящим С'ездам, разрешается отменять постановления местных С'ездов, Исполкомов и их Президиумов.

5. Нар. Комиссары и Отделы Исполкома делают свои ведомственные распоряжения соответствующим Отделам, но все распоряжения, имеющие особо важное значение, одновременно сообщаются ими Исполкому, который следит за правильным и своевременным их исполнением.

6. *Отделы* Исполкомов состоят, таким образом, в *двойном подчинении*: местному Исполкому и соответствующему Нар. Комиссару. Отдел должен исполнять распоряжения Нар. Комиссариата или вышестоящего Исполкома и его отдела, но если он находит их *невыполнимыми*, то он о том сообщает Президиуму, который, *не приостанавливая* проведения в жизнь, свои соображения об отмене представляет: Губ. Исполком—в Совнарком или В.Ц.И.К., уисполком—в Губисполком, уведомляя одновременно орган, коим сделано распоряжение. Только в исключительных случаях, при явном *несоответствии распоряжения постановлениям* Сов. Нар. Ком. или В.Ц.И.К. и под *коллективною судебною ответственностью* Губ. Исполкома, *допускается при-*

остановление. В таких случаях по тексту постановления каждый раз должно быть постановление Президиума ВЦИК о возбуждении обвинения или против неправильно приостановивших исполнение лиц или против издавшего незаконное распоряжение.

Так решает советская система одну из самых трудных задач государственного права—организацию местной власти и одновременно местного самоуправления. Советская организация общества, как *самое гибкое об'единение отдельных ячеек* общества в виде Советов, является одновременно и *самою совершенною формою*, какую мы до сих пор знаем. Нынешняя практика, да еще в российских условиях, конечно, далеко отстает от идеала, но для всякого серьезного наблюдателя ясны суть этой формы и ее преимущества. И только дети и „знатные иностранцы" могут быть иного мнения.

Мы, обращаясь к краткому изложению конституции местной власти и местных органов, начнем с изложения отношений федеральных, автономных и областных частей РСФСР, затем рассмотрим вопрос о взаимоотношениях центра и губерний, местные Отделы разных ведомств, Съезды и Исполкомы и, наконец, несколько подробнее, Советы и в особенности сельские и волостные учреждения и их выборы.

Б. Федеральные части Р. С. Ф. С. Р.

При нашей простой схеме Советов не трудно справиться в „лабиринте" многочисленных федеральных частей Республики. Смотря на Советы, как на всю власть на местах, мы вместе с тем и подчеркиваем, что независимость, самостоятельность разных частей по отношению к центральному правительству различна только *количественно*: по большей или меньшей степени автономности.

В состав Российской Республики, кроме основного государства РСФСР, входит *8 независимых* союзных республик, 8 автономных республик, 8 автономных областей, две трудовых коммуны. Из всех этих отдельных частей только Дальне-Восточная Республика построена не по советскому типу. Значит, все остальные имеют во главе свои ЦИК или Губисполкомы и свои совнаркомы или Отделы Исполкомов, при чем эти ЦИК посылают своих делегатов

на Всер. С'езд и в ВЦИК на общем основании. Всер. С'езд и ВЦИК является в известной степени высшею властью для всех этих частей: для всех автономных и независимых республик имеются, на основании союзного договора, Нар. Комиссариаты общие, но имеются и отдельные, подчиненные непосредственно ВЦИК.

Основные положения союза для всех возникших в последствии федеративных республик выражены в постановлении ВЦИК от 1 июня 1919 г. То было время натиска на Советскую Республику буржуазии, в лице вооруженных сил Антанты. Украинский ЦИК в резолюции, принятой на заседании 18 мая 1919 г., постановил о необходимости тесного об'единения всех советских республик. К этой резолюции присоединились Латвия, Литва и Белоруссия, и соглашение утверждено было в заседании ВЦИК от 1 июня 1919 г. До тех пор между советскими республиками не было договоров: тесное единение их предполагалось само собою, т.-е. без особых договоров, и лишь впоследствии, более по соображениям иностранной политики, эти отношения с самостоятельными республиками стали излагаться в письменной форме.

„Отпор попытке международного империализма вновь ввергнуть в рабство десятки или миллионы русских, украинских, латышских, литовских, белорусских и крымских рабочих и крестьян требует от них теснейшего об'единения боевых сил, централизации и руководства в тяжелой борьбе на жизнь и на смерть. Военный союз всех упомянутых Сов. Соц. Республик должен быть первым ответом на наступление общих врагов. Поэтому, стоя вполне на почве признания *независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс*... (ВЦИК) признает необходимым провести тесное об'единение: 1) *военной* организации *военного* командования, 2) *Советов Нар. Хозяйства* 3) *Жел.-дор. управления* и хозяйства, 4) *финансов* и 5) *Комиссаров Труда Сов. Соц. Республик*.., с тем, чтобы руководство по отдельным отраслям народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий". Эта же резолюция предусматривает образование особой комиссии для выработки конкретных норм об'единения. Как известно, дальнейшие события прервали эту работу, и лишь 15 февраля 1920 г. мы читаем новое постановление ВЦИК об образовании новой комиссии по разработке вопросов федеративного

устройства, исходя из „своеобразной культуры, истории и группировки классов у разных малых национальностей в Р.С.Ф.С.Р.“. В конце 1920 г. и в 1921 г. проходит новая волна образования из входящих в состав РСФСР национальностей разных автономных республик. областей и коммун, более или менее тесно связанных с основной Россиею, какова работа ныне может считать в общем законченной, и дальнейший ход развития должен выразиться на свободном самоопределении трудящихся масс.

Эта довольно трудная задача тесного сближения начнется, повидимому, с очень мелких единиц, особенно выделенных из Кавказской Горской Республики. Там имеются уже случаи об'единения двух национальностей в единый Исполком на паритетных началах. Но возникают предположения об об'единении целого ряда республик в единую Кавказскую Федерацию, после чего уже это федеративное об'единения являлось бы единою ячейкою Всероссийского об'единения, и пришлось бы, пожалуй, писать: Ф. Ф., т. е. федерации федераций или РСФФСР.

а) Независимые союзные республики.

Их всего 8: 1. Азербейджан (г. Баку); 2. Армения (Эривань) с Нахичеванской автономною областью; 3. Белоруссия (Минск); 4. Грузия (Тифлис) с Абхазией (Сухум Кале) и Аджарией (Батум); 5. Украина (Харьков); 6. Хорезм (г. Хива); 7. Бухара (г. Бухара) и 8. Дальне-Восточная (Чита). Между этими государствами и РСФСР существуют чисто *договорные* отношения. Они имеют право непосредственных сношений с иностранными державами и связаны с Россиею взаимными дипломатическими (политическими представительствами (полпред). Во главе этих республик—местный ВЦИК и Сов. Нар. Ком. К общим Народным Комиссариатам относятся, кроме перечисленных, еще: Нарком. Внеш. Торг., Почт и Телеграфов и органы быв. ВЧК, ныне Политическое Управление. *Об'единенные* Нар. Комиссары входят в состав Сов. Нар. Комиссаров РСФСР, при чем отдельные Наркомы имеют своих уполномоченных в Нар. Комисариатах независимых республик.

б) Автономные республики.

Таких сейчас всего 8: 1. Башкирская (Стерлитамак); 2. Татарская (Казань); 3. Киргизская (Оренбург); 4. Туркестанская (Ташкент); 5. Горская (Владикавказ); 6. Дагестанская (Темир-Хан-Шура); 7. Крымская (Симферополь) и 8. Якутская (Якутск).

Во главе этих республик стоят ЦИК. и Сов Нар. Ком. Здесь образуется опять таки целый ряд общих комиссариатов, обыкновенно тех же, как и в независимых, сверх них, еще органы ВЧК, ныне Политического Управления Внудел и тот или иной Народн. Ком-ат. Остальные Совнаркомы автономны в своих действиях, ответственны непосредственно пред ВЦИК. Но иностранные дела и внешняя торговля остаются целиком в ведении центральных органов РСФСР.

Работы местных Наркоматов идут по схемам Отделов Губисполкомов, а Ц. И. Комитеты работают по схеме Губисполкомов.

в) 1. Автономные области.

Таковых всего 6: 1) Вотская (Ижевск); 2) Марийская (т. е. Черемиса или Мари—Краснококшайск); 3) Чувашская (Чебоксары); 4) Калмыцакая (Астрахань); 5) Бурят-Монгольская (временно в Иркутске); 6) Зырянская—Комп (Усть-Сысольск).

Эти области в общем приравниваются губерниям, имеют свои С'езды Советов (Губ. С'езды) и свои Исполкомы, на правах Губ. Исполкомов.

2. Об'единенные автономные области.

Таковых *две*, выделенных из Горской Республики: 1) Кабардино-Волнарсакя автономная область (Нальчик); 2) Карачаево-Черкасская автономная област. (Баталпашинск). Первая состоит из Кабардина и Валнарии, которые избирают свои Советы и Исполкомы, после чего их Исполкомы на паритетных началах *составляют об'единенный Исплком*. То же самое с Карачаевым и Черкассами, которые таким же путем составляют на паритетных началах свой об'единенный Исполком.

Все эти области и об'единенные области непосредственно связаны с центром РСФСР и непосредственно ему подчинены.

Интересна попытка образовать „культурно-просветительное об'единение между Бурят-Монгольскою областью и Дальне-Восточною Республикою (ДВР) для совместного ведения среди бурят-монгольского населения обоих республик школьного и вообще культурно-просветительного, медико-санитарного дела и т. д. Для этой цели создается специальный исполнительный орган—Совет по культурным делам Бурят-Монгол РСФСР и ДВР (сокращено Бурмон. Сов. Куд.). Такой центральный Совет избирается (на год) на об'единенном С'езде Бурят-Монгольского населения РСФСР и ДВР в составе 3 лиц и двух представителей от правительств РСФСР и ДВР.

г) Автономные трудовые коммуны.

1) Карельская (Петрозаводск) и 2) Немецкая Трудовая Колония (Марксштадт). Они имеют свои С'езды Советов и Исполкомы, которые непосредственно связаны с центральным правительством РСФСР.

Все *автономные* республики, области и коммуны (б., в., г.) имеют своих национальных представителей в Наркомнац, в составе председателя и двух членов. Председатели этих представительств образуют *особый Совет Национальностей* (см. Нар. Ком. Нац.).

В. Губернск. Исполнит. Комит.

1. Общее положение:

Губ. Исполнительный Комитет между Губернск. С'ездами Советов является высшею в пределах губернии властью. Количество членов Исполкома Конституциею установлено в 25 чел. Исполком всецело ответственен пред избирающим его С'ездом Советов, который в праве отозвать членов его и до срока, т. е. до истечения года. По постановлению VII С'езда, Губ. Исполком для руководства всею текущею работою по управлению и проведению в жизнь постановлений и декретов центральной власти выбират *президиум* из 3—5 членов.

Губисполком, являясь *высшим органом* Советской власти в губернии, подчинен ВЦИК и Совнаркому. Для выполнения всей работы, подлежащей ведению губернской власти, и для, проведения в жизнь постановлений ВЦИК и центральной власти—Исполком образует *15 Отделов*, перечисленных в постановлении VII С'езда и соответствующих в общем Наркоматам, включая и Центр. Управл. Статистики, но за исключением иностр. и морских дел и путей сообщения, прибавляя особый Отдел Коммунальный (по ведомству Внудел) и ныне, после закрытия ВЧК и ЧК, Отдел *Политический*. *Закрытие* существующих *Отделов*, а равно образование новых допускается по соглашению с соответствующим Комиссариатом и с утверждением Сов. Нар. Ком.

На исполнительный Комитет в целом возлагается *ответственность* за деятельность Отделов и за точность и своевременность выполнения распоряжений центральной власти, почему все *крупные мероприятия* Отделов, как принципиальной, так и практической важности, равно как и *сметы* Отделов (до представления в центр), Отделами вносятся *на утверждение Исполкома*.

Постановления Губ. Исполкома *отменяет* Сов. Народ. Ком. или ВЦИК и его Президиум, а равно и Всерос. С'езд Советов. Туда же направляются и жалобы на его постановления. В свою очередь, Губ. Исполкому принадлежит право *контроля* над деятельностью всех местных Советов, (кроме лишь городских, не входящих в состав уездных С'ездов Советов), а равно и право *отмены* решений тех же Советов с извещением о том, в важнейших случаях, центральной Советской власти.

Еще VIII С'езд ввел новый тип *расширенных заседаний* Исполкома не реже одного раза в месяц с участием представителей Уисполкома. IX С'езд внес измененне в состав этих расширенных заседаний в том смысле, что Губернскому С'езду предоставляется право вводить в состав Губисполкома, сверх нормы, установленной Конституциею, еще *дополнительных членов Исполкома* с тем, чтобы в состав Губисполкома входило *не менее, как по одному представителю от уезда* и по одному представителю *от каждого промышленного района*. Такие расширенные заседания созываются на *сессии и в сроки*, устанавливаемые Губисполкомом.

2. Отделы Губ. Исполкома.

Отделы состоят из *заведующего Отделом*, который не должен быть обязательно членом Исполкома, и из образованной при нем *коллегии*. О порядке избрания заведующего, я уже говорил. Коллегию *избирает* Исполком, и по постановлению Исполкома коллегии в определенных случаях могут не образовываться.

Заведующий Отделом имеет право *единолично* принимать *решения* по всем вопросам, его Отделу подлежащим доводя о них *до сведения коллегии*. В случае несогласия коллегии, она, не приостанавливая исполнения, вправе обжаловать решение в *Исполком*.

Отделы, как уже сказано, одновременно подчинены и Исполкому и соответствующему Нар. Коммиссару в порядке, уже изложенном выше.

Губисполком созывает очередной *годичный* Губернский С'езд, а равно, по своему усмотрению или по требованию Советов местностей, насчитывающих не менее 1/3 части всего населения губернии,—*экстренный* С'езд. Такое же право на созыв экстренного С'езда принадлежит и Президиуму ВЦИК, с правом требовать перевыборов на экстренном С'езде Губ. Исполкома.

Отделов всего по постановлению VII С'езда было 15. Их функции в общем просты и понятны для всякого, кто ознакомится с функциями Наркоматов, исполнителями которых они являются, и только для нескольких из них необходимо дать кое-какие пояснения по утвержденным „Положениям Комиссариатов" и особым декретам;

1. К ведомству Нарком. *Внудел* относятся целых 3 Отдела: а) *Управления*, б) *Коммунальный* и в) *заменяющий* ЧК—*Политический Отдел*. (Политотдел).

а) *Отдел Управления* ведает всеми делами ведомства Внудел на местах, за исключением лишь Коммунального управления и ведомства б. ЧК.

б) *Коммунальный* руководит делом городского и сельского благоустройства губернии, а в городах, не имеющих своего городского Исполкома, заведует коммунальным хозяйством города.

в) *Отдел б. ЧК., ныне Политический Отдел,* имеет *в сокращенном виде* прежние, главным образом, следственные функции Губ. ЧК.

4. Военный Отдел.

5. Отдел Юстиции; с введением института централизованной прокуратуры Отделы юстиции придется изменить или совсем отменить.

6. Отдел Труда, Заведующий и Коллегия назначаются по соглашению с Губпрофсоюзом.

7. Отдел Социального обеспечения.

8. Нар. Образования („Губоно"), при нем Губполитпросвет, во главе которого—заведующий Губкомом РКП и состав которого утверждает Губисполком.

9. Отдел Почт и Телеграфов („Губотдел связи").

10. Отдел Финансов („Финотдел").

11. Отдел Земледелия („Земотдел").

12. Совнархоз. По постановлению VII С'езда Губсовнархоз об'единяется с Губземотделом *под общим руководством Губ. Исполкома.*

13. Продовольственный Отдел (Губпродком) с отделениями заготовок и распределения.

14. Отдел Рабоче-Крестьянской Инспекции.

15. Отдел Здравоохранения.

16. *Отдел Национальности* (только в губерниях, имеющих национальные меньшинства).

17. Отдел Внешторга, где таковой признан необходимым.

18. Отдел Статистики.

Сверх того, в губернии существуют:

а) Губпосевкомы, в составе уполномоченного В. Ц. И. К., если таковой командируется, председателя Губисполкома, Зав. Зем. Отделом, Губпродкома и одного представителя комитета по улучшению сельского хозяйства.

б) При Губисполкоме создаются на правах комиссий Губ. Экономические Совещания («Губэкосо») для согласования деятельности местных органов экономических Наркоматов. Они будучи ответственны пред Губисполкомом, являются местным исполнительным органом СТО. В состав их входят председатель Губисполкома, председатели или заведующий Отделов—С.Н.Х., Труда, Профсоюза или Профбюро, Губпродкома, Земотдела, Губрабкрина, Коммунального Отдела и Губстатбюро; последний с совещательным голосом. (Наказ, см. С. Уз. 1921, № 44, ст. 223).

По постановлению VIII С'езда *переодически* созываются совещания *заведующих Отделами Губисполкома.*

Кроме того, как мы уже видели, не реже одного раза в месяц созываются *совещания из Губисполкома*, представителей Уисполкомов и представителей промышленных центров. Постановлением В.Ц.И.К. от 8 февраля 1921 г. выработаны правила для этих последних *совещаний*, цель которых создать и поддерживать связь с массами и местами. На этих совещаниях в порядок дня ставятся *наиболее важные вопросы* из области хозяйственного строительства, административного управления и борьба с волокитой, требующие совместного обсуждения. В повестку обязательно вносятся и устные *доклады с мест*, как о деятельности Отделов, так и прочих учреждений, а равно и об общем политическом настроении района и т. д. Доклады должны быть строго деловые и подкрепляться фактами и цифровыми данными. При докладах должны присутствовать заведующие соответствующими Отделами. Совещания продолжаются *не более 3 дней.* О работах совещаний систематически осведомляется чрез Нар. Ком. Внудел Президиум В.Ц.И.К.

г) Уездный Исполком.

Уездный Исполком выбирается уездным С'ездом Советов в количестве не более 20 членов на один год. Все сказанное о Губ. Исполкомах применяется и к уездному Исполкому со следующеми изменениями:

Ближайшим контрольным учреждением над уездом является Губисполком с его Отделами. При Уездном исполкоме не открываются Отделы: почт и телеграфов, истиции, политический, совнархоза и Р.К.И. (пост. VII и IX С'ездов), при чем соответствующим Отделам Губисполкома по этим ведомствам в необходимых случаях, по соглашению с Уисполкомом, предоставляется назначить по одному уполномоченному представителю соответствующей отрасли управления с предоставлением ему права пользоваться аппаратом одного из Отделов Уисполкома по указанию его Президиума. В.С.Н.Х. чрез Губ. Отделы, а также Отделы Совнархоза имеют право по соглашению с Уисполкомами и по утверждению Губисполкома в промышленных районах и уездах образовать свои Отделы с минимальными штатами.

Эти уполномоченные несут наравне с Отделами ответственность как пред Губисполкомом, так и пред Уисполкомом.

Нар. Комиссариаты, обращаясь к Уездным Отделам, минуя Губернские Отделы, обязаны одновременно уведомить губернские инстанции. Равным образом, уездный Исполком и его Отделы, как общее правило, с центром сносятся чрез губ. инстанции, но в случаях, когда они признают это необходимым, они не лишены права непосредственных сношений.

Уездный Исполком выбирает Президиум из 3 человек. Уездные Исполкомы созываются не реже одного раза в неделю, а совещания их с представителями Волисполкомов созываются не реже одного раза в месяц. По поводу этих совещаний установлены в общем те же правила, как и для губернских.

Отделы Уездных Исполкомов.

К Уездным Одтелам относится все сказанное о Губотделах с соответствующими изменениями и сокращениями, на которых здесь нечего останавливаться.

д) Советы—местная власть.

Основная и низшая ячейка Советской власти—это Советы Депутатов Рабочих, Красноармейцев и Крестьян. Советы выбираются только в городах, фабричных и заводских поселках и в селах. В виду некоторой разницы в их структуре, задачах и работе, мы их рассмотрим каждый особо.

1. Городские Советы.

а) Городские Советы губернских и прочих крупных городов.

Как уже было сказано, в городах, с количеством жителей свыше 10,000, Советы выбираются по расчету 1 депутат на каждые 1,000 человек населения, но не менее 50 и не более 1,000 депутатов, по постановлению IX С'езда Советов (1921 г.), *на 1 год*. Это—города с преобладающим, по общему правилу, фабричным и вообще рабочим населением. Таким образом, Советы особенно крупных городов

являются главными органами Советской власти вообще. Постановлением VIII С'езда Советов (1920 г.) вменено в обязанность производить регулярно выборы городских Советов повсюду и созывать эти Советы не реже 2 раз в месяц. Во исполнение этого постановления ВЦИК в циркулярном постановлении своего Президиума (Собр. узак. № 11, ст. 71, 1921 г.) предлагает всем Губисполкомам восстановить Городские Советы в тех уездных центрах, где таковые временно, в условиях гражданской войны, бездействовали, а равно приступить к организации их в тех уездных и заштатных городах, где таковые вовсе не были образованы.

Городские Советы городов с количеством жителей свыше 1000 человек посылают своих депутатов *непосредственно на Губ. С'езды Советов*; а города с числом *избирателей* свыше 25,000 чел. и непосредственно по 1 делегату на каждые 25,000 избирателей *на Всероссийский С'езд Советов.*

Функции Городского Совета.

В границах своего ведения, т. е. в пределах города, Городской Совет есть высшая в пределах данной территории власть. Это, конечно, не означает, чтобы в городе, где заседает ЦИК и Сов. Нар. Ком. („столице"), эти последние были ограничены в своих функциях *высшего* органа. Разграничение функций Советов, как органов местной власти, необходимо, и эта работа, считая с VII С'езда, в общем уже начата. Городской Совет избирает для текущей работы Испол. Ком., за исключением уездных Гор. Советов, который своих Исполкомов, по общему правилу не избирает.

Порядок заседания Советов.

Советы собираются не реже 2 раз в месяц; они созываются Президиумом Исполкома (где нет соответственного Исполнительного Комитета—Президиумом слитого, а в уездах—Уездного Исполкома) по усмотрению последнего или по требованию не менее половины членов Совета. Заседанием и работою Совета руководит, по общему правилу, Президиум Исполкома, что естественно вытекает из назначения Советов, как деловых заседаний. По постановлению VIII С'езда Советов на заседания Советов предлагается

привлекать большее количество рабочих, устраивая эти заседания в рабочих кварталах, на крупных фабриках и заводах. Это прямая противоположность тому стремлению, какое проводится буржуазными парламентами и прочими собраниями: устраивать свои заседания подальше от „улицы", запрещать всякие политические митинги или демонстрации не ближе 1—2 или более верст от здания собрания и т. д.

Городской Исполнительный Комитет (Гор. Испол. Ком.).

Во всех городах, где не состоялось до VIII С'езда Советов слияние Горисполкома с Губернским или Уездным Исполкомами, выбираются самостоятельные Исполкомы по норме 1 член Исполкома на 50 делегатов, но не менее 5 и не свыше 15 (в Петербурге и Москве не более 40). Выборы, по постановлению IX С'езда, на 1 год. Но от Совета зависит в любое время отозвать весь Исполком или отдельных его членов и произвести новые выборы.

Функции Гор. Исполкома.

Гор. Исполнительные Комитеты, а где они слиты с Губ. Исполкомами, эти слитые Исполкомы, являются *исполнительным органом для текущей работы* Советов Рабочих, Крестьянских и Красноарм. Деп. Они для этой цели образуют Президиумы и Отделы, *соответствующие Отделам* Губисполкомов (см. выше) на общих основаниях. Но, как уже сказано, по Конституции (ст. 58) на Гор. Исполкомы возложена лишь *роль исполнительных органов* для текущей работы и VII С'езд особо предписывает „*все основные вопросы* местной и общей жизни *ставить на общих собраниях Советов*", ибо „Советы должны работать не только, как аппарат агитации и осведомления, но и как *деловой механизм*". Для такой же цели они должны давать регулярные отчеты рабоче-крестьянским массам.

Права и обязаности членов Советов и И. К.

Члены Советов и Исполкомов по Конституции *никакими особыми правами не пользуются*. Но, по постановлению VII С'езда Советов, каждый член Совета, по возможности немедленно привлекается к выполнению определенной го-

сударственной работы, и все члены обязаны во что бы то ни стало давать отчеты избирателям не реже одного раза в две недели. Член Совета, не выполнивший два раза по неуважительным причинам данного постановления считается лишенным мандата и, вместо него, выбирается новый депутат.

б) Городские Советы уездных городов.

Городские Советы уездных городов избираются на общих основаниях. На время гражданской войны в уездных городах, за исключением городов с значительным рабочим населением, Городские Советы были закрыты или вовсе не были введены. VIII С'езд постановил открыть вновь и образовать, где не были образованы Гор. Советы во всех уездных и заштатных городах. Но эти Советы уездных городов, по общему правилу, *своих Исполнительных Комитетов не* выбирают, а по отношению к этим городам и к этим Советам *Уездные Исполкомы* и их Отделы исполняют все обязанности Горисполкомов. Одинаковая практика выборов этих общих Исполкомов пока не выработана и установлена губернскими властями или же выборы производятся по соглашению Уездного Исполкома с Советом уездного города.

в) Городские Советы заштатных городов, фабричных и заводских поселков

Вследствие постановления VII С'езда в циркулярном постановлении от 8 февраля 1921 г. Президиумом ВЦИК определено, что и в фабрично-заводских поселках и безуездных городах образуются Советы на общем основании.

Эти Советы избирают особые Исполкомы, в количестве не более 7 членов. При этих Исполкомах, по постановлению IX С'езда, с *утверждения Губисполкома* могут быть организованы нижеследующие Отделы: *управления, народного образования, коммунального хозяйства и здравоохранения*. Исполкомы выбирают, вместо Президиума, из своей среды председателя, его заместителя и секретаря.

Все дела, не входящие в круг ведения перечисленных Отделов, распределяются между этими Отделами. Новые Отделы могли бы быть открыты не иначе, как с разрешения Губисполкома и соответствующего Нар. Комиссара

(см. Цирк. пост. През. ЕЦИК от 8/II—1921 г.). Штаты Отделов устанавливаются Нар Комиссариатами по соглашению с Губисполкомом, а кредиты проводятся по смете Нар. Ком Внудел.

2. Сельские советы

В деревне низшею ячейкою Советской власти является *Сельский Совет*, выбираемый в деревнях, селах, станицах и местечках (не подходящих под разряд фабрично-заводских поселков)—по расчету 1 депутат на каждые 100 человек населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов на каждое селение сроком *на один год* (постановление IX С'езда об изменении Конституции).

В тех сельских местностях, где это будет признано осуществимым, согласно примечания к ст. 57 Конституции вопросы управления решаются общим собранием избирателей данного селения непосредственно. По положению о Сельских Советах от марта 1920 г. постановлено, что в селениях, имеющих менее 300 жит., Советы не выбираются, и к ним применяется примечание к ст. 57 Конст., или же они присоединяются к соседнему селению. Свои Советы выбирают и советские хозяйства, насчитывающие не менее 300 чел населения, если они не подходят под группу фабрично-заводских поселков (см. выше).

Задачи Сельских Советов

В границах своего ведения Сельские Советы (или в известных случаях общее собрание избирателей) есть *высшая* в пределах селения, деревни и т. п. *власть*. Сельский Совет избирает из своей среды *председателя*, который получает *содержание* от Губисполкома *за счет местных средств*.

Но Исполнительного Комитета Сельский Совет не выбирает и его исполнительным органом является его председатель, а постоянным исполнительным органом по всей волости является лишь *Волостной Исполнительный Комитет*. VII С'езд предписывает на общих собраниях сел и на Сельских Советах ставить все основные вопросы местной и общей жизни, ибо Советы должны работать не только как аппарат агитации и осведомления, но и как *деловой механизм*

Порядок заседания Сельского Совета.

Заседания Сельского Совета назначаются регулярно и по возможности чаще (не реже 2 раз в неделю) с привлечением на них возможно большего количества рабочих и крестьян. На них ставятся, как сказано, все основные вопросы местной и общей жизни. Созывает Совет его председатель, который и руководит заседанием.

е) Волостной С'езд и Исполком.

Волостной С'езд собирается *раз в год* регулярно. Экстренные с'езды могут быть созваны по усмотрению Волостн. Исполн. К-та по требованию Сельских Советов, представляющих $^1/_3$ всего населения волости, а равно по постановлению Исполкома вышестоящего с'езда (Уездов, Губ., В. Ц. И. К.). Исполком избирается на *один* год, с правом отзыва, т. е. перевыборов на экстренном с'езде, в количестве 3 человек. В исключительных случаях Губисполком имеет право увеличить это число до 4. Все члены Волостн. Исполкома получают содержание из средств государства. Это изменение в составе Волостн. Исполкома по соображениям экономии внесено IX С'ездом Советов, одновременно отменившим *все отделы* при Волисполкоме, а равно и волостное экономическое совещание. Для распределения функций между членами Волисполкома В. Ц. И. К. должен выработать особое положение.

Волисполком между с'ездами является *высшею властью* в пределах своей волости и в границах своего ведения, как и высшие исполкомы. Он созывается *не реже одного раза в неделю*. Не реже *одного раза в месяц* председателем Волисполкома собираются *расширенные совещания* с представителями Сельских Советов, на которых ставятся на обсуждение вопросы хозяйственного строительства, административного управления, борьба с волокитою и доклады с мест, но решения совещания вступают в силу лишь по утверждении их Волисполкомом; они должны осветить и вопросы об общем политическом настроении, а равно вопросы трудовые.

Волисполком является *исполнительным органом* одновременно как для Волостного С'езда, так и для Сельских

Советов, которые своего Исполкома не имеют, а имеют лишь председателя. Это указывает на необходимость особо тесной связи между Сельскими Советами и Вол. Исполкомами, чтобы последние не превратились просто в прежние вол. правления, или, вернее, не оставались таковыми.

Для внесения жизни в работу Волисполкома необходим тесный контакт его как с массами, так и с высшими Исполкомами. Первая цель достигается привлечением на заседания возможно большего количества рабочих и крестьян. С другой стороны, на расширенных совещаниях должен присутствовать представитель Уездного Исполкома. О работах этих совещаний делаются доклады чрез Наркомвнудел Президиуму В.Ц.И.К.

Для технического обслуживания при Волисполкоме организуются *общее делопроизвдство*, получающее содержание от Губисполкома на счет местных средств.

Волисполком имеет широкие задачи, но, прежде всего он должен свыкнуться со своим положением *высшей местной власти*, которая „принимает все меры к поднятию данной местности в культурном и хозяйственном отношениях и *самостоятельно* решает *все* вопросы, имеющие чисто местное значение". Это также относится и к *Сельским Советам*.

Волисполком *всецело ответственен* пред Волостным С'ездом, как и пред контролирующим его вышестоящими С'ездами и Исполкомами.

ж) Порядок сношений сельских властей.

По общему правилу *Волисполком* сносится лишь с Уездным Исполкомом и чрез этот Исполком поддерживает свои сношения и с центром. Это подсказывается просто удобством в виде скорейшего решения дела, так как Уездисполком одновременно представляет в центр, если необходимо, без особого запроса справки, материалы и свое мнение.

„Но, гласит постановление VII С'езда Советов, они *не лишены права* в тех случаях, когда они признают это необходимым, иметь непосредственно сношения и с *высшими* Исполкомами и их Отделами, минуя Уездисполком". Особенно для волости такое постановление необходимо, чтобы не

создавалось никаких преград для живой связи центра и мест *).

з) Волостные и сельские выборы.

Как уже было сказано, Президиум В. Ц. И. К. 28 апреля 1921 г., согласно постановления VIII С'езда Советов, утвердил пока лишь инструкцию о выборах Сельских Советов и Волостных С'ездов.

Для этой цели Уездный Исполком назначает одновременно по всему уезду или, по крайней мере, данной волости *день* начала выборов, которые в пределах уезда должны быть *закончены в течение двух недель* от сего числа.

Выборами *руководят избирательные комиссии*:

а) *Уездные* из 2 лиц—по назначению Уисполкома и 1—от уездного бюро Профсоюзов.

б) *Волостные*—из 2 представителей Вол. Исполкома и 1 представителя Уездного Исполкома, как председателя.

в) *Сельские избирательные комиссии*—из двух представителей от Совета и одного представителя от Вол. Исполкома, как председателя этой комиссии, для *производства выборов*.

Уездные изб. комиссии образуют вол. комиссии, выбирая туда своего представителя, как председателя; наблюдают за открытием их действий и за самыми выборами; руководят работою вол. комиссий, рассматривают жалобы на их действия, закрывают эти комиссии и представляют о всем отчет Уездисполкому. Комиссия пользуется для делопроизводства аппаратом Уисполкома.

Вол. избират. комиссии рассматривают инструкции уездных комиссий, назначают уполномоченных по выборам Сельских Советов (по одному на весь Совет или, если несколько районов, по одному на район), наблюдают за выборами, рассматривают протесты и жалобы на действия уполномоченных и сельск. избират. комиссий, и требуют от них отчеты, представляя свои отчеты в уездную избират. комиссию.

---

*) „Организация должна покрыть свой район в роде как бы паутиною, с каждого пункта должна существовать прямая и реальная (gangbare) связь с центром" (см. В. Ратенау, уже цитированные выше „Тезисы").

Порядок производства выборов: сельская избирательсная комиссия или, где таковая не образована, уполномоченный вол. избирательной комиссии оповещает *местное население о дне выборов*, устанавливает количество жителей, а равно число избирателей каждого района, если селение слишком обширно или представляет об'единение двух или более селений, и *составляет список лиц*, лишенных избирательных *прав*.

До производства выборов устраиваются *выборные собрания*, на которых собравшиеся должны быть ознакомлены с порядком производства выборов и избирательными правами населения, а также *с задачами и деятельностью Советов*. На этих собраниях оглашаются и *списки имеющих избирательное право*, а равно лишенных таковых, после чего *списки вывешиваются* в помещении Совета и других общественных местах. Заявления о пропущенных в списках или неправильно внесенных делаются уполномоченному или избир. комиссии и рассматриваются ими в присутствии заинтересованных лиц.

Выборы происходят *в одном общем избирательном собрании* или *по избирательным участкам* под председательством уполномоченного по выборам или же представителя избират. комиссии. Присутствуют лишь лица, имеющие избирательное право. Собрание открывается либо уполномоченным, либо представителем комиссии. По закону требуется *присутствие не менее половины всех избирателей*, но если избиратели были своевременно извещены, то собрание может особым своим постановлением признать себя законным и при меньшем числе.

По открытии собрания председатель *знакомит с порядком выборов*, оглашает список лишенных избирательного права и имена отдельных кандидатов или списки кандидатов. Каждая *кандидатура может быть обсуждена*, если собрание это найдет нужным. *Порядок голосования* (записками, баллотировкою, тайно или открыто) *определяется общим же собранием*. Избранным считается получивший простое большинство голосов. Если голосование идет по спискам, то прошедшим считается *собравший большинство голосов*. Таким образом, для сельских выборов Президиум ВЦИК *пропорциональных избирательных* прав *не вводит*.

К избранным могут быть избраны *кандидаты* для замены выбывших членов Совета, но не *более 1/3 общего состава Совета*.

После выборов составляется протокол и скрепляется председателем и секретарем собрания, а если выборы происходят по участкам, то председателем и несколькими принимавшими участие избирателями. Все производство о выборах, а равно и жалобы поступают в недельный срок со дня окончания выборов на рассмотрение *Волисполкома*. Взамен отмененных производятся новые выборы.

Члены Совета отзываются по постановлению Сельского Совета до истечения срока их полномочий: а) в случае, если депутат не представляет отчетов своим избирателям или не выполняет данных ему от Совета поручений.

б) В случае, если депутат осужден за преступление, лишающее по декретам РСФСР избирательного права. Здесь надо прибавить: или если он потерял избирательное право по случаю сумасшествия, и т. п.

Конечно, остается в силе и ст. 78 Конституции, по которой „*избиратели*, пославшие в Совет депутата, *имеют право во всякое время отозвать его* и произвести новые выборы". Если половина избирателей делает о том заявление Совету, то созывается для решения вопроса общее собрание избирателей.

Проверка мандатов производится в самом Совете (по ст. 72 и сл. Конституции) и в *особой мандатной комиссии*, а Совет решает об утверждении спорных кандидатов.

Председатель Сельского Совета старого состава созывает вновь избранный Совет, который избирает *нового председателя*. Старый председатель сдает последнему все дела, документы и ценности Совета, о чем составляется особый акт.

Досрочные перевыборы всего Совета производятся *с разрешения Уисполкома*, в случае роспуска Совета высшими советскими органами и в случае выбытия более 1/3 всего состава Совета.

Волостные С'езды созываются один раз в год, а по требованию высших органов или Сельских Советов населения, занимающего не менее 1/3 всего населения волости,— созывается экстренный С'езд.

Не позднее 7 дней с момента утверждения выборов

Сельских Советов, *по постановлению Уездного Исполкома*, созываются Волостные С'езды.

На Волостной С'езд избирают своих представителей все Советы на территории волости (и сельские, и от советских хозяйств, и фабрик и поселков), а равно жители тех местностей, где нет Советов, но все жители разрешают вопросы управления.

Волостной С'езд открывает председатель старого Вол. Исполкома, после чего избирается *Президиум С'езда* и мандатная комиссия. Президиум наблюдает за ведением протоколов заседаний и за выполнением особой анкетной карточки. Вновь избранный Исполком получает дела старого не позже 3 дней со дня выборов в совместном заседании со старым составом Исполкома.

Общее наблюдение за вол. и сельским выборами возлагается на Народный Комиссариат Внутренних Дел.

XI. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ.

Всем известно, что без бюджета современное государство существовать не может. Но что означает слово „бюджет"? Если посмотреть в английском словаре, то мы находим, что слово, „budget (по франц. bougette) первоначально означало кожаный мешок. Рассказывают, что в старину раз в год в парламент прибывал канцлер казначейства с мешком денег и произносил речь о распределении этих денег на будущий экономический год в государственном управлении. Эту речь впоследствии и называли „budget". Другие поясняют, что первоначально слово это означало кожаный портфель с государственною сметою доходов и расходов. Мы уже знаем, что англичане любят образные выражения. Но суть дела заключается не в словах, а в смысле этой сметы.

Много споров в науке государственного и финансового права о характере бюджета: закон ли это или особого рода явление? Все эти споры можно назвать в значительной степени праздными. Ясно, что это не обыкновенный, а особого рода закон, разрешающий на срок (обыкновенно 1 год) правительству получать средства из наличного фонда государства, из доходов — налогов и займов, на ведение дел государства. Неразрешение бюджета в парла-

ментском государстве—означало отставку правительства; иногда даже сокращение его (напр., на знаменитый 1 рубль!)—являлось недоверием, достаточным для провала правительства. И бюджет в те времена, пожалуй, был *единственным* реальным средством власти в распоряжении народного представительства.

Ныне, во времена власти финансового капитала, государственных займов и косвенных налогов, и бюджетное право стало в значительной степени мнимым правом. И если соц.-демократы до 1915 г. сбыкновенно голосовали против бюджета, как содержащего военные кредиты, то это было лишь простой демонстрациею, да еще невинной демонстрациею, пока с.-д. всюду были в меньшинстве. А когда дело стало серьезным—в 1912 г., то все они, как один человек, в решающих государствах голосовали за эти кредиты и за весь бюджет.

Всякое буржуазное правительство зависит от класса капиталистов, на первом месте финансового капитала. Это мы яснее ясного видели сейчас в Германии, где находящаяся у власти партия Штиннеса фактически управляет Германиею, ибо бюджет зависит от нее, и она ведет переговоры с финансовым капиталом Англии.

Нас здесь не интересует эта историческая страна бюджетного права, как бы ни были интересны отдельные ее моменты. Нас здесь интересует чисто практическая сторона вопроса в наших условиях.

Для нас бюджет имеет значение, как смета доходов и расходов, но мы ставим вопрос гораздо шире, чем его ставит буржуазное государство. В условиях военной разрухи и глубокого кризиса капитализма ни одно правительство Европы не покрывает своей сметы расходов сметою обыкновенных доходов. Не делало того и в довоенное время почти ни одно правительство, ибо военный бюджет пожирал всегда больше, чем составляли регулярные доходы: дефицит покрывался государственными займами, особым весьма выгодным способом получения процента для денежного капитала, но еще более выгодным способом для колоссальной наживы финансового капитала путем эмиссий (выпуска государственных займов). Во время войны эти займы в значительной степени заменены *принудительными* займами, путем использования станка для бесконечных эмиссий бумажных денег.

Для социалистического государства проблема сметы заключается *в проблеме целого хозяйственного плана.* И в эту смету должны быть внесены не только денежные доходы, но и все материальные средства, добываемые из производства и обмена. С другой стороны, в смету расходов ставятся не только обыкновенные государственные расходы, но и жалованье и заработная плата почти всему рабочему классу. В то время, как буржуазный бюджет имеет отношение лишь к излишку (хотя бы мнимому излишку) каждой экономической единицы, например, фабрики, хозяйства отдельного хозяина и т. п., в революционный бюджет поступают и всякие конфискации (т. е. излишки прежних годов, продукты хозяйственных единиц целиком в валовом виде без вычета расходов, а не только чистый доход, или по разверстке вся необходимая государству сумма, не считаясь с вопросом, остаются ли излишки у производителя или, вернеее, не допуская вовсе таких излишников. В эпоху, когда производство как в городе, так и в деревне, упало ниже всякого минимума, только о таком бюджете могла быть речь. И в действительности слова „смета расходов", и еще в большей степени „смета приходов"—были одной фикциею. Если эти сметы вообще имели какое-либо значение, то смета расходов—лишь как известное ограничение ведомств, тогда как доходы, особенно „сверх-сметные доходы", т.-е. всякие конфискации—играли роль противоположную: давая в общей сложности суммы, сравнительно незначительные, они расширяли расходы вне всяких пределов.

В Конституции отдел о бюджете приходится назвать самым слабым. Про него сначала совсем забыли и в последнюю минуту внесли, по кабинетному, в проект несколько статей, сводящихся к общим местам. „Финансовая политика РСФСР в настоящий переходный момент диктатуры трудящихся способствует *основной цели экспроприации* буржуазии *для подготовления общего равенства* граждан республики в области производства и распределения богатств. Для этого она ставит себе задачею *предоставить в распоряжение* органов Советской власти все необходимые средства для удовлетворения местных и общегосударственных нужд Советской Республики, не останавливаясь перед вторжением в право частной собственности".

Эта первая статья, кроме недоразумений, пожалуй,

ничего иного вызвать не может. Ее подкладкою является распространенная тогда еще тенденция к контрибуциям и конфискациям. Она не говорит ни слова о том, что недостаточно одного „вторжения в право частной собственности", т. е. в область накопленного труда прошлого, но что *необходимо* сюда же включить и *„производство новых ценностей"* и при том в достаточном или, по крайней мере, в возможно большем количестве. Возбуждая иллюзии, что экспроприации буржуазии достаточно для предоставления в распоряжение советских органов всего необходимого для местных и общегосударственных нужд,—она могла только еще понизить уже и так упавшую производительность. Я не утверждаю, что так случилось; скорее всего статья оказалась без всякого влияния: ее не читали вовсе, ибо она писала то, что не было пережито.

Реальное значение имела статья 80, как основанная на реальных фактах: „Государственные доходы и расходы РСФСР *„об'единяются в общегосударственном бюджете"*. То было грозным окриком на все местно-сепаратистические тенденции, может быть, слишком в сторону централизма, но безусловно необходимым и верным по существу окриком.

Верна по существу и чрезвычайно важна статья 81. „Всер. Съезд Советов или ВЦИК *определяет какие, виды доходов и сборов входят в общегосударственный бюджет* и какие поступают в распоряжение местных Советов, а равно устанавливают пределы обложения". Эта статья, значит, выражает мысль, что *центр определяет и распределяет бюджетные права* центра и мест.

Все остальное могло бы остаться и вне Конституции, ибо оно, вдобавок, теперь, особенно с введением новой экономической политики, коренным образом изменилось. Так, наприм., декрет от 10 декабря 1921 г. уже выставляет положение, что сметы местных доходов и расходов должны строиться *на принципе покрытия местных расходов местными же средствами*. Единственно, что из остальных статей можно еще вынести, заключается в том, что центр и места должны управлять страною по твердо установленным сметам, но и в этом отношении линия не совпадает с последними постановлениями Съезда и ВЦИК, и их придется пересмотреть, т. е. просто перередактировать.

Наиболее общее выражение новая политика по отношению к бюджету нашла в постановлении IX С'езда Советов (1921 г.). Отмирание финансов с переходом к новой экономической политике прекратилось; напротив начался возврат к государственному банку и разным его операциям. Резолюция провозглашает переход *к устойчивой денежной валюте*, т. е. к „системе твердого бюджета в золотом исчислении". С'езд одновременно „одобряет переход к системе местных бюджетов, как абсолютно необходимому дополнению общегосударственного бюджета, дающему рессурсы местам для местного строительства и для хозяйственной инициативы на местах". „После успехов государственной промышленности и торговли налоги являются важнейшим средством заменить в системе бюджета доход от эмиссий". В то же время резолюция дает и направление: увеличить производительные и культурные расходы *за счет расходов на государственный аппарат* (см. выше главу об управлении). Наркомфину поручается к первой очередной сессии ВЦИК разработать порядок составления и исполнения *общефедеративного бюджета*, представляя одновременно свои соображения об утверждении *местных бюджетов и о введении необходимого единообразия в них.*

Еще рано думать о пересмотре заново главы Конституции о бюджете, чтобы снова не ограничиться общими местами, не имеющими реального содержания. Здесь и не место останавливаться на вопросе о значении налогов в переходную эпоху. Достаточно было отметить самую трудную проблему бюджета с точки зрения Конституции: это—разрешение центрального и местного бюджета.

IX. С'езд поручил образовать из членов В.Ц.И.К. *постоянную бюджетную комиссию.*

XII. ЭМБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Если бы буржуазный историк, проспавший последние 4 года, т.-е. нашу революцию (а буржуазные историки любят спать с открытыми глазами), увидел подлинник Брестского мирного договора, он пришел бы в ужас. Ибо там рядом с орлом германского империализма (орлом, про которого еще Гейне писал: „Du hässlicher Vogel"! „Ты противная птица")—красуется воззвание: „Пролетарии всех

стран, соединяйтесь". И к этим буквам „руки приложили" мы, побежденные.

Когда в Германии приближалась революция, то (летом 1918 г.) берлинские рабочие, не доверяя известиям печати буржуазии и социал-предателей из России, каждое утро посылали разведчиков на улицу „Unter den Linden", посмотреть, развевается ли еще там (над Берлинским посольством Советской России) красное знамя Р.С.Ф.С.Р.

А когда германская цензура 1918 г. так притесняла печать, что о России можно было печатать только официальные декреты, то Советская Конституция Р.С.Ф.С.Р. да еще закон о социализации земли были единственными легальными агитационными брошюрами в пользу социалистической революции. Теперь эту агитацию ведет неукоснительное проведение в жизнь этой Конституции в течении четырех лет.

Когда в Бресте поднимались возражения против помещения под текст мирного договора нашего воззвания „К пролетариям всего мира" нам достаточно было предъявить постановление о госуд. гербе, впоследствии вошедшее в ст. 89 Конституции, где читается, что „герб Р.С.Ф.С.Р. состоит из изображений на красном фоне в лучах золотых серпа и молота, помещенных крест-на-крест рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев и с надписью:

а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

б) „Пролетари всех стран, соединяйтесь!"

А на основании ст. 90: „Торговый, морской и военный флаг Российской Социалистической Федеративной Советской Республики состоит из полотнища *красного (алого) цвета*, в левом углу которого—у древка, на верху помещены золотые буквы Р.С.Ф.С.Р. или надпись: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика".

Для Рабоче-Крестьянского правительства так естественно показалось об'явить своим знаменем красный флаг. Не так думало Мартовское Временное Правительство. В Петербургском И. К. было прочное большинство в пользу красного знамени, но не таково было мнение Правительства.

Керенский, который в своей балетной сценке на столе Пет. Совета 2 марта актерским размахиванием красного носового платка*) победил сердца переутомленных в банной температуре маленькой комнаты № 41 членов Совета, открыто не выступал против красного знамени, но известно, что в Врем. Правительстве разрабатывались и иные планы, равно как и марсельеза была лишь *временно* признана гимном новой республики до представления на конкурс нового гимна. Этот новый гимн hors concours (вне конкурса) представила Октябрьская Революция в лице Интернационала. Я помню, что последний протест против красного знамени был заявлен из недр Министерства Путей Сообщения и заключался в соображениях опасности по службе движения, так как, мол красный флажек означает остановку поезда. Но Октябрьская Революция преодолела и этот довод и красное революционное знамя впервые попало в Конституцию.

Революция в 1918 г. в Германии, напр.,—решительно отвергла красное знамя, а своего орла решилась превратить в еще более безобразную, чем прежняя, столь ненавистную не одному Гейне птицу.

Итак, если в французской революции 1848 г. спор о красном знамени был лишь спором *о символе* социальной республики, для дальнейших пролетарских революций это уже—*лозунг*, а в Советской Конституции Р.С.Ф.С.Р. даже *средство агитации*. И напрасно против нее ополчилась не только буржуазная, но и самые блестящие силы социал-предательского лагеря, с К. Каутским во главе, который напр., в венском журнале „Kampf" от 1920 г № 7 писал: „Как Парижская Коммуна, мне и Российская Советская Республика кажется феноменом, не повторяющимся в истории. Как ни подавляющим было ее впечатление на массы... преемника она не нашла, политическим идеалом она не сде-

*] Примиренец Суханов, сам член И. К. ведшего в то время весьма подозрительную линию, пишет: „Керенский... пройдя несколько шагов, взобрался на стол. Речь его, особенно в начале, была несвязна и неожиданна... Бог весть, чего тут было больше—действительного исступления или театрального пафоса и т. д" Это сказано крайне мягко: это была самая противная сцена всего первого действия русской революции. Про решающий дело красный платок Керенского Суханов совсем забыл.

лалась"). Это звучит так же, как если бы накануне Великой французск. революции кто либо писал (а бывали такие чудаки!), что английская революция преемника еще не нашла.

XIII. ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВИЕ: ГОСУДАРСТВО УМИРАЕТ.

Из нашего определения государства, как аппарата господства классов, вытекает, что одновременно с прекращением классами своего существования, т. е. наступлением общества, не знающего классов, прекращает свое существование и государство. Энгельс это исчезновение государства определяет словами: *„отмирает"*, т. е. подчеркивает, что это будет не событие одного момента, но процесс длительный.

Это просто логический вывод из всего фактического материала, имеющегося у нас на счет развития общества. „Когда государство, наконец-то, становится действительно *представителем всего общества*, тогда оно само себя делает излишним. С того времени когда не будет ни одного общественного класса, которого надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбою за отдельное существование, порождаемое теперешнею анархиею в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления в государстве... Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за

---

*) Мне хотелось бы вкратце поделиться с читателем воспоминанием Берлинских дней накануне Берлинской революции. Я должен был сделать по поручению ЦКРКП доклад о революции в России пред сентябрьскою (1918 г.) конференциею Независимой Соц. Партией Германии. Среди немногих возражающих мне был и Каутский. Я тогда ему и его товарищам в последнем слове ответил приблизительно так: „Вы слепы и не видете, что около вас творится. Революция у вас наступает, она будет грознее и кровавее нашей, и она пойдет по пути Советов". Жогда я на другой день по делу виделся с Каутским, он мне на прощание сказал: „Я буду от всей души рад, если вы будете правы". Я был, ведь, прав, когда в ноябре 1918 г. Советы свергли в Берлине монархию и об'явили социалистическую республику с Советом уполномоченных во главе. Но в чем выражалась радость Каутского по этому доводу?

другою излишним и само собою засыпает. Место *правительства над лицами* заступает *управление вещами* и руководство процессами производства. Государство *не отменяется, оно отмирает*" (Энгельс, „Ниспровержение науки господином Евгением Дюрингом").

Я не буду останавливаться здесь на этом вопросе, он подробно развит т. Лениным в его „Государство и революция". Здесь только несколько слов о судьбе права. Если право является, по нашему определению, системою или порядком общественных отношений, соответствующею интересам господствующего класса и посему охраняемою организованною властью этого класса, то и о праве, в нынешнем смысле, речи более быть не может. Трудно предсказать, исчезнут ли слова „государство" и „право", или они в ином новом смысле будут продолжаться, но такой вопрос лишен и всякого интереса.

Но можно ли так ставить вопрос в настоящее время, когда после взятия власти пролетариатом в России ему приходится сделать несколько или даже много шагов назад, когда длительность этого переходного периода, повидимому, весьма увеличивается. Конечно, при одном условии, что дело не доходит до победы контр-революции. Воспользуюсь я здесь для характеристики этого процесса словами тов. Ленина. В заключительном слове на Московской Губ. Парт. Конференции он сказал: „Задаются и такие вопросы —где граница отступлени?.. Отступать будем до тех пор, пока не научимся, *не приготовимся перейти в прочное наступление*... потому, что только, когда мы сможем за что-нибудь уцепляться, можно будет переходить к наступлению", — а в следующем и, так сказать, заключительном слове этой серии статей, в статье: „О значении золота и т. д.", т. Ленин говорит: „После победы пролетариата хотя бы в одной стране *является нечто новое в отношении реформы к революции*... До победы пролетариата реформы — побочный продукт революционной классовой борьбы. После победы они... являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой"... „чтобы во время приостановить отступление и перейти опять в наступление". Эти слова несколько дополняют мысль тов. Ленина, извлеченную им из сочинений Маркса и Энгельса о переходном периоде и о двух фазах

коммунистического общества: социализме и коммунизме (см. „Государство и Революция“).

И невольно вспоминаются мне слова Паннекука из его полемики (в „Neue Zeit“ 1912 г. II, стр. 814): „В том и заключается ошибка некоторых ревизионистов, которые из чисто технического понимания фразы, что капиталистическое развитие приводит к социализму, выводят для нас обязанность всеми силами способствовать этому развитию. Этот взгляд наиболее выпукло проявляется в колониальной политике... Не наше дело в поезде капиталистического развития все больше и больше топить паровоз, чтобы он скоро нас довез в обетованную страну—его пробег означает смерть и гибель бессчисленных масс. Мы хотим поезд развития *поставить на новые рельсы*. Ибо социализм это не новое состояние, которое наступает где-то в конце пути, когда поезд прошел достаточно далеко и его силы исчерпаны. *Социализм означает совершенно иное, новое направление развития*, которое можно начать на любом месте современного развития и *которое действительно будет взято в день завоевания господства пролетариатом*“.

Если отбросить известные неясности этой мысли, основное ее значение глубоко правильно и делает честь прозорливости Паннекуке. Эта мысль, повидимому, очень близка к мысли, высказанной тов. Лениным в ноябре 1921 года, возникшей при практическом решении этого вопроса. Она заключается именно в том, что *основное различие после победы пролетариата*, т.-е. завоевания госуд. власти,—*не в темпе*, быстроте или медленности движения, не *в революционном* или реформистском методе, *а в направлении этого пути*.

После победы пролетариата мысль о врастании в новое общество будущего и о постепенном отмирании функций политической власти принимает вполне реальную форму. С ростом сил пролетариата и его власти уменьшается необходимость реальных репрессий, применения насилия. С другой стороны, как я уже показал в отделе об избирательном праве, возрастает количество лиц с трудовым цензом, пока, наконец, все население не становится трудовым, рабочим населением, а вместе с тем и приобретает избирательное право. Тогда наступает *истинная*

демократия, как Энгельс говорит в цитированном выше месте, *„государство делается действительным представителем всего общества“*. Но в тот же момент оно делается ненужным, излишним.

Если разделить все наши народные комиссариаты на группы: хозяйственные органы (производство и распределение) и органы принуждения (военное, внутренних дел и судебное), то вполне убедительным становится постепенное отмирание, атрофирование последних, и остаются лишь первые, т.-е. „управление вещами и руководство процессом производства“, т.-е. дирижирование экономическим оркестром. Дело может дойти даже до „оркестра без дирижера“, но к чему гадать о таких фокусах.

Одно остается вне спора: *государство, а равно и право в классовом смысле, испаряется, умирает.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

I. Понятие государства 5
а) Территория 11
б) Нация 12
в) Суверенная власть 13

II. Экономически-политическая роль государства . . . 15
а) У власти феодал-землевладелец 16
б) Переходная стадия от власти землевладельца к власти капиталиста 17
в) У власти буржуазия, класс капиталистов . . . 18
г) Переходная стадия от власти буржуазии к власти пролетариата. Период гражданской войны . . . 22
д) У власти пролетариат в одной из великих держав . 25
е) „Рабоче-крестьянское правительство?“, или „рабочее или крестьянское правительство?“ 32

III. Государство и революция 34
А. Буржуазная революция 36
Б. Мелкобуржуазная революция 40
В. Пролетарская революция 45
а) К. Маркс и I Интернационал 48
б) II Интернационал и К. Каутский . . . 52
в) Российская Революция и III Интернационал . 61

IV. Формы государства и формы правительства . . . 65
1. Классовая организация имущих 65
2. Классовая организация неимущих или советская форма государственной власти 71
3. Федерации или Союзы государств и Союзные государства 83

V. Конституции и декларации 91
1. Буржуазная и Советская конституции . . . 91
2. Декларация прав человека-гражданина и декларация прав человека-трудящегося 105

VI. Общие положения Конституции РСФСР 110

А. Буржуазная демократия или пролетарская диктатура? 110
Б. „Р. С. Ф. С. Р.“ 118
I „Р“ 119
II. „С“ 119
III. „Ф“ 120
IV. „С“ 121
V. „Р“ 121
В. Хартия вольностей 122
1. Личность (индивид) и Советы . . . 128
2. Свобода совести 130
3. Доступ к знанию 137
4. Свобода печати 139
5. Свобода собраний 142
6. Свобода обществ и союзов 142
7. Буржуазное право на труд и пролетарская трудовая повинность 146
8. Буржуазная оборона и защита социалистического отечества 148
9. Национальное равноправие 151
10. Положение иностранцев 157
11. Исключения 159

VII. Организация Советского строя 161

А. Территория и население 161
а) Разделение территории 161
б) Население 164
Б. Организация Советской власти 165
а) Советы—низшая ячейка 165
б) С'езды и их Исполкомы 166
1. Волостной С'езд Советов 167
2. Уездный С'езд 167
3. Губернский С'езд 168
4. Областной С'езд 168
5. С'езды Советов федеративных частей Республики 168
6. Всероссийский С'езд Советов . . . 168
В. Советские выборы 169
а) Избирательное право 169
б) Порядок выборов и проверка мандатов . . 175

VIII. Конструкция власти 179
А. Разделение властей 179
1. Монарх (царь, император, король, князь и т. д.) и суррогат его—президент республики . . 181
2. Парламент и парламентское правительство . 183
3. Независимый суд 185
4. О партиях 186
Б. Государственный строй Р. С. Ф. С. Р. . . . 186
а) Всероссийский С'езд Советов Раб., Крестьянск., Красноарм. и Казачьих депутатов . . . 186
б) „Рабочий парламент"—В.Ц.И.К. . . . 188
в) Совет Народных Комиссаров (Сов. Нар. Ком.). 194
а) Малый Совет 195
б) Совет Труда и Обороны („Сто") . . 196
В. Техническое распределение функций власти . . 197
а) Законодательство 197
б) „Наркоматы" или „Исполнительная власть" . 201
1. Нар. Ком. Ино. Дел 201
2. Нар. Ком. Воендел и Нарком. по Мор. Дел 202
3. Наркомвнудел 202
4. Наркомюст 203
5. Наркомтруда 204
6. Наркомсоцобес. 205
7. Наркомпрос 205
8. Наркомздрав 206
9. Наркомнац 206
10. В. С. Н. Х. 207
11. Нар. Ком. Зем. 208
12. Нар. Ком. Прод. 208
13. Наркомфин 209
14. Наркомпуть 210
15. Нар. Ком. Почт и Тел. 210
16. Нар. Ком. Внешней Торг. 210
17. Раб.-Кр. Инспекция (Рабкрин) . . . 210
18. Бывш. В. Ч. К., ныне Особое Государственное Полит. Управление . . . 211
19. Центральное Статистическое Управление . 212
20. Центральный Архив 212
21. В.Ц.С.П.С. 212
22. Центросоюз 212
в) Судебная власть 213
Г. Партия и государственная власть 215

IX. Управление государством 220
1. Бюрократия и буржуазный парламентаризм . . 222
2. Бюрократический режим и буржуазное самоуправление 228
3. Бюрократизм и Советская власть 235
4. Деловой метод управления 242

X. Власть на местах и местное самоуправление . . . 251
А. Общее значение власти на местах 251
Б. Федеральные части Р.С.Ф.С.Р. 259
а) Независимые союзные республики . . 261
б) Автономные республики 262
в) 1. Автономные области 262
2. Об'единенные автономные области . . 262
г) Автономные трудовые коммуны . . . 263
В. Губ. Испол. Ком. 263
1. Общее положение 263
2. Отделы Губ. Исполкома 265
Г. Уездный Исполком 267
Отделы Уездных Исполкомов 268
Д. Советы—местная власть 268
I. Городские Советы 268
а) Городские Советы *губернских* и пр. крупных городов 268
Функции Городского Совета 269
Порядок заседания Советов 269
Городской Исполнит. Комитет (Горисполком) . 270
Функции Гор. Исполкома 270
Права и обязанности членов Советов и И. К. . 270
б) Городские Советы *уездных* городов . . . 271
в) Городские Советы *заштатных* городов, *фабричных* и заводских поселков 271
2. Сельские Советы 272
Задачи Сельских Советов 272
Порядок заседаний Сельских Советов . . . 273
Е. Волостной С'езд и Исполком 273
Ж. Порядок сношений сельских властей 274
З. Волостные и сельские выборы 275

XI. Государственный бюджет 278
XII. Эмблемы Советской власти 282
XIII. Последнее действие: государство умирает . . . 285

Замеченные опечатки.

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
6	снизу 17	относящиеся	относящийся
7	сверху 12	Государствов	Государством
13	„ 16	*мертвы*	*мертвых*
„	снизу 9	понитие	понятие
„	„ 4	барьбы	борьбы
„	„ 2	церкри	церкви
14	сверху 1	началось	началась
„	снизу 4	центролизации	централизации
16	сверху 2	*вещам*	*вещами*
23	„ 16	„правеют,	„правеют“
„	снизу 1	трудящисхя	трудящихся
26	сверху 12	экономичоской	экономической
„	снизу 8	толлько	только
35	сверху 5	были не чем	были ни чем
37	„ 5	материальную	материалом
„	снизу 13	револююиею	революциею
38	сверху 16	рсские	русские
40	снизу 17	влисти	власти
„	„ 5	негде	нигде
47	сверху 21	германекому	германскому
48	снизу 3	Ком. Маннф.	Ком. Маниф.
52	„ 2	кок	как
53	сверху 4	партию	партиею
„	„ 5	состовляла	составляла
„	„ 5	Интернационалу	Интернационала.
„	снизу 15	словама	словами
„	„ 4	участовать	участвовать
55	сверху 8	(возглас из зала: штурмом?.	(возглас из зала: штурмом?)
„	„ 15	почтву	почву
„	снизу 19	междуродном	международном
58	„ 9	в архаизме	в анархизме
„	„ 3	необходимое	необходимо
59	сверху 7	предсказываль	предсказывал
„	сверху 18-19	революционной точки	революционной точке
„	„ 20	порламенских	парламентских
„	„ 20	говорит: Это	говорит: „Это
„	снизу 14	концой	концов

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
60	сверху 19	сотоянии	состоянии
»	снизу 16	цитируют	цитирует
»	» 15	революци	революции
63	сверху 9	В декрет	В декрете
»	снизу 1	переживает	пережевывает
64	» 5	как Ленин Р. К. П.,	как Ленин, Р. К. П.,
66	сверху 7—8	правительство, черни,	правительство черни,
69	» 15	соотвествующую	соответствующею
71	» 3	досударство	государство
72	» 5	ее состроем	ее со строем
73	» 11	об'едвнения	об'единения
»	снизу 14	оставалось	оставалась
74	» 9	уничтожается	унижается
75	сверху 3—4	гостно	государство
77	» 11	выдающимся	выдающемся
80	сверху 2	причие	прочие
»	» 3	изменены	измены
»	» 22	голосание	голосование
81	» 13	меньшивиков	меньшевиков
82	» 20	сласса	класса
83	снизу 14	имее	имея
»	» 13	каммун	коммун
84	» 15	обстрактного	абстрактного
»	» 14	бесплотна	бесплодна
86	» 22	государство	государство
»	» 10	различаем	различием
90	сверху 7	самоопределение,	самоопределения,
93	» 6	развитую	развитою
98	» 13	кратчейший	кратчайший
102	снизу 17	отные	отныне
107	сверху 17	контрвле	контроле
113	снизу 11	конценцию	концепцию
»	» 7	гначит	значит
115	» 2	отсуствиае	отсутствие
117	» 19	друго	другою
125	» 1	пользваться	пользоваться
128	сверху 1—2	столкновяние	столкновение
»	» 3	пользуются	пользуются
»	» 7	демекратии	демократии
»	» 13	воложения	положения
129	снизу 6	созновать	сознавать
»	» 4	достовляя	доставляя
130	сверху 12	*антирели иозными*	*антирелигиозными*
132	» 5	содержится	содержится

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
133	„ 11	как они	как он
134	сниз" 23	советской власти паны	светской власти папы
„	снизу 14—15	государственную	государственною
135	сверху 18	правитильства	правительства
„	снизу 17—16	(напр., духоборов до эмиграции.	(напр. духоборов до эмиграции).
„	снизу 8	Вследствие	Впоследствии
140	сверху 3	трдящихся	трудящихся
141	„ 3	ударило	удалило
„	„ 7—8	типогнафические	типографические
142	„ 9	демократия	демократия
„	снизу 5	лютиранские	лютеранские
143	сверху 2	свободной	свободой
153	„ 2	преподавание	преподавания
„	снизу 16	бунтовцами	бундовцами
155	сверху 4	частной	честной
160	„ 14	путешествврвать	путешествовать
164	„ 11	Комиссарматами	Комиссариатами
173	снизу 3	Марсс	Маркс
177	сверху 16	интеррсы	интересы
178	„ 2	в колликтивном	в коллективном
„	„ 4	*более общие*, чим	*более общие*, чем
„	снизу 1	выборвв	выборов
179	сверху 15	проозводить	производить
185	снизу 4	*безпрестрастном*	*безпристрастном*
203	сверху 20	*за ааконностью*	*за законностью*
215	„ 10	недюженными	недюжинными
„	снизу 2	нет но одного слова	нет ни одного слова
216	сверху 2	недорузумении	недоразумении
„	сверху 6	недорузумение	недоразумение
„	„ 13	праходит	проходит
225	„ 18	сминяемо	сменяемо
226	„ 15	фиодальный	феодальный
„	„ 18	Наполион	Наполеон
„	„ 24	деятили	деятели
235	снизу 18	*предовать*	*предавать*
236	сверху 17	счестьем	счастьем
„	„ 20	несчестьем	несчастьем
241	снизу 10	мозможно	возможно
244	сверху 6	*самоуправлению*	*самоуправлению*
250	снизу 21	кажрой	каждой
251	сверху 3—4	государсува	государства
252	„ 8	антогонизм	антагонизм
257	снизу 7	*выстили*	*высшими*

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
259	снизу 18	нак на всю власть	как на всю власть
261	сверху 8	свобдном	свободном
»	» 16	об'единения	об,единение
»	» 18	федерации	федерация
»	снизу 11	*до оворные*	*договорные*
262	» 15	Зырянская-Комп	Зырянская-Коми
»	» 4	*Испком*	*Исполком*
272	» 20	соседнелу	соседнему
282	снизу 4	ужяс	ужас
287	» 12	*напревлении*	*направлении*

Института
при Ц.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО"

при Курском Губкоме Р. К. П. (Большевиков).

Печать в руках рабочего класса является сильнейшим орудием агитации, пропаганды и просвещения масс

КНИГУ К МАССАМ

Вышла из печати и поступила в продажу по общедоступным ценам книга для рабочих и крестьян.

А. Богданов. Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах. Цена . . . . . 50 р.

А. Богданов. Краткий курс экономической науки, переработан. и дополненный Ш. Дволайцким. Цена . . 150 р.

Сборник исторических знаний. Популярное изложение для самовоспитания рабочих и крестьян. 460 стр. Цена 150 р.

Стучка. Учение о государстве и конституции Р. С. Ф. С. Р. Цена . . . . . 150 р.

Находятся в печати и в скором времени выйдут:

Бухарин. Теория Исторического Материализма.

Каутский. Экономическое учение Карла Маркса.

Популярный политический словарь.

Степанов. Мысли о религии (популярная брошюра).

Ленин. Государство и Революция.

Покровский. Русская история I—II ч.

Готовятся к печати ряд книг и пособий для совпартшкол, кружков политического воспитания, рабочих клубов и изб-читален.

Книги имеются в продаже в магазине издательства: Курск, улица Ленина № 22 и в магазинах Курского Губсоюза и его У и Райотделениях.

Издательством организуются красные повозки для продажи и распространения книг по селам.

Оптовая продажа производится из склада издательства: Агитотдел Губкома (куда и следует обращаться за всеми справками).

Имеются в продаже книги и других издательств, а посему издательство берет на себя комплектование библиотек и приобретение книг по заданиям партийных, профессиональных организаций, школ, клубов и Марксистских кружков.

В скором времени прибудут учебники и портреты вождей революции, а также предпринимаются меры к изданию дошевых лубочных картин разных красок.

Книгоиздательство ставит целью дать рабочим и крестьянам книгу из первых рук по удешевленным ценам и организована на паевых началах.

Паевой взнос определяется в размере 100000 р. Желающие вступить пайщиками могут вносить деньги на текущий счет издательства: Курское отделение Госбанка № 122.

Рекомендуется всем хозяйственным органам, Уисполкомам, Укомам, Профсоюзам вступить пайщиками. НА ПАЕВЫЕ ВЗНОСЫ ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА.

Р. Ц. № 152. Тираж 5000 экз.

Курск, типография ГСНХ, № 2, ул. Ленина, 22.